Киран Роджер, Кении Томас
Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР

Москва, 2009

Оглавление

Вступление....1
Глава 1. «Подпольная экономика» в Советском Союзе и её влияние на развитие страны....11
Глава 2. Горбачёв. Стратегия перестройки....38
Глава 3. «Незаметный» поворот направо 1987-1988 годов....71
Глава 4. Кризис и крах 1989-1991 годов....105
Эпилог....139
Источники на английском языке....164

Вступление

Авторы данной книги дают себе полный отчёт, чем может обернуться обращение к столь сложной и объёмной теме. Возможность различных несоответствий между реальным содержанием событий и их отражением способами научного анализа дополнительно усугубляется ещё и тем, что сами авторы не были непосредственными участниками или даже свидетелями происходящего. И всё же чрезмерная важность проблематики в конце концов подтолкнула их к тому, что известный прогрессивный исследователь США времён «холодной войны» Герберт Аптекер мог бы назвать «испытанием серьёзного, углублённого исследования».

Начиная нашу работу, мы считаем необходимым прежде всего помочь читателям избавиться от тех ложных стереотипов и интерпретаций, за которыми, как правило, система формирования общественного мнения Запада старается скрыть правду о подлинной сути событий, связанных с крушением СССР и социализма в нём самом и в странах Восточной Европы.

Одним из таких представлений является, например, широко распространённый взгляд, будто «всё происшедшее в СССР за последние годы существования советской власти было полной неожиданностью для всех». По мнению историка Антони д'Агостино, автора данной концепции и книги «Революция Горбачёва», изданной Университетским издательством Нью-Йорка, «суть этой неожиданности такова, что её просто никак нельзя ни понять, ни объяснить с точки зрения каких-либо уже известных основных идейных и политических тенденций в знакомой нам истории развития человечества».

Этим взглядом, в общем, вторят и идеи известного на Западе советолога Александра Даллина.

В своём анализе «Причины распада Советского Союза» (изданном в 1992 г. вместе с другими материалами под общим заголовком «Постсоветские исследования») он тоже уделяет особое внимание реакции мирового сообщества на события, происходящие в СССР. «Народы всего мира - кто с болью, кто с другими чувствами, но все с одинаковым удивлением - наблюдали за процессами уничтожения советской системы и исчезновения одной из самых могучих сверхдержав мира, равно как и самой правящей в течение столь долгих десятилетий коммунистической партии, чья сила и долговечность давно уже перестали вызывать какие-бы то ни было сомнения», - пишет он.

Своим собственным путём, но к тому же выводу приходит и Эндрю Мюрей. В исследовании, изданном в 1996 году в Лондоне под заголовком «Третья мировая война», он приводит слова кубинского руководителя Фиделя Кастро, что на протяжении многих лет для миллионов людей по всему свету «Советский Союз являлся чем-то столь же надёжным и долговечным, как восход солнца в начале дня. Он был могучей, прочной и сильной страной, много раз доказавшей свою способность выстаивать во всевозможных испытаниях».

Однако как многочисленные спекуляции, так и искренние признания насчёт неожиданности развала советского государства и социалистической системы делают возможным появление торжествующих, самых радикальных и даже несколько экзотических объяснений этих событий со стороны исследователей и политиков откровенно правого толка. Для них всё происшедшее представляется не чем иным, как «победой капитализма» в так называемой «холодной войне». На этой основе некоторые из них вроде Френсиса Фукуямы, одного из приближённых советников тогдашних президентов США, даже поспешно объявили о якобы уже наступившем «конце Истории». По их мнению, весь ход событий как бы со всей очевидностью доказывает, что именно капитализм является высшей стадией всего политического и экономического развития человеческой цивилизации.

Миллионы людей в мире, сочувственно относящиеся к Советскому Союзу, конечно, далеко не склонны разделять подобные триумфальные чувства, мысли и аргументы правых. Распад советского государства и разрушение советской общественно-экономической системы были для них событиями откровенно трагической значимости и последствий. Однако они нисколько не поколебали их убеждений ни в правоте марксистско-ленинских воззрений на ход развития человечества, ни в общественно-исторической роли классовой борьбы угнетённых людей и народов мира против корпоративной власти капитала. Не пошатнулась и уверенность трудящихся, борцов за национальное освобождение, участников движения за прочный и подлинный мир, за сохранение жизненной среды на земле, защитников истинных прав человека, в необходимости продолжать эту борьбу. Однако в новой ситуации требуется, прежде всего, углублённое теоретическое переосмысление с позиции марксизма основных практических направлений как нынешнего, так и дальнейшего развития антикапиталистической борьбы за социализм.

Для всех, кто верит в возможность устройства лучшего мира на земле, в котором бы не было капиталистической эксплуатации с бездной социального неравенства, алчности, бедности, невежества и бесправия, разрушение Советского Союза стало, конечно, трудно возместимой потерей.

Разумеется, у советского социализма были свои проблемы. О них ещё пойдёт речь далее. В мире имеется немало научных исследователей и политиков, считающих себя деятелями «левой ориентации», которые склонны считать, что советский строй и опыт являются далеко не единственными формами осуществления социалистического идеала. И всё же, пока что за всю историю человечества, лишь в Советском Союзе и при его системе увидело свет, впервые в общественной практике, основное условие возникновения социалистического общества, - так, как оно было определено и выдвинуто Марксом. Речь идёт об обществе, отвергшем буржуазную форму частной собственности на средства производства, безраздельный диктат так называемого свободного рынка и капиталистической государственной машины, и заменившем их принципиально новой коллективной формой собственности, системой единого централизованного экономического планирования и социалистическим государством трудящихся. Причём только в условиях советского строя был достигнут на практике такой уровень социального равенства и благосостояния населения страны, такие масштабы доступного для всех здравоохранения, обеспеченности жильём, трудовой занятости, всеобщего образования и культуры, какие никогда раньше, да и поныне, не под силу прочим общественным системам и режимам.

Хочется привести ещё один короткий перечень успехов и достижений советского государства и строя, который, может быть, некоторым покажется лишним. И всё-таки сегодня нам кажется исключительно важным ещё раз напомнить о том, что при советском социализме не только были упразднены эксплуататорские общественно-экономические отношения старого строя, но и ликвидирована безработица. В СССР не существовало дискриминации по расовому или национальному признаку, не было унизительной бедности для подавляющего большинства населения. Там невозможно было столкнуться и с удручающим блеском владельцев чрезмерных личных богатств. Зато были практически неограниченные возможности образования, с непревзойдённой и по сей день степенью всеобщей его доступности, как и другие пути развития человеческой личности.

Всё это оказалось возможным только в силу нелёгкого, но, в конечном итоге, оказавшегося исключительно успешным пути, пройденного советским государством за годы его существования. До начала развёрнутого строительства социализма на долю СССР приходилось всего лишь 12% объёма промышленного производства США. Всего за полвека эта доля возросла до 80%. Примерно за тот же период уровень сельскохозяйственного производства Советского Союза стал равен в среднем 65% сельскохозяйственного производства США, самого высокоразвитого и могущественного капиталистического государства. По

данным статистики, общая стоимость потребления на душу населения в СССР по некоторым показателям продолжала отставать от соответствующего уровня США. Однако ни в каком другом обществе, кроме советского, за столь короткие исторические сроки никогда не был обеспечен такой быстрый и решительный рост уровня жизни и потребления практически всего населения страны.

Только законодательство Советского Союза и существующие в нём общественно-экономические условия давали все гарантии полной трудовой занятости всех людей.

Бесплатными и общедоступными были и все формы и ступени образования, начиная с детских садов, начальных и средних школ, включая систему специализированной профессиональной и технической подготовки, и доходя до многочисленных институтов и университетов. Мало того, благодаря широкой сети дешёвых общежитий и столовых для учащихся, разнообразных стипендий, оказывалась дополнительная реальная финансовая помощь самим учащимся и их семьям.

В СССР на душу населения приходилось в два раза большее, по сравнению с США, число врачей. Здравоохранение было бесплатным и доступным для всех. Во время болезни или лечения производственных травм за рабочими сохранялись рабочие места, причём эти больничные периоды оплачивались. По данным статистики, к середине 70-х годов в СССР на долю каждого рабочего приходилось в среднем 21,2 рабочих дней отпуска в год. Пребывание в санаториях, домах отдыха и детских лагерях было к тому же либо совершенно бесплатным, либо оплачивалось по символическим ценам.

У профсоюзов существовали реальные права в деле разрешения всех проблем, споров и конфликтов на рабочем месте. Они могли отменять неправомерные приказы об увольнениях и даже обладали правом отзывать руководящих функционеров с занимаемых должностей.

Все цены в стране подлежали государственному регулированию. Цены на основные товары, пищевые продукты и на жильё дотировались крупными субсидиями со стороны государства. Суммы за наём жилья составляли не больше 2-3% бюджета среднестатистической семьи, а вместе с платой за воду и другие удобства не превышали 4-5%. Возможности получения жилья распределялись в основном в зависимости от потребности граждан. Вместе с тем была, конечно, и практика концентрации в определённых районах соответствующего жилфонда, предназначенного для функционеров высшего руководства страны. В повседневной жизни, однако, вполне нормальной практикой считалось, если директора предприятий, медицинские сёстры, университетские преподаватели, дворники и рабочие жили рядом, зачастую на одном и том же этаже, в одном и том же доме.

Проводимая правительством политика на всестороннее повышение уровня жизни в стране, как правило, предусматривала широкую гамму мероприятий, направленных на культурное и интеллектуальное развитие

личности. Государственные субсидии книжному делу, газетам, сценическим искусствам и т.д. держали цены на их продукцию на уровнях, близких к минимальным. Прямым результатом такой политики являлись, например, многочисленные личные библиотеки, которые часто можно было увидеть и в домах рабочих. По статистике, у каждой семьи в Советском Союзе была подписка хотя бы на четыре периодических издания в год. По данным ЮНЭСКО (специализированной Организации ООН по делам экономики, социальной политики и культуры), граждане СССР читали больше книг и смотрели больше фильмов, чем какой бы то ни было из остальных народов мира. Число посетителей музеев каждый год равнялось почти половине всего населения страны, а общая численность зрителей и слушателей в театрах, концертных залах и на других событиях культурной жизни нередко превышало число всего населения государства. Повышение уровня грамотности и уровня жизни самых отсталых районов Союза было объектом специальных усилий государственной политики. Целенаправленно поддерживалось развитие собственной культуры более ста отдельных национальных групп и народностей по всей территории СССР. До 1917 года, например, только один из 500 жителей Киргизии мог читать и писать. За 50 лет советской власти почти всё население этой республики стало грамотным.

В своём труде «Состояние и перспективы развития классовой структуры советского общества» социолог из США Альберт Шиманski делает анализ целого ряда исследований западных учёных, посвящённых советской политике в области доходов, их распределения и состояния уровня жизни в стране. В ходе своей работы он пришёл к выводу, что признанные и известные представители искусства и литературы, профессора и ученные, а также высшие руководители страны составляют категорию наиболее высокооплачиваемых слоёв и групп населения. Однако потолок их доходов не превышал 1200-1500 рублей в месяц. В то же время зарплата высокопоставленных государственных служащих составляла около 600 рублей в месяц. Директора предприятий получали 190-400 рублей, а рабочие в среднем - около 150 рублей.

Стало быть, уровень наибольших доходов в СССР был примерно в десять раз выше средних доходов рабочих. За тот же исследуемый период разница в доходах высших служащих корпораций и рабочих в США составляла 115 раз.

Существование социальных различий в советском обществе порождало, конечно, определённые критические настроения. Несомненно, людям не нравились привилегии материального характера для высокопоставленных служащих и руководителей, их магазины и системы специального снабжения товарами, государственные легковые машины, дачи и прочее. И всё же существование этих различий было не в состоянии приуменьшить или отменить общую тенденцию развития советского общества в сторону всё возрастающего социального равенства и гармонии. В то же время общее развитие США шло в совершенно противоположном направлении. К примеру, к концу 90-х годов размеры жалований высших корпоративных руководителей превосходили средний

уровень заработков рабочих уже в 480 раз.

Конечно, в СССР были свои проблемы в области социальной справедливости и распределения доходов. Они усугублялись и дополнительно обострялись и некоторыми тенденциями к неоправданной уравниловке в трудовом вознаграждении за разный объём и качество труда. О них речь ещё пойдёт далее.

Вместе с тем следует ещё раз подчеркнуть, что в историческом плане никакому другому государству, кроме СССР, никогда и нигде не удавалось достичь столь высокой степени социального равенства и гомогенности (однородности по составу, свойствам, происхождению) при одновременном впечатляющем росте уровня жизни практически для всех слоёв и групп населения. Решающей предпосылкой для такого развития была экономическая политика советского государства, проводимая в условиях общенародной собственности на средства производства и системы единого экономического планирования.

Существование этих условий и предпосылок делало возможным, например, постоянное применение таких мер в области формирования цен, вследствие которых цены на товары класса люкс, как правило, всегда устанавливались на уровнях, намного превышающих их стоимость. Одновременно с этим, товары первой необходимости всегда и везде предлагались по ценам ниже их действительной стоимости. Таким образом, кроме всего прочего, осуществлялось и своего рода вторичное перераспределение денежной массы и средств более высоко оплачиваемых социальных групп в сторону интересов широких слоёв населения.

Формирование, функционирование и развитие целого ряда общественных и социальных фондов потребления составляли другую, очень существенную, исключительно социалистическую характеристику собственно экономических рычагов существования и действия системы советского социализма.

С последствиями и результатами существования и действия этих фондов граждане СССР и других стран социалистической общности непосредственно сталкивались буквально на каждом шагу своей жизни. Общественный транспорт и основные продукты питания по символическим ценам, бесплатные и общедоступные здравоохранение и образование, отдых, забота о материнстве и детях, всеобщее пенсионное обеспечение всех граждан страны по исполнению определённого возраста и т.д. и т.п., - всё это финансировалось общественными фондами социального развития. Ко всему этому люди в СССР привыкли. Это считалось как бы само самой разумеющимся, на что с течением времени стали обращать всё меньше и меньше внимания. Просто брали то, что полагается. А иным этого даже и не хватало. Хотелось чего-то большего…

А нигде в других странах и при других экономических системах ничего подобного никогда не было даже и в помине. Из-за этого там о таких вещах довольно скромно старались умалчивать.

Почему-то, однако, об общественных фондах не так уж много говорилось и в самом Советском Союзе. Впрочем, говорилось, в общем-то, немало, но преимущественно в тонах пропагандистских. Надо было что-то сказать в ответ пропаганде Запада, вот и говорили об общественных фондах.

А о них следовало бы думать и писать гораздо глубже и серьёзнее, ибо они на самом деле были подлинным историческим «новшеством» экономической системы социалистического общества. Одна из причин недостаточного внимания к ним со стороны советской, да и вообще марксистской общественной мысли, могла заключаться в двойственном и несколько внутренне противоречивом способе формирования и накопления этих фондов.

Оно происходило за счёт прибавочного продукта, получаемого в ходе процесса производства. Об этой категории политической экономии социализма тоже почему-то мало говорилось. Иной раз даже шутили: «Вот там, при капитализме, прибавочная стоимость, а у нас тут, мол, продукт прибавочный получается…»

А разница, между прочим, принципиальная и огромная. Прибавочная стоимость при капитализме прямо приводит к непосредственному возрастанию массы капитала. Поскольку капитал является частной собственностью капиталиста, то нет никакой гарантии, что он и впредь будет оставаться в системе непосредственно общественного воспроизводства и будет её обслуживать. Наоборот, практика показывает, что он чаще всего склонен покидать её. Он может либо осесть в банке под большие проценты, либо пойти на частное потребление собственника, либо на что угодно.

С добавочным общественным продуктом в условиях социализма это произойти не может. Он прочно остаётся в системе общественного воспроизводства и разными способами и путями идёт вновь и вновь на пользу как обществу в целом, так и непосредственному производителю (рабочему), в частности. К тому же это происходит способами и формами, всё более существенно отличающимися от уже известных, преимущественно денежных, средств и механизмов. В этом и проявляется суть социализма как начала перехода человеческого общества и его экономической системы от полного и безраздельного господства товарно-денежных отношений к другому способу общественно-экономической организации, которую классики марксизма определяли как коммунистическую.

Социализм, как известно, положил конец классовому разделению и противоречиям общества старого типа. Он успешно справился с организованным сопротивлением эксплуататорских класс, уничтожил их политическую и военно-полицейскую машину угнетения трудящихся. Социализм упразднил частную собственность на средства производства и на основе общей, коллективной собственности создал систему единого экономического планирования основных производственных процессов.

Вместе с тем, однако, социализм далеко не полностью и не во всём смог обеспечить отказ и отход от всех форм финансово-экономических механизмов, исторически присущих существовавшей до него общественной формации капитализма, с чем столкнулся ещё Ленин непосредственно после установления советской власти. Этим фактором был вызван его известный стратегический манёвр с нэпом, давший возможность социализму выиграть время и обдумать курс своего укрепления и дальнейшего развития в сфере организации экономики, производства, финансов и т.д.

Без сомнения, Сталин и люди вокруг него тоже сознавали как важность, так и сложность этих проблем, которые не случайно, вместе с вопросами самой политической и идеологической борьбы, неизменно находились в центре внимания большевистской партии и советского государства весь период до начала Великой Отечественной войны. Именно тогда была проделана по-настоящему огромная и исторически значимая работа по созданию и развитию принципиально новых форм и методов хозяйствования и финансовой организации. Они, по сути дела, отмечали ту степень отхода от безраздельного господства товарно-денежных отношений, которая оказалась тогда под силу как советскому строю, так и человечеству в целом.

Одновременно, говоря как о теории марксизма-ленинизма, так и о практике непосредственного социалистического созидания, всегда неизменно подчёркивалось, что на стадии социализма такой отход просто не может быть полным и исчерпывающим. В этой связи вопросом первостепенной важности всегда был и остаётся вопрос о формах, методах, направлениях и темпах процесса преодоления главенства товарно-денежных механизмов и отношений - при разных сочетаниях общественно-экономических и политических условий.

Кажется, в последний раз всерьёз подходил к этим проблемам Иосиф Виссарионович Сталин в своём известном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», изданном во второй половине 1952 года. После этого однако, в силу ряда причин и обстоятельств, пути решения проблем и дальнейшего развития социалистического общества и его экономики всё чаще начали связывать с «аргументами» и «мерами» о якобы «безотлагательной необходимости» возвращения… к методам и механизмам рыночной экономики и товарно-денежных отношений. К чему данные меры в конечном итоге привели - уже известно, и речь об этом пойдёт далее. Пока, однако, вернёмся ещё раз к выводам Альберта Шиманski, который подчёркивал: «Хотя и бытовало немало мнений, что социальная структура советского общества во многом отличалась от представлений об идеале коммунизма, в ней всё же были достигнуты такие уровни подлинного социального равенства, которые были и остаются просто немыслимыми в капиталистических странах Запада. Никаких сомнений и возражений не может вызывать обстоятельство, что социализм в СССР и других странах социалистического содружества на деле привёл к самым радикальным изменениям в пользу широких масс трудящихся».

Этот опыт, вне всякого сомнения, будет на пользу и всем тем, кто в дальнейшем встанет на путь преодоления товарно-денежных отношений и финансово-экономических механизмов деятельности капитализма и поиска других моделей более справедливого и разумного устройства общества.

Ещё более ощутимой и трудно возместимой потерей был распад и исчезновение СССР как гаранта мира, фактора стабильности и прогрессивного развития на международной арене. Советский Союз был решающей силой, противостоящей капитализму и империализму. Его разрушение было равнозначным разрушению той модели развития, которая обеспечивала независимость и отсутствие диктата со стороны Западной Европы и США и к которой стремилось немало стран и народов во всём мире. Во многом исчезли и источники непосредственной поддержки движений национального освобождения и ориентации целого ряда государств на социалистическую модель развития общества.

В этой связи особую важность вновь и вновь приобретают проблемы как можно более глубокого выяснения причин и факторов, обусловивших в конечном итоге ход процессов уничтожения СССР и его общественно-экономической системы. Со времени своего «большого триумфа над коммунизмом» в начале 90-х годов пропагандистские центры правых сил Запада пустили в обращение несколько комплексов идей на сей счёт.

В центре первого такого комплекса заложен тезис о том, что советский тип социализма и его система планового хозяйства просто оказались не в состоянии обеспечить своим гражданам нужного количества и качества материальных благ, в силу чего исчезли и основания их дальнейшего существования.

Вокруг этого основного тезиса вращаются идеи о якобы «изначальных пороках советского строя», о том, что он был «порождён в насилии» и жил «одним насилием», что он «отрицал всю природу человека» и, уж конечно, был «полностью несовместимым» с самой идеей демократического развития.

Вместе с тем всячески подчёркивается вся «тщетность» исторических усилий создания качественно новой модели общественно-экономического устройства, находящейся под контролем рабочего класса и принципиально отличающейся от всех ранее известных примеров политической и социальной практики. Развал Советского Союза и его системы, таким образом, выдавался неким подтверждением политического идеала правых о якобы «извечной природе капитализма», являющегося «наивысшей доступной степенью» развития цивилизации человечества.

Зачастую этим взглядом правых, вольно или невольно также вторит и ряд научных исследователей и общественных деятелей, которые по традиции причисляют себя к разряду «левых». Как в прошлом, так и ныне, большой удельный вес приходится здесь на долю социал-демократии и её уклонов.

Хоть и не так рьяно, как правые, но они так же твердят о якобы «глубинно-ошибочной и не подлежащей исправлению и развитию» природе советского социализма, об «отсутствии демократии» и «чрезмерной централизации» его системы. Социал-демократы, в принципе, не отвергают возможность возникновения и развития социалистического общества. Однако вместе с тем они считают, что «неудачи и провал» советского общества во многом отнимают у марксизма-ленинизма его исторические основания быть и впредь руководящим началом возможного движения человечества в этом направлении. По их мнению, будущие варианты социализма должны строиться и развиваться путями и способами, в корне отличными от всего того, что было практикой и работало в условиях советской модели.

Притом социал-демократы, как правило, считают, что так называемые «реформы» Горбачёва» не только не были ошибкой, но даже, наоборот, «слишком опоздали».

На практике всё это равнозначно признанию «неправомерности» как марксистско-ленинской теории социализма, так и всей борьбы против капитализма в мире за весь исторический период до 1985 года. Возможные «новые формы» возникновения социализма не должны иметь ничего общего с прежним типом социалистического общества, а борцы против капитализма просто должны понять, что «история не на их стороне», и их уделом может быть всего лишь дорога к социальным реформам «мягкого» типа.

Нетрудно заметить, что основное содержание подобных взглядов не так уж сильно отличается от того, что после распада Советского Союза и социалистической системы так рьяно стараются внушить всему миру пока торжествующие представители правых.

Тем не менее, вопрос о судьбах капитализма вновь и вновь будет ставиться на повестку дня ближайшего будущего человечества по мере разворачивания и дальнейшей радикализации современных движений против глобализма и с возрастанием общественной активности рабочего класса. Этому будут способствовать тенденции экономического спада в хозяйственной системе капитализма, всё более усиливающиеся в наше время, а также обострение таких свойственных капитализму явлений, как безработица, социальное неравенство, разрушение окружающей среды, нарастающая склонность к разжиганию всё новых кровопролитных и разрушительных войн в разных районах мира. Однако, несмотря на весь свой несомненный революционный потенциал, антикапиталистические движения современного рабочего класса вряд ли выйдут за рамки узких экономических требований и актов протеста преимущественно морального, анархического или нигилистического характера, если рабочим успешно вдолбят в голову представления о том, что у социализма якобы просто нет реальных шансов для существования.

Всё это лишний раз доказывает необходимость и значение той дискуссии, к которой подходим и мы в ходе работы над нашей книгой. Данной работе благоприятствует и то обстоятельство, что с течением

времени возрастают возможности более углублённого и всестороннего, подлинно научного исследования и оценки всего периода и всего значения существования советского общества.

С одной стороны, очевидно, сошли на нет все те чересчур оптимистические, «розовые», «бархатные» и какие бы-то ни были ещё ожидания того, что с якобы наступившим концом «холодной войны» придёт эра подлинного мира, благоденствия и безмятежного счастья. В действительности на смену прежней двухполюсной модели политической жизни и международных отношений пришёл «новый однополюсный порядок», в рамках которого США всячески стараются в одностороннем порядке навязывать власть и диктат своей военной и корпоративной экономической мощи. На место ярого антикоммунизма недалёкого прошлого в качестве основной идеологии капитализма стал современный глобализм.

По его постулатам мир сегодняшний и будущий должен находиться под безраздельным господством считанного количества транснациональных корпораций. Монополия на применение новейших достижений информационных и других современных технологий, по убеждению архитекторов и стратегов «нового мирового порядка», должна обеспечить этим корпорациям как немыслимые до сих пор возможности получения сверхприбылей, так и практически ничем не ограниченную власть над судьбами и жизнью всего человечества. По их замыслам, все прочие звенья мира сегодняшнего и будущего, все национальные государства, движения национального освобождения, профсоюзов, защитников окружающей среды и прочие должны безоговорочно и полностью повиноваться всем требованиям и взысканиям глобализма.

С исчезновением Советского Союза как силы, реально противостоящей капитализму, становилось всё явственнее, что в самой системе капиталистического хозяйствования, капиталистического государства будет уделяться всё меньше внимания удовлетворению социальных требований широких слоёв населения. Пошли процессы и всё более жёсткого упразднения общественно-государственных секторов экономики, а также кейнсианских и неокейнсианских систем её регулирования, применявшихся после Второй мировой войны. Это лишний раз выявило всю тщетность ожиданий некоего «третьего» - не социалистического, но и не капиталистического, лучшего, чем они оба, - пути развития человечества. Ныне во всех странах так называемого «демократического мира» основные проблемы экономики и политики повсеместно решаются при непосредственном участии или под давлением идеологии и партий «неолиберального», правого толка. Прямым следствием такого развития явилась новая волна бедности и социального неравенства, которая после 1991 года буквально захлестнула мир, угрожающим образом охватывая всё больше стран и всё более многочисленные слои человечества.

После разрушения Советского Союза беспощадно рассеялись и все иллюзорные представления о светлых перспективах эры «прочного мира»,

якобы наступающей после времён «холодной войны». Противно всем ожиданиям преобладающей части человечества, бюджеты военных расходов США не только не выявили каких-либо тенденций к сокращению, но бешеным галопом пошли вверх. Это явилось прямым следствием политики лидеров типа отца и сына Бушей и их сторонников из лагеря правых «либералов», все усилия которых на деле оказались направленными на поиск всё новых поводов и оправданий для взвинчивания военных расходов, разработки и развёртывания всё более дорогостоящих систем вооружений. Так что не стремление к упрочению мира, а скорее - всевозможные действия по сохранению и даже обострению напряжённости оказались в конечном итоге определяющими для политического курса всех администраций США после конца «холодной войны». Этой политике одинаковым образом служили военные акции «против» производителей наркотиков или исламского фундаментализма в разных странах «Третьего мира»; «гуманитарные интервенции» типа тех, что проводились против народов Югославской Федерации; а также всевозможные действия и кампании в связи с якобы нарастающей угрозой со стороны государств, причисленных к «оси зла» (вроде КНДР, Ирана, Кубы и т.д.), продолжающих не считаться с претензиями имперского глобализма на всемирное господство.

Вершиной такой политики стал курс администрации США на непрерывную войну против «международного терроризма», поводом для объявления которого стали взрывы 11 сентября, разрушившие башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Такой ход событий в мире во многом стал причиной для весьма заметного охлаждения восторгов и энтузиазма, овладевших определёнными общественными слоями на Западе в связи с крушением СССР и его социально-экономической, политической и военно-стратегической системы. Всё чаще стали появляться и более трезвые и объективные оценки роли советского фактора как для мировой истории, так и для общественно-экономических процессов, которые оказывают самое прямое воздействие на непосредственный быт, качество и уровень жизни сотен миллионов людей на Земле.

Масштабы разрушительных последствий установления порядков капитализма прямо-таки бандитско-криминального типа в странах СССР и прежней социалистической системы в Восточной Европе, в свою очередь, тоже привели к заметному спаду энтузиазма, первоначально охватившего там часть населения в годы «перестройки». Всего за десять с лишним лет то, что раньше казалось радужным результатом «демократического преобразования» и «нового возрождения рыночной экономики», обернулось чрезвычайно злой шуткой для подавляющего большинства людей.

По данным доклада о программе развития ООН за 1998 год, «ни в каком-либо другом районе мира за период после 1990 года не было отмечено столь явственное возрастание тенденций и явлений открыто регрессивного плана, как в странах прежнего Советского Союза и

Восточной Европы. Число людей, проживающих в бедности, выросло там более чем на 150 миллионов, что превосходит общую численность населения Франции, Великобритании, Нидерландов и Скандинавских стран вместе взятых. В этих странах имели место также и самые катастрофические инфляционные процессы в мире за истёкший период, что привело к резкому спаду уровней национального дохода в них».

Ещё дальше идёт в своих выводах известный исследователь Стивен Ф. Коэн. В своей книге «Неудавшийся крестовый поход», вышедшей в свет в 2000 году, он приводит данные о том, что в 1998 году общий объём прежней советской экономики, уже находящийся во владении гангстеров-капиталистов и иностранцев, составлял чуть меньше половины того, каким он был в начале 1990 года. Общая численность мясо-молочного животноводства составляла не больше четверти прежнего поголовья скота. Уровень средней зарплаты рабочих был ниже 50% того, что они зарабатывали раньше. Снова дают о себе знать заразные эпидемические заболевания типа брюшного тифа, холеры и пр. Миллионы детей страдают недоеданием. Средняя продолжительность жизни у мужской части населения упала до 60 лет, т.е. до уровней конца XIX столетия.

По словам автора, «развал национальной экономики и её социальной направленности принял такие размеры, что на практике привёл почти к полному исчезновению облика современной цивилизованной страны двадцатого века». По мере таких прямо катастрофических результатов, связанных с так называемым «русским путём капитализма», всё более затихали голоса тех, кто особо изощрялся на счёт якобы «неизлечимых проблем» социализма советской эпохи.

Последствия разрушения Советского Союза для судеб мира в XX веке, после целых семи десятилетий его победного и успешного развития, по масштабам трагизма просто нельзя сравнить ни с каким другим событием такого рода во всей истории человечества.

Поэтому мы считаем, что изучение процесса разрушения Советского Союза является крайне важным и даёт нам достаточно оснований, чтобы приступить к обстоятельному анализу и подлинной оценке как достижений СССР, так и масштабов и последствий всех массированных внешних воздействий, направленных против него.

Глава 1. «Подпольная экономика» в Советском Союзе и её влияние на развитие страны

В начале главы авторы решили привести три отрывка из разных исследований, посвящённых данному явлению в жизни советского общества. Таким образом нам хотелось бы направить внимание читателей как на его основные характеристики и содержание, так и на решающие последствия, которые, по нашему мнению, этот весьма специфический уклад экономики имел на всё последующее развитие и судьбу страны.

Её исследованию посвящено исследование Грегори Гроссмана

«Разрушительная самостоятельность. Историческая роль подлинных тенденций в советском обществе» (этот труд стал частью изданного в 1988 году сборника «Тоннель в конце света» в известном своими прогрессивными традициями университете Беркли в США под редакцией Стивена Ф. Коэна). Его автор считает, что «расцвет теневой экономики в СССР, наряду с другими, спрятанными за фасадом официальной жизни явлениями, - такими, как злоупотребления и незаконное присвоение определённой части общенародного богатства, коррупция и организованная преступность, - привёл в конце концов к парализации и разрушению всей существующей системы. Кульминацией этого процесса стало установление практического контроля с их стороны над деятельностью весьма значительных секторов административно-бюрократического аппарата государства и партии.

Наряду с этим, в разных областях жизни общества происходили процессы серьёзного торможения, а иногда даже уничтожения самих механизмов вертикальных связей властных структур на разных «этажах» системы управления. Это совпало со всё более ощутимой переориентацией личных (а возможно, и групповых) интересов значительной части правящей номенклатуры на новые, пока что неофициальные, но всё более отчётливо проявляющиеся центры богатства и власти. В конечном итоге, в своей совокупности все эти процессы и тенденции имели роковые последствия для самого существования советской системы во всех её государственно-административных, общественно-политических и международных измерениях».

«Возникновение и быстрое разрастание «теневой экономики» во второй половине 60-х годов привело к углублению экономического кризиса середины 80-х годов и к последующему развалу и распаду советской экономики», - подчёркивают в своей статье с почти таким же названием экономисты Владимир Г. Тремль и Михаил Алексеев. (Она является частью сборника «Экономические изменения после коммунизма», изданного в 1994 году одновременно в Сан-Франциско (США) и Оксфорде (в Великобритании) под редакцией Роберта У. Кэмпбела).

«Становление теневой экономики, с одной стороны, явилось следствием дефицита на рынке определённых товаров, являющихся предметом повышенного потребительского спроса. На первый взгляд, она как будто бы способствовала в определённой степени удовлетворению спроса… Наряду с этим, однако, дефицит некоторых товаров широкого потребления приводит к разрастанию и засилью обособленных групп организованной экономической преступности. Само их возникновение и существование, равно как и всё более распространяющаяся и усиливающаяся их деятельность и активность, с течением времени всё больше приобретают смысл фактора «более широкой значимости, способного при определённом стечении обстоятельств привести к масштабной дестабилизации всей существующей социально-экономической и политической системы общества». Такую характеристику

даёт явлениям «теневой экономики» известная советская исследовательница этих проблем Татьяна Корягина, научный сотрудник советского Института экономических исследований.

Наверняка в этой связи будет полезным вспомнить, что у всех общественных идей, в принципе, своя собственная жизнь. Она идёт и развивается и по своим собственным, так сказать, внутренним, присущим ей правилам и законам. Иногда по инерции или под воздействием каких-то эмоций, определённых общественных субъектов, у некоторых из этих идей вдруг может обнаружиться способность сохранять или вновь обрести своё «существование» даже после того, как из общества давно уже исчезли все реальные факторы и причины, когда-то способствующие их порождению и первоначальному становлению.

Наряду с этим не следует забывать или приуменьшать значимость того обстоятельства, что в условиях параллельного сосуществования общественно-экономических систем социализма и капитализма вполне естественно было ожидать перехода определённых идей из одной системы в другую. Процессы такого рода, в принципе, всегда имели место. Вместе с тем, в исследуемый нами период велась и чрезвычайно активная, агрессивная деятельность со стороны одной из вышеуказанных систем в целях внушения или даже навязывания определённых, присущих ей ценностей всем остальным странам, народам и обществам в мире того времени.

Так, например, вполне естественному интересу к «возрождению» в 70-80-е годы прошлого столетия в США бесконтрольного действия «свободного рынка» и его механизмов, сопутствовала чрезвычайно широкая и многоплановая активность ряда государственных и некоторых специализированных учреждений и ведомств этой страны. Целью такой деятельности являлась не только пропаганда, но и фактическое навязывание идей «свободного рынка» хозяйственному устройству других стран в качестве обязательного для всех способа мышления и практики. Именно тогда имена профессора экономической школы Чикагского университета Мильтона Фридмена и его коллеги из Гарварда профессора Джефри Сакса, с которыми в «академическом» плане связывалось это «второе дыхание» модели экономического либерализма, приобрели чуть ли не всемирную известность.

В связи с этим следует напомнить, что первое «чрезвычайно успешное» применение идей профессоров Фридмена и Сакса произошло в условиях кровавой военной диктатуры генерала Пиночета в Чили, установленной после преступного антиконституционного переворота и убийства законно избранного президента этой страны Сальвадора Альенде 11 сентября 1973 года. Подлинной причиной для продолжающейся и поныне кампании восхваления якобы имевшей место в годы диктатуры некоей «стабилизации» экономики стало, на самом деле, безоговорочное предоставление иностранным монополиям (преимущественно США) всех значимых ресурсов страны, при установлении режима полного бесправия и ограбления её трудящихся и

народа в целом.

Потом, в тех же «добрых традициях» и при условиях, весьма похожих на те, что были в Чили во времена Пиночета, произошли «рыночные реформы» в Боливии и Аргентине. На том же пути стали искать выхода из экономической стагнации и инфляции и в некоторых европейских странах, например, в Великобритании. Рецепты и модели такого плана разрабатывали даже в Польше времён социализма.

При подобном развитии событий казалось вполне естественным, что интерес к идеям Фридмена и Сакса будет проявлен также и со стороны определённых кругов в Советском Союзе. В плане политическом этот интерес «играл на руку» прежде всего тенденциям социал-демократической переориентации партии и государства.

По нашему мнению, именно здесь главным образом следует искать причины тех насколько неожиданных, настолько и лавинообразных изменений, происшедших в СССР и во всей социалистической системе того времени. Если бы внутри советского общества и самой системы социализма не существовало определённых социально-экономических кругов, проявляющих интерес к моделям развития подобного рода, то вряд ли «чисто интеллектуальное» воздействие и «привлекательность» идей экономики свободного рынка сами по себе смогли бы когда-нибудь привести к столь чувствительным последствиям такого широкого масштаба. Вряд ли также это могло бы произойти и под воздействием каких-то эмоций, если бы не было вполне определённых социально-классовых интересов неких общественных групп, уже оформившихся организационно и стремящихся к полному и бесповоротному разрушению практически всех компонентов существующей тогда системы социализма.

В годы первых десятилетий советской власти было принято считать, что враждебно настроенные к социализму социальные прослойки такого рода надо искать прежде всего среди определённых кругов крестьянства, а также среди некоторых социально-классовых формирований, интересы которых были чем-то затронуты со стороны новой власти, среди «нэпманов» и других представителей класса бывших капиталистов, добивающихся восстановления своего прежнего, нарушенного революцией социального статуса.

Однако вследствие коллективизации практически всё крестьянское население страны стало сельскохозяйственными рабочими, трудящимися в коллективных или государственных предприятиях сельскохозяйственного производства. Ускоренная индустриализация, с другой стороны, привела к становлению многочисленного рабочего класса, занятого в промышленности и проживающего в основном в городах. В силу этого значительно уменьшились, а впоследствии и почти полностью исчезли опасения и представления о существовании в недрах крестьянства некоторого социального базиса возрождения капитализма. Так, если по данным статистики в 1926 году крестьяне составляли 83% населения страны, то в 1975 году на их долю уже приходилось всего 20%. За тот же период общая численность рабочих в промышленности,

строительстве и транспорте возросла с 5 миллионов в 1926 году до 62 миллионов в 1975 году.

Однако после 1957 года в недрах социалистической системы начали созревать «гнёзда» и другого, уже нового социально-экономического базиса, благоприятствующего восприятию и распространению буржуазных идей. Корни этого базиса вели к таким слоям населения страны, которые тем или другим способом получали возможность развивать деятельность, способствующую их личному обогащению. По сути дела, это были весьма специфические, мягко говоря, способы частнособственнической деятельности, поскольку они «подкармливались» и вообще существовали преимущественно за счёт социалистической экономики и общенародной собственности.

Таковы были основы того явления, которое со временем всё чаще стало упоминаться и утверждаться как в научно-исследовательской литературе, так и в жизни самого общества под названием «второй», «скрытой», «теневой» или даже прямо - «подпольной» экономики, складывающейся в недрах советской общественно-экономической системы и функционирующей наряду с основной, первой и законной социалистической экономикой.

Другой важной характеристикой данного явления было то, что носители его как изначально, так и в течение довольно продолжительного периода времени, не выступали неким отдельным общественным классом или хотя бы относительно обособленной социальной прослойкой. По сути дела, они были просто отдельными индивидами, определённой частью обычных граждан, занятых в секторах непосредственного производства как промышленности, так и сельского хозяйства. Но, в отличие от остальных трудящихся, их усилия преимущественно были направлены на изыскание путей и способов использования производственных возможностей и рабочего времени в целях личного обогащения. Нередко, к тому же, определённые виды деятельности данного типа удавалось оформить как «вполне законные». Иные из них, однако, зачастую были на грани закона или даже находились в прямом противоречии с ним.

Так или иначе, с течением времени число людей, добивающихся повышения своих личных доходов и состояния с помощью так называемой «второй», «теневой» или «подпольной» экономики, постепенно возрастало. По ходу дела этот процесс на практике оборачивался всё более заметным появлением специфической, первоначально «квазисоциальной» общественной прослойки, которая в дальнейшем уже определённо приобретала статус класса мелкой буржуазии.

Всё дальнейшее развитие показало, что появление и развитие данной, по существу, частнособственнической, «второй экономики», паразитирующей на общественной собственности социалистической экономики, вело к утверждению враждебно настроенного к социализму общественного слоя. Мало того, эта «вторая» или «теневая» экономика стала, может быть, наиболее разлагающей и вредной для самого

существования социалистического общества «побочной» частью «наследия» правления не только Хрущёва, но и позднего Брежнева.

В своё время Ленин неоднократно указывал на всю тщетность ожиданий исчезновения «сразу и навсегда» после политической победы Социалистической революции самой склонности к частнособственнической деятельности. Впоследствии, как известно, Сталину удалось добиться чувствительного ограничения как сфер и масштабов её применения, так и социально-общественных последствий от него. Однако при Хрущёве, а позже при Брежневе, как это было отмечено выше, под видом «квазисоциальной» деятельности, произошёл процесс своеобразного перерождения частнособственнического уклада. Далее явления приобрели столь широкое распространение и развитие, что несколько позже, при Горбачёве и Ельцине, они уже оказались в состоянии подчинить себе и подменить собой даже целые сектора советской экономики, находящиеся в основном непосредственно в отраслях производства.

«Вторая, теневая экономика» оказала чрезвычайно глубокое зловредное воздействие не только на процессы непосредственного функционирования системы народного хозяйства СССР. По сути дела, она стала также и средством возрождения и укрепления частнособственнического способа получения доходов, а наряду с этим - и всей системы капиталистического способа производства и распределения, которую незадолго до этого было принято считать безвозвратно изжившим себя пережитком прошлого.

На самом деле, сущность «второй экономики» глубинно коррупционная и криминальная. Поэтому она нашла чрезвычайно благоприятный для себя способ приукрашивания и маскировки своего содержания, выразившийся в безбрежном, разнузданном восхвалении «достоинств» капитализма, причём в его откровенно эксплуататорских, ничем не ограниченных «неолиберальных» измерениях.

Именно этот, насколько специфический, настолько и красноречивый криминально-неолиберальный конгломерат стал играть роль наиболее активного внутреннего источника неограниченной финансовой поддержки всевозможных акций и кампаний против социалистического строя страны. Сначала действия такого рода шли преимущественно в русле «социал-демократизации» партии и государства. Постепенно, набираясь сил, они всё откровеннее стали ставить под вопрос сами основы социалистического строя. Зачастую заправилы «теневой экономики» не только финансировали, но и прямым образом руководили кампаниями и действиями такого рода.

К анализу разных сторон общественных последствий существования «теневой экономики» мы будем возвращаться и далее. Однако сначала мы считаем нужным познакомить читателей с имеющимися в научно-исследовательской литературе определениями этого весьма специфического явления общественно-экономической жизни. Рассмотрим также и конкретные формы становления, функционирования и

разрастания размеров и масштабов её деятельности.

В нашей книге мы придерживаемся определения, согласно которому «вторая экономика» является видом деятельности в сфере хозяйства, направленной на получение частной прибыли и других приобретений как законными, так и незаконными средствами. Такое определение данного явления мы находим и в изданной ещё 1977 году книге Грегори Гроссмана, являющейся, может быть, самым значительным исследованием по этой теме. Примечательно, что большинство выводов Гроссмана в общем плане подтверждаются и большей частью остальных серьёзных авторов, работающих в данной области.

Включение как законных, так и незаконных средств достижения основных целей в определение «второй экономики» является чрезвычайно важным для получения верных представлений об основной сущности и всей гамме возможных общественно-политических последствий её функционирования.

С одной стороны, никакого сомнения не вызывает обстоятельство, что любая деятельность, направленная на личное обогащение частнособственнического характера, неминуемо способствует зарождению общественных отношений и ценностей, в корне отличающихся от отношений и ценностей, присущих основной для социализма коллективной форме хозяйствования.

Исходя из этого, нетрудно предположить, что при определённом развитии событий «вторая экономика» вполне может обернуться источником угрозы самому существованию социализма. В своё время как Ленин, так и его последователи, полностью давали себе отчёт в этом, принимая решение о введении «Новой экономической политики» (НЭП) в изнемогающей от экономической разрухи Советской России. На Кубе, очевидно, тоже осознавали возможные опасности такого типа, сопутствующие их так называемому «особому периоду» развития, в ходе которого после 1989 года они старались привлечь больше иностранных инвестиций в свою экономику и добиться её оживления путём поощрения некоторых видов частной хозяйственной деятельности.

Включение в определение «второй экономики» как законных, так и незаконных средств достижения экономических целей, нельзя автоматически воспринимать как прямое отрицание всего её содержания. Вполне естественно, например, что основным отраслям народного хозяйства, выполняющим самые ответственные задания жизненно важных для всей страны направлений экономического развития, было невыгодным и трудным даже чисто технически охватить весь объём всевозможных мелких починок и ремонтов, услуг и обмена отдельных товаров, преимущественно личного потребления.

Как правило, деятельность такого рода занимает определённое место практически в любой экономике. Советский Союз в этом плане тоже не составлял исключение. К тому же, за период 1950-1985 гг. у объёмов законной, чисто экономической деятельности наметилась даже

тенденция к снижению их относительной доли. Одновременно с этим имело место значительное расширение как размеров, так и относительного веса незаконной экономической деятельности частного характера. С течением времени такая тенденция оказалась чрезвычайно разлагающей, а в конечном итоге - и прямо уничтожающей не только нормальное функционирование, но и всю систему социалистического устройства общества и хозяйствования.

Входящие в противоречие с установками закона секторы «второй экономики», такие, как «чёрный рынок» и т.п., не были, конечно, некой «прерогативой» только социалистических стран и обществ. Незаконными видами экономической деятельности в условиях капитализма являются, например, чрезвычайно широко разветвлённая сеть проституции, распространение и продажа наркотиков, нерегламентированных лекарств, контрабандных спиртных напитков, способы подделки финансовых отчётов в целях уклонения от налогов и пр. В условиях «сухого закона» в США в первые десятилетия XX века «чёрный рынок» спиртных напитков приобрёл прямо-таки чудовищные размеры. Позже, в годы Второй мировой войны, то же самое происходило с продажей автомобильных покрышек и камер, сахара и других дефицитных товаров широкого потребления, находящихся под регламентацией существующей тогда карточной системы.

В условиях социализма проблемы «чёрного рынка» могут приобретать сходное или даже ещё большее значение и размеры хотя бы в силу того, что тут сам процесс развёртывания частной экономической деятельности изначально поставлен в определённые рамки. Кроме того, существуют также опасения некоего дополнительного обострения этих проблем из-за чрезвычайно быстрого роста потребительского спроса в странах социализма, нередко превышающего предложения каких-то товаров и услуг.

В определённой степени это можно объяснить тем обстоятельством, что социалистические революции зачастую происходили и побеждали в странах слабо развитых или колониальных, с разрушенной или зависимой экономикой. В силу враждебной активности внешней и внутренней реакции таким странам приходилось уделять повышенное внимание проблемам обороны и безопасности, что, как правило, приводило к сокращению объёма капиталовложений в производство товаров широкого потребления. При различных обострениях международной обстановки в экономике зачастую приходилось вводить карточную систему распределения, появлялись очереди за дефицитными товарами и т.д.

Обычно как раз тогда возрастает и соблазн получения определённых предметов потребления и услуг в обход существующих законов. И чем длиннее список дефицитных товаров, тем изощрённее способы и усилия обойти закон. Как правило, реакция властей на такую практику выражается в повышенном контроле и дальнейшем ограничении возможностей для незаконной экономической деятельности частного характера. Кроме того, в странах социалистической ориентации меры

такого рода обычно сопровождаются мерами образовательного и воспитательного характера, разъясняющими людям причины возникновения данных ситуаций.

Как правило, большая часть экономистов в мире весьма спокойно воспринимает существование «чёрного рынка» в странах со слаборазвитой экономикой, представляя его как что-то более или менее нормальное и чуть ли не само собой разумеющееся для этих регионов. Становление и развитие «второй экономики» в такой стране, как СССР, вызывало, однако, гораздо больший интерес и удивление среди представителей практически всех направлений экономической науки, в том числе и марксистского.

В какой-то мере это можно объяснить тем обстоятельством, что на протяжении довольно долгого времени просто не существовало сколько-нибудь серьёзных научных исследований процессов и явлений в данной области. В изданном в 1948 году труде британского марксиста Мориса Добба «Экономическое развитие Советского союза после 1917 года» на этот счёт не было сказано ничего. За исключением упоминания двух случаев действий «чёрной биржи» в 1920 году, проблемам такого рода не было уделено внимания и в вышедшем в 1968 году в Нью-Йорке расширенном и переработанном издании этой книги.

Примерно так же обстоит дело и с экономическими исследованиями в самом Советском Союзе. За исключением Т.И. Корягиной, о которой уже шла речь, до 1980 года практически никто из советских экономистов не уделял сколько-нибудь серьёзного внимания изучению проблем, связанных с существованием и разрастанием процессов и явлений «второй экономики». Это, кстати, не выглядит таким удивительным, если знать, что в период после 1960 года во главе трёх из четырёх ведущих экономических научно-исследовательских институтов в Советском Союзе находились сторонники идей и практики товарно-денежных отношений, т.е. «рыночной формы» хозяйствования. (По данным книги Андерса Асслунда «Борьба Горбачёва за экономическую реформу», изданной в Нью-Йорке в 1989 году).

Поэтому не так уже странно и то, что ни в одном из более или менее фундаментальных и известных трудов и исследований советских экономистов, изданных за эти годы, проблемы «второй экономики» и даже само её существование вовсе не упоминается. В качестве примера можно привести хотя бы произведения Л. Леонтьева «Краткий курс политической экономики (1974), Г.А. Козлова (ред.) «Политическая экономия социализма» (1977), Г.С. Саркисьяна (ред.) «Советская экономика - постижения и перспективы» (1977), П.И. Никитина «Основы политической экономии» (1983); Попова «Очерки политической экономии» (1985) и др.

В своём труде «Экономические проблемы социализма», изданном в 1952 году, И.В. Сталин обращает специальное внимание на продолжительное существование частного производства товаров широкого потребления в ряде более или менее отдалённых от Центра краёв и районов страны. Однако у него тоже нет и намёка насчёт

возможных опасностей для судеб социализма из-за существования в его системе элементов частнособственнической экономики. По всей вероятности, это было вызвано чрезвычайно ограниченным распространением явлений такого рода в то время. (Подробная информация об этом содержится в изданной в 1972 году в Нью-Йорке книге Брюса Франклина «Сталин - каким он был»).

Краткий анализ состояния «чёрного рынка» иностранной валюты содержится в изданном в 1961 году исследовании прогрессивного экономиста из США Виктора Перло «Как работает советская экономика». Правда, он тоже склонен рассматривать это явление как что-то весьма ограниченное и временное. В этой связи Перло приводит слова тогдашнего первого заместителя председателя Совета Министров СССР Анастаса Микояна, определившего «чёрный рынок», как «горсти некой грязной пены, выплывшей на поверхность нашего общества». Он также считает, что «это нельзя считать тенденцией, заслуживающей сколько-нибудь значительного внимания». Примечательно и то, что и в следующей книге Виктора и Элен Перло «Динамическая стабильность», (изданной в 1980 году), несмотря на всю откровенность и широкую информацию о дискуссии по ряду проблем, вопросам «второй экономики» также вновь не уделяется практически никакого внимания.

Подобное пренебрежение к данной тематике присутствует, между прочим, у преобладающего большинства как марксистских, так и буржуазных исследователей, работающих по проблемам экономики социализма. Однако, наряду с этим, где-то в 70-е годы прошлого столетия в разных странах мира появилось определённое течение учёных и аналитиков, обращающих всё более пристальное и углублённое внимание как раз на вопросы «второй экономики». Это были люди самой разной мировоззренческой и политической ориентации. Некоторые из них жили и работали в самом СССР, другие - в США и Западной Европе. Иные были даже специальными агентами ЦРУ.

В результате такого повышенного интереса к данной тематике, по инициативе профессоров Грегори Гроссмана из Калифорнийского университета и Владимира Тремля из университета Дюка в США с 1985 года начинается регулярный выпуск периодических совместных сборников, посвящённых вопросам «второй экономики» в СССР. Таким образом, за период с 1985 по 1993 год было издано 51 исследование 26 авторов, активно работающих по данной теме. Более половины из них посвящено ситуации в СССР во времена Брежнева. Причём следует иметь в виду, что значительная часть первичной информации этих исследований была получена в ходе проведения и обработки анкет, отражающих мнения 1061 семьи, покинувшей СССР за период с 1971 по 1982 годы.

Вместе с тем, благодаря данной совместной инициативе университетов Беркли и Дюка, была составлена также довольно обширная библиография на основных западных языках, охватывающая 269 исследований самых разных проблем и проявлений «второй экономики» в СССР и странах социализма Восточной Европы.

Параллельно с ростом числа исследователей, работающих в данной области, всё больше сказывалось и реальное воздействие «второй экономики» на непосредственную общественно-политическую жизнь и экономическое состояние и развитие этих стран.

Что касается действующего в Советском Союзе законодательства, оно в принципе не допускало наличия сколько-нибудь существенного многообразия частной экономической деятельности. Применение чужого труда по найму вообще допускалось всего лишь в частных случаях оказания помощи кому-нибудь по дому или в личном хозяйстве. Не разрешалась также продажа и перепродажа товаров в целях получения добавочной прибыли, частная торговля с иностранными организациями и гражданами, операции с иностранной валютой, равно как и любая торговая деятельность, направленная исключительно на рост частного благосостояния и обогащение.

В результате всего этого в СССР изначально не было никаких практических, установленных законом возможностей частной эксплуатации чужого труда. Вместе с тем, как уже отмечалось раньше, система социализма и социалистического законодательства и в самом Советском Союзе, и в других странах социалистической ориентации допускали в определённых рамках некоторые виды экономической деятельности. Поэтому большая часть такой деятельности, направленной исключительно на создание вполне определённых материальных благ и оказания нужных обществу услуг, так или иначе всё время оставалась на глазах у всех и развивалась исключительно в рамках закона. (Естественно, иногда происходили и случаи перехода тех или других секторов «в тень», к полулегальным или откровенно незаконным формам и способам деятельности).

Так, например, советское законодательство давало возможность людям, работающим в коллективных или государственных предприятиях сельскохозяйственного производства, располагать также и личными участками земли. Зачастую такое право предоставлялось и людям, не имеющим отношения непосредственно к сельскому хозяйству.

Таким образом, по данным статистики, к 1974 году постепенно сложилась обстановка, при которой на долю работы на частных и приусадебных участках приходилась уже почти треть от всего количества часов рабочего времени в сельском хозяйстве. А это составляло почти десятую часть всего рабочего времени в экономике в целом.

По тем же самым данным, за счёт работы на личных участках в тот же период получена почти четверть продукции сельскохозяйственного производства СССР. Большая часть этой продукции шла в специально созданную систему так называемых кооперативных (т.е. колхозных. - Ред.) рынков.

К сожалению, официальная статистика СССР и других стран социализма так и не разъяснила до конца, о какой, собственно, «четверти продукции» шла речь в так часто приводимых данных о том периоде.

Очевидно, это просто не могла быть четверть тех огромных количеств продукции, за счёт которых удовлетворялись потребности государственных запасов и резервов, армии, экспортных обязательств, обеспечения населения жизненно важными продуктами питания, государственной помощи другим странам.

Яснее ясного, что такие количества продукции могли быть произведены только за счёт массового производства в коллективных и государственных хозяйствах. Тем не менее, данное обстоятельство почему-то оставалось «вне поля зрения» как рядовых граждан, так и научных исследователей, да, видимо, и… самих статистиков (что, кстати, не может не вызвать удивления). Вместе с тем, на глазах у всех всё время оставалась продукция на прилавках кооперативных рынков. Скорее всего, та «четверть продукции», поступающая от личных участков, о которой шла речь выше, относилась как раз к объёмам товаров, поступавшим на эти рынки.

Так или иначе, с течением времени эта, уже реально существующая часть экономической системы всё больше укрепляла свои позиции и повышала удельный вес своего присутствия и влияния в обществе. В силу ряда причин, данная подсистема способа производства не называлась частной, хотя по многим своим характеристикам она всё больше близилась к этому.

Вместе с тем, у данного процесса был и целый ряд внутренних противоречий, оказавшихся весьма существенными для всего будущего развития страны. Так, например, как отмечает Г. Гроссман в изданном ещё в 1977 году своём труде «Вторая экономика в СССР», на практике оказывалось трудным, а то и вовсе невозможным отделить или предотвратить использование в частных целях удобрений, посевного материала, фуража, горючего, машин и других средств и предметов производства, являющихся общей социалистической собственностью. То же самое относилось и к рабочему времени, затраченному на частные виды деятельности, поскольку оно нередко тоже являлось следствием уклонений теми или иными способами от обязанностей на основном или официальном месте работы.

В своём труде Гроссман подвергает довольно подробному анализу все эти процессы. Например, в отличие от распространённых на Западе представлений, в СССР наряду с общественной формой жилья довольно широкое распространение имела и практика владения собственным жильём. По данным Гроссмана, к середине 70-х годов в таких домах жила половина всего населения страны. Владельцами своих домов являлись 25% жителей городов. Хоть и вполне законные, частные жилища, однако, тоже могли стать основой для разных видов частной экономической деятельности, которая иногда могла выходить и за рамки закона. Примерами такой деятельности являлась сдача жилья в наём по так называемым «свободным» ценам, незаконное строительство и ремонт жилых домов, хищение в частных целях строительных материалов, являющихся общественной собственностью, подкуп должностных лиц и

т.д.

Кроме того, медики, зубные врачи, учителя, преподаватели и представители других профессий могли вполне легально предлагать частные услуги, продавая свои знания и умения помимо основного места работы.

Вполне естественными в сельских районах считались и услуги ремесленников по ремонту жилых домов, как и некоторые другие виды деятельности бытового характера. На частных началах можно было заниматься за определённый процент даже поиском золота и других полезных ископаемых при условии обязательной передачи найденного государству. Закон разрешал также продажу уже бывших в эксплуатации личных вещей.

Так что частная легальная экономическая деятельность, в принципе, никогда не являлась особой проблемой в условиях СССР.

Правда, до прихода Горбачёва к власти её удельный вес в совокупном продукте страны неуклонно шёл на убыль (хотя одновременно с этим и нарастал её абсолютный объём). По Гроссману, в 1977 году на её долю в ВНП СССР приходилось уже всего 10% по сравнению с 22% за 1960 год. Однако подлинное представление о действительных масштабах частной, хоть и разрешённой законом экономической деятельности, можно получить, лишь если учесть, во сколько раз за тот же самый период возрос и объём самого ВНП страны.

Но гораздо больше проблем, особенно после 1955 года, создавала приобретающая всё более значительные размеры и распространение практика незаконной наживы. К тому же выявились также исключительные разнообразные формы её конкретных проявлений, граничащих подчас с подлинной изобретательностью и «полётом воображения» как её конкретных зачинщиков, так и исполнителей.

Таким образом, постепенно складывалось то, что приобрело позднее известность под названием «вторая», «скрытная», «подпольная» или «теневая» экономика.

Всё это, с течением времени, обуславливало и всё возрастающую степень проникновения таких видов деятельности в разные области жизни общества и последующее использование их для достижения частных целей.

Однако, несмотря на всё «творчество» и «изобретательность» деятелей «второй экономики», основным источником наживы для них всё время оставалась кража у государства общенародной собственности. Как правило, она совершалась преимущественно на самом рабочем месте, в тех же государственных и других организациях. В своём труде Гроссман даёт такую картину данной практики.

«Крестьянин ворует фураж из колхоза с тем, чтобы кормить скот у себя на дворе. Рабочий ворует материалы и инструменты, при помощи которых совершает свою «собственную» деятельность. Врачи воруют

лекарства, водители - бензин. Общественные машины зачастую выполняют роль «частного такси». К «чёрному рынку» подъезжают целые грузовики дефицитных товаров и материалов. Государственным транспортом и материалами, нередко в официальное рабочее время, строятся дачи или проводятся капитальные ремонты частных жилищ. За государственный счёт идёт поставка запчастей и ремонт частных машин и т.п.».

Наряду со столь широкой практикой более или менее мелких присваиваний, в ходу были и необыкновенно хорошо организованные и продуманные систематические кражи «оптом». Здесь, как правило, «работали» уже слаженные «профессиональные» преступные формирования, способные наносить дерзкие и по-настоящему серьёзные удары. Сюда можно отнести, например, практику присваивания со стороны определённых хозяйственных руководителей чрезвычайно больших количеств дефицитных товаров и материалов. Их умышленно браковали, с тем чтобы потом «сплавить» на «чёрный рынок».

Широкое распространение приобретают также случаи, когда заведующие или даже отдельные служащие государственных складов просто «сплавляют на сторону» значительную часть товаров, пользующихся наибольшим спросом. Таким образом, они обеспечивали себе дополнительные доходы, получаемых от «спецклиентов», или от продажи этих товаров прямо на «чёрном рынке». Товары длительного употребления, такие, как легковые машины, за которыми иной раз приходилось несколько лет стоять в очереди, также представляли немало возможностей для получения взяток и для последующих спекуляций и перепродажи по завышенным ценам.

Сфера услуг, поддержки, ремонта, даже непосредственного производства тоже могли стать источником нерегламентированных законом доходов. Среди них можно особо выделить ремонт жилищ и легковых машин, швейные услуги, смену меблировки, незаконное строительство жилья, дач и пр. Как правило, все эти виды деятельности осуществлялись исключительно за счёт государственных материалов и во время, которое считалось рабочим по официальному месту занятости.

Процессы реализации частной прибыли путём незаконной производственной деятельности зачастую приобретали масштабы настоящего «подпольного капитализма» в самом прямом смысле слова. Были случаи, когда «подпольные капиталисты» сами вкладывали деньги в организацию определённых видов производства с тем, чтобы потом сбывать продукцию исключительно на «чёрном рынке».

По Гроссману, чаще всего это были производства определённых видов одежды, обуви, предметов домашней утвари и обихода, украшений и т.д. Причём такая частноэкономическая деятельность, как правило, происходила на предприятиях промышленности или сельского хозяйства, являющихся государственной или общественной собственностью. Процесс осуществления данных «операций» включал в себе также взятки и подкупы определённых ответственных служащих соответствующих

предприятий, которые должны были обеспечить нужное «прикрытие».

В этом плане примечательны выводы советского юриста Константина Симиса в его книге «Коррупция в СССР - тайный мир подпольного советского капитализма», изданной в 1982 году в США. На основании личных впечатлений от своей работы в 70-е годы прошлого столетия в качестве адвоката ряда видных подпольных бизнесменов, он приходит к заключению, что на практике в стране, наряду с официальной экономикой и за её счёт, функционировала также система множества частных предприятий.

На частных производственных базах из материалов общественной собственности в частных целях выпускались товары, считавшиеся в те годы дефицитными. Обычно это были определённые разновидности трикотажа, обуви, а также солнечные очки, модные сумки и т.д. В промышленных размерах делались повторные записи западной музыки, а потом выпускались на рынок. По свидетельствам Симиса, у этой системы были не только свои действительные собственники, но и «целые фамильные кланы с многомиллионными состояниями, под контролем которых находились десятки предприятий».

В результате совместной инициативы университетов Беркли и Дюка было опубликовано немало и других серьёзных исследований «второй экономики» СССР. Большинство из них касались времён Брежнева, в частности, периода его правления после пережитого инфаркта и других тяжёлых заболеваний. В сентябре 1985 года вышла в свет публикация Владимира Тремля о покупках пищевых товаров частного сектора в городских зонах СССР. Их объём, по данным этого исследования, достигал 3,5 миллиарда рублей за год.

Весьма любопытным было и изданное в декабре 1985 года исследование Г. Гроссмана «Советская «вторая экономика» - взгляд из парикмахерской». По его мнению, общий объём «чаевых» и взяток, которые регулярно берут при обслуживании в этих государственных предприятиях, в действительности «почти полностью определяет её переход исключительно к секторам «второй экономики».

«Алкоголь в советской «подпольной экономике» - под таким заголовком вышло из печати опять в декабре 1985 года другое исследование Владимира Тремля. По его данным, общая стоимость незаконного производства вина, пива и других спиртных напитков, наряду с общей перепродажей напитков государственного производства по завышенным ценам, а также со стоимостью количеств этанола, украденного с государственных предприятий для частных производств, в 1979 году доходило до 2,2% всего ВНП страны.

Изданное в апреле 1987 году в рамках той же самой инициативы двух университетов исследование Михаила Алексеева «Чёрный рынок» бензина в СССР», в свою очередь, предоставляет подробную информацию о масштабах непосредственных краж бензина и других видов горючего. По его данным, к концу 70-х годов в среднем от 33% до 65% всех покупок

бензина в городских районах страны происходило за счёт тех объёмов, что щедро предоставлялись водителям разных видов служебных машинам и общественного транспорта по ценам ниже государственных.

В другом исследовании того же автора, посвящённом проблемам частного найма жилья в СССР, содержатся вычисления о том, что за 1977 год от незаконных наймов жилплощади было получено около 15 млн. тогдашних рублей.

В изданном в феврале 1992 года исследовании Кимберли Нейгаузер о «второй экономике» в похоронном обслуживании подчёркивается, что сумма сборов от взяток и прочих неофициальных плат при похоронах в четыре раза превышает установленные государством цены на эти услуги.

Труды «Незаконный рынок наркотиков в СССР конца 80-х годов» (Кимберли Нейгаузер, 1990 г.) и «Рынок проституции в СССР» (Клиффорд Гэдди, 1989 г.) подробно рассматривают эти два важнейших направления «второй экономики» в годы перестройки.

В 2000 году одновременно в Гааге (Голландия), Лондоне и Бостоне (США) Международное издательство юридической литературы «Клюввер» выпустило в свет сборник «Экономическая преступность в СССР» (под редакцией А.В. Леденовой и М. Курчикян). Курчикян является также и автором одной из статей сборника, посвящённого влиянию и проявлениям «второй экономики» в системе общественного транспорта Советской Армении.

Хотя в данной республике всегда имели место довольно специфические для неё особенности социальной психологии и обстановки, автор статьи считает, что исследованные ней явления и сделанные на их основе выводы во многом являются характерными и типичными для страны в целом при деятельности «второй экономики». В статье содержится подробный анализ трудовой жизни водителя автобуса общественного транспорта в Армении. Его зарплата намного выше средней зарплаты по стране в целом. Вдобавок он «левым способом» обеспечивает себе также дополнительный доход, превышающий уровень официальной зарплаты. Во время рейса пассажиры платят за проезд непосредственно ему, к тому же по ценам гораздо выше установленных государством. Однако в конце рабочего дня водитель отчитывается по официальной стоимости проданных за проезд билетов. Чтобы избежать длительных простоев в автобусном парке, ему выгоднее заплатить лично кому-либо за ремонт и быстрое обслуживание его машины. Зачастую водитель сам покупал и горючее, которое в то время тоже можно было достать по ценам ниже официальных. По вычислениям Курчикян, чистый средний доход такого водителя за месяц, после вычета всех сделанных им расходов, в среднем в 2-3 раза превышал уровень его официальной зарплаты.

Дальше в своём исследовании автор подчёркивает, что вследствие определённых объективно возникших экономических проблем, а также под прямым воздействием некоторых из «реформ» Горбачёва, чуть ли не

всё население страны тем или иным способом оказалось вовлечённым в механизмы и действия «второй экономики». В силу этого неудивительно, что в конечном итоге она стала не только преобладающей, но и прямо-таки господствующей силой всего процесса распределения основной массы товаров и услуг по всей стране.

Каковы же были действительные размеры «второй экономики»? На такие вопросы пытаются дать ответы научные исследователи, применяя при этом самые разные методологические схемы и подходы. Как правило, большая часть из них выражает сомнения в отношении данных, которыми пользуются в своих исследованиях их коллеги. Эти сомнения относятся и к официальным источникам информации об экономическом развитии СССР, появившимся как во время его существования, так и впоследствии.

Тем не менее, все специалисты, работающие в данной области, почти единодушно склоняются к мнению, что за последние 20 лет до распада Советского Союза возможности и влияние «второй экономики» в СССР и её воздействие на состояние и развитие всей системы» неуклонно возрастали. В своём исследовании на данную тему его авторы Тремль и Алексеев, например, приводят подробный анализ феномена соотношений между уровнем официальных заработков и доходов населения в некоторых районах России и Украины, с одной стороны, и денежной массой личного потребления и сбережений того же самого населения за тот же период, с другой. Причём они отмечают, что за период с 1969 по 1989 годы индекс соотношения между этими двумя показателями неуклонно снижается, пока в конечном итоге общий объём расходов и сбережений постепенно начинает превышать уровень официальных доходов. Трэмль и Алексеев полагают, что причиной данного явления мог быть рост нерегламентированных посторонних доходов. На основании этого, не приводя больше никаких других данных и доказательств, они приходят к заключению о «быстром росте «второй экономики» за период 1965-1985 годов.

Не входя в полемику с авторами данного исследования, считаем своим долгом заметить, что причины явлений такого рода вполне могли быть и гораздо глубже - то есть в конкретном состоянии экономики страны того времени. За указанный период объём доходов практически всех категорий советских граждан неуклонно возрастал. Очевидно, меньшими темпами, но возрастали и возможности легального использования этих доходов, которые либо оседали на сберкнижках в виде возрастающих объёмов личных сбережений, либо шли на повышение личного потребления. Кроме того, авторы исследования, скорее всего, не учли того факта, что большие деньги в то время зарабатывались в более отдалённых местах Севера, Дальнего Востока, Сибири и т.д. Тратились же они, как правило, в центральных районах, где и проводилось исследование.

На основе анализа статистических данных экономического развития СССР, опубликованных в 1991 году, исследователь университета Уорика в Великобритании Бьюнг-Йон Ким издал в январе 2003 года свой труд под

названием: «Масштабы и динамика конкретного присутствия «второй экономики» в жизни домашних хозяйств Советского Союза». В нём он тоже приходит к выводу, что «за период с 1969 по 1991 год её абсолютный объём, без сомнения, возрос».

Анализу проявлений и процессов «второй экономики» посвящено и исследование «теневой экономики» в Советском Союзе научного сотрудника Института экономических исследований Государственного комитета планирования СССР Т.И. Корягиной. Оно входило в опубликованный в 1990 году издательством «Правда» сборник трудов ведущих советских исследователей «второй экономики».

В ходе своего анализа Корягина применяет методологию, сходную с методикой Тремля и Алексеева. Она тоже сравнивает общие объёмы официальных доходов за месяц с теми же объёмами личных расходов и сбережений. Данные её исследования также потверждают выводы как об общем росте, так и об устойчивой тенденции распространения «второй экономики».

<kirkn004.gif>

Таблица роста месячных доходов по сравнению с ростом общих объёмов месячных личных сбережений и расходов на получение товаров и услуг

Корягина работает с данными, которые относятся к состоянию советской экономики в целом. Исходя из них, она приходит к заключению, что темпы роста «второй экономики» возрастают быстрее темпов основной и официальной системы народного хозяйства. За двадцатилетний период с начала 60-х до 80-х годов прошлого столетия стоимость ВНП и объём расходов на розничные товары и услуги возрастал в среднем в 4-5 раз. В то же время выходит, что объём операций «второй экономики» подскочил в целых 18 раз.

И всё-же, несмотря на такие выводы практически всех имеющихся исследований в области «второй экономики», её подлинные размеры и возможности на практике довольно трудно вычислить и изобразить с какой-либо степенью точности. Целый ряд экономистов самых разных идейных и методологических направлений как из СССР, так и из США, даже сходятся в мнениях о том, что вообще нельзя сколько-нибудь обоснованно определить относительный вес «второй экономики» в общем объёме экономики страны.

В какой-то мере причины подобного «интеллектуального пессимизма» могли быть вызваны чрезвычайно большим разнообразием дефиниций и толкований процессов и явлений данной области. «Неформальная», «теневая», «вторая», «частная», «подпольная», «спекулятивная» или «спекулянтская», относящаяся к «чёрному рынку» или «чёрной бирже» - вот далеко не полный перечень существующих определений.

Иные исследователи считают, например, что «разделительная линия»

между явлениями официальной и теневой экономики проходит через их законность или незаконность. Другие воспринимают «вторую экономику» как синоним частнособственнической деятельности. Третья группа особо выделяет подпольный, нелегальный характер данного сектора общества и хозяйства.

Есть даже предложение максимально точно вычислить границы и размеры «второй экономики» при помощи сложных математических моделей, похожих на те, что в своё время предоставили возможность физикам и астрономам открыть и вычислить орбиту Плутона путём изучения колебаний орбит соседних планет.

На базе имеющихся макроэкономических данных экономист Корягина делает вычисления, по которым годовая стоимость нелегальных товаров и услуг возросла в среднем приблизительно с пяти миллиардов рублей в начале 60-х годов до 90 миллиардов рублей к концу 80-х годов прошлого века.

По текущим ценам ВНП СССР составлял в 1960 году 195 млрд. рублей. В 1988 году он доходил уже до 422 млрд., а в 1990-м - до 701 млрд. рублей.

Это означает, что удельный вес «второй экономики» составлял в среднем 3,4% ВНП страны за 1960 год. В 1988 году он возрос до 20%, а в 1990 году составлял 12,8% всего объёма ВНП. Сей весьма заметный спад стоимости теневой экономики в 1990 году, очевидно, является следствием изменений в законодательстве, объявлением легальными ряда видов деятельности, которые раньше считались незаконными.

По тем же вычислениям Корягиной, общий объём приобретённых незаконным способом личных сбережений и накоплений к концу исследуемого периода достиг стоимости в 200-240 млрд. рублей, что составляло в среднем около 20-25% всех состояний в стране, являющихся личной собственностью.

Данные Т. Корягиной дают представление, однако, лишь о доходах, приобретённых незаконными способами. Полный же объём размеров частной экономической деятельности получится только, если к этим данным прибавить также и стоимость её легальных разновидностей. Это означает, что удельный вес всей частной экономической деятельности сразу возрастёт примерно на 10%, и в общей сложности будет составлять уже 30% всех полученных доходов за 1988 год и примерно 30-35% суммы всех личных сбережений за тот же год.

Весьма показательно, что если совершить вышеупомянутые добавления к данным Корягиной, получится стоимость, почти полностью подтверждающая выводы Грегори Гроссмана, сделанные им в его труде «Тайная приватизация и процесс расширения рыночных механизмов в СССР» (изданном в январе 1990 года). В США Гроссмана, кстати, считают наиболее авторитетным специалистом в данной области.

В своём исследовании Гроссман пользуется преимущественно данными микроэкономического характера, полученными в процессе

интервьюирования более тысячи эмигрантов из Советского Союза. На их основании он приходит к выводу, что к концу 70-х годов около 30% всех доходов городского населения СССР (или почти 62% всех советских граждан) были получены за счёт разных видов частной экономической деятельности, как незаконных, так и законных.

Эти заключения в значительной мере подтвердились также и конкретными социологическими данными о состоянии «второй экономики» в СССР, опубликованными после 1991 года. В упомянутом выше исследовании о неформальной экономической деятельности советских семей (изданном в январе 2000 года) экономист Бьюнг-Йон Ким из британского университета Уорика определяет границы и размеры «второй экономики» на базе официального «Статистического обозрения бюджета советской семьи». В нём содержатся данные о доходах и расходах за период с 1969 по 1990 год, которые советское правительство систематизировало на основе групп из 62 000 и 90 000 семей. В «Обозрении» есть данные как об официальных, так и о «неформальных» доходах и расходах. В них, естественно, входят доходы и расходы, связанные с частной деятельностью. Вовсе не обязательно, чтобы эта деятельность была незаконной. «Неофициальными» могут быть доходы, получаемые как в натуре, так и от продажи отдельными людьми сельскохозяйственных продуктов и животных. «Нефициальные» расходы включают также стоимость пищевых продуктов и товаров собственного производства, равно как и средства, израсходованные на покупку товаров у других лиц.

Ким отдаёт себе отчёт в том, что люди, обследованные официальным «Обозрением», намного неохотнее давали данные о своих нерегламентированных доходах и расходах по сравнению с эмигрантами, у которых брал интервью Гроссман. С другой стороны, «люди Гроссмана» были, конечно, в гораздо большей степени отдалены от жизни в СССР и от социализма, чем те, которые были охвачены статистическим «Обозрением» советского государства. В этой связи можно предположить, что те, которые впоследствии сделались эмигрантами, в своё время могли быть в гораздо большей степени связаны с разными видами частной экономической деятельности, чем люди, которые так и продолжают проживать в стране. Так что, в конечном итоге, не так уж удивительно, что у Кима измерения «второй экономики» оказались гораздо ниже по сравнению с Гроссманом.

Вот почему по вычислениям Кима доходы «второй экономики» составляют 16%, а у Гроссмана 28-30% всех доходов в стране. Так что, учитывая всё многообразие, а подчас и внутреннюю противоречивость групп, охваченных двумя исследованиями, наиболее приемлемым всё-таки окажется, скорее всего, предположение о том, что истина находится где-то посредине.

Интересно также и другое заключение Гроссмана, к которому он приходит в исследовании, опубликованном в изданном в 1989 году в Лондоне сборнике под редакцией Станислава Гомулки «Экономические

реформы в мире социализма». В ходе своей работы Гроссман делает вывод, что в действительности «вторая экономика» получила гораздо большее распространение на периферии Советского Союза, чем в самой России. Вот его вычисления об её удельном весе в хозяйственной жизни некоторых из союзных республик СССР в годы правления Брежнева:

<kirkn006.gif>

По Гроссману, к концу 70-х годов прошлого столетия на долю источников, имеющих отношение ко «второй экономике», в среднем приходилось до 30% доходов городского населения по всему Советскому Союзу. В южных частях страны (Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан и Средняя Азия) её удельный вес был намного выше, чем в северных районах (в центральной России, Прибалтике и Сибири). В некоторых регионах «вторая экономика» чуть ли не приближалась вплотную к влиянию и возможностям первой, а иной раз даже кое в чём превосходила её.

Присутствие её чувствовалось с особой силой в ряде пограничных областей или в портовых городах, таких, как Одесса, а также в частях страны, исторически позже присоединившихся к СССР. В силу особенностей местного или этнического характера в некоторых районах общая сумма доходов от частных и/или нерегламентированных видов деятельности равнялась доходам от официальных рабочих мест. А в ряде случаев, по данным Симиса и Гроссмана, объём нелегальных доходов даже превышал легальные.

Эти выводы Гроссмана подтверждаются, кстати, и данными официальной статистики, которыми пользуются в своей работе Бьюнг-Йон Ким и другие исследователи. По их мнению, «вторая экономика» получила меньшее распространение в России, Эстонии и Латвии, а наиболее широкое - в Узбекистане, Грузии, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане и Армении.

Но какой была, всё-таки, общая численность участников «второй экономики»? Тут большая часть исследователей практически единодушно сходится на том, что в 80-е годы сложилась обстановка, когда почти все сектора тогдашнего общества оказались охваченными ею. На практике почти всё население страны тем или другим способом было втянуто в разные виды её теневой деятельности либо находилось под воздействием или в зависимости от неё. Как писал Дэвид Прейс Джонс в книге «Странная смерть Советской империи» (изданной в Нью-Йорке в 1995 году), были слухи, будто бы сам Брежнев говорил в связи с ширящейся практикой частной наживы, что «ныне уже почти никто больше не живёт на одну зарплату».

Однако общественные последствия этой практики далеко не исчерпывались одними лишь фактами краж, взяток или купли-продажи на «чёрном рынке». Гораздо важнее было то, что в результате неё в стране всё более вырастал и удерживал свои позиции определённый социальный

слой общества, существование и благосостояние которого во всё возрастающей степени оказывалось связанным с частной экономической деятельностью. Некоторых из особо «преуспевших» дельцов уже тогда называли «брежневскими новобогачами». Об этом пишет Грегори Гроссман в своей статье «Инфляционные, политические и социальные последствия нынешнего замедления темпов экономического развития» в сборнике «Экономика и политика в СССР», изданном в 1986 году.

С течением времени вышеупомянутая социальная прослойка всё сильнее и отчётливее приобретала признаки вырастающего класса мелкой буржуазии.

У некоторых из научных исследователей имеются попытки определить в процентах долю тех дельцов «второй экономики», которым удалось добиться высоких доходов от незаконной частной экономической деятельности. Владимир Тремль, например, считает, что к концу 70-х годов удельный вес занятых во «второй экономике» доходил до 10-12% общей численности рабочей силы страны. Экономист Корягина, в свою очередь, замечает, что по её данным число занятых во «второй экономике» возросло с 6 млн. в начале 60-х годов до 17-20 млн. в 1974 году (что составляло 6-7% населения страны) и до 30 млн. (12%) в 1989 году.

Обобщая различные мнения и факты о масштабах «второй экономики» к середине 80-х годов, Гроссман делает следующие выводы:

«Оказалось, что за последние три десятилетия существования Советского Союза на практике все сектора экономики оказались «пропитанными» воздействием незаконных видов хозяйственной деятельности, которые приобретают самые разнообразные формы и перевоплощения - от мелких производств и услуг в области ширпотреба до способов доставания довольно дорогих дефицитных товаров для весьма широкого круга потребителей. Наиболее прибыльными оказывались «предприятия», «отрасли» и «фирмы», направленные на удовлетворение расточительных, дорогостоящих, порою даже изощрённых вкусов и предпочтений, а позже - и прихотей определённых заказчиков. С течением времени некоторые направления «второй экономики» приобретали прямо-таки внушительные размеры и широкое распространение, а их методы, действия и формы организации становились всё более профессиональными в самом прямом смысле слова».

По нашему мнению, именно непомерно расширившиеся и разросшиеся размеры такой деятельности и субъекты деловой активности, очевидно выходящие за рамки основного, социалистического типа экономики страны, на определённом этапе развития общественно-политической ситуации стали одним из важнейших факторов, способствующих разрушению социального строя и потенциала советской системы.

Само существование, содержание и характер явлений

частнособственнической тенденции, с одной стороны, в значительной мере создавало и обостряло немало экономических, да и политических проблем Советского Союза во время довольно длинного периода его послевоенного развития. Уже в 80-е годы они всё более откровенно и открыто выступали за глубинные изменения социалистического хозяйства и общественного устройства. С другой стороны, они во многом явились и фактором особо активной внутренней экономической поддержки идеям и политическому курсу Горбачёва, приведшего в конечном итоге к гибели советского социализма.

На первый взгляд «вторая экономика» как будто бы выполняла определённые положительные и даже стабилизирующие функции в отношении народного хозяйства и системы социализма. В какой-то мере она и в самом деле способствовала удовлетворению определённых направлений и «аппетитов» потребительского спроса, остающихся в силу разных причин вне внимания и предпочтений основной экономики. Таким образом, до поры до времени происходила некая нейтрализация социальных брожений и признаков недовольства среди определённых слоёв населения, вызванных нехваткой некоторых видов товаров. Одновременно с этим в рамках данной системы предоставлялись также и возможности для удовлетворения интересов и амбиций личной инициативы граждан, которые иначе могли бы обернуться прямо против существующего строя.

Может быть, в силу этих причин, советская власть слишком долго оставляла вне поля своего внимания целый ряд вызывающих беспокойство сторон развития «второй экономики», в том числе - идущих прямо вразрез с требованиями закона. Мы уже отмечали факты полного пренебрежения в имеющихся советских экономических исследованиях даже к самому существованию процессов и явлений такого порядка. Как отмечает Валерий Рутгейзер, руководитель научно-исследовательского института Госплана СССР, с которым работала и Корягина, первые публикации по темам «второй экономики» появились в Советском Союзе лишь в начале 80-х годов. Более подробные данные в этом плане содержатся в его труде «Теневая экономика в СССР», изданном в феврале 1992 года.

Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что официальными властями так и не было предпринято каких-либо значительных усилий в целях нейтрализации хотя бы самых вопиющих случаев нарушения законности со стороны «второй экономики». В этой связи Гроссман отмечает, что «к началу 60-х годов «вторая экономика» отличалась уже не только масштабами своих размеров и распространения, но и заметной степенью организационной и институциональной зрелости. В определённый момент того периода это вызвало яростную реакцию Хрущёва. Тогда и был предпринят ряд кампаний против явлений «второй экономики». Вновь была введена даже смертная казнь за преступления такого характера. Показательно, однако, что ни кампании Хрущёва, ни меры такого рода как до него, так и после него, не оказались в состоянии сколько-нибудь приуменьшить или помешать быстрому распространению

этой запрещённой законами деятельности. При Брежневе (1964-1982 гг.) она даже выросла, словно получила новый толчок к своему развитию. Трудно сказать, произошло это вследствие какого-то показного благонамеренного пренебрежения или, может быть, молчаливого поощрения подобной активности со стороны определённых представителей и секторов власти».

Вряд ли можно указать на более красноречивое доказательство подобного «благонамеренного пренебрежения», чем почти полное отсутствие случаев серьёзного судебного преследования откровенно незаконной экономической деятельности. К началу 80-х годов, например, преступления, совершённые спекулянтами - покупки больших количеств товаров с целью их перепродажи по завышенным ценам - составляли всего 2% от общей численности всех официально зарегистрированных нарушений закона экономического характера.

Однако, по данным исследователя русской «подпольной экономики» Михаила Алексеева, выходит, что «подлинные размеры спекулятивных нарушений законности были, по крайней мере, в 200 раз больше официально объявленных». (Статья Алексеева стала частью сборника «Глобальные свидетельства размеров и влияния «подпольной экономики», изданного в 1997 году под редакцией Майкла Уоккера Канадским институтом Фрейзера в Ванкувере.)

Несмотря на все различия в имеющихся данных и оценках, мы считаем возможным сделать вывод: вряд ли какие-нибудь из других ошибок, допущенных руководителями СССР за годы его существования, могли нанести в перспективе столько ущерба и вреда, как ничем не оправданное, слишком долго длившееся безразличие к практике незаконной экономической деятельности, принимающей со временем всё более угрожающие размеры и влияние. На наш взгляд, цена, которую в конечном итоге пришлось заплатить за это всей стране и преобладающему большинству её граждан, вряд ли могла быть оправданной или искупленной какой бы то ни было пользой временного и ограниченного характера. Даже если «вторая экономика» действительно приносила пользу отдельным секторам и прослойкам советского общества в определённые периоды его развития.

Особенно важно иметь в виду, что «вторая экономика» всё время существовала и процветала за счёт основной, социалистической экономики, основанной на общественной форме собственности. Таким образом, «вторая экономика» постепенно наносила всё нарастающий ущерб и вред экономическим основам социализма, пока наконец ей не удалось полностью их разрушить.

Даже в тех случаях, когда «вторая экономика» способствовала удовлетворению определённых вкусов и «аппетитов» потребительского спроса и способствовала нейтрализации некоторых признаков социального недовольства, она, наряду с этим, разжигала и всё возрастающие претензии и очаги потенциального несогласия с основными нормами социализма, вплоть до открытого противопоставления им. Здесь

Корягина вполне права, подчёркивая, что «удовлетворяя в определённой степени некоторые дефициты потребительского спроса, она одновременно с этим способствовала появлению новых». Эти «непрерывно возрождающиеся дефициты, со своей стороны, всё больше поощряли становление и развитие откровенно преступных звеньев, секторов, да и целых отраслей «второй экономики». В конечном итоге это способствовало «социально-экономической и политической дестабилизации общества».

Вместе с тем, по мере расширения масштабов незаконной хозяйственной деятельности, она могла всё чаще, активнее и агрессивнее вмешиваться в дела самой основной, первой в жизни и для жизни общества экономики. Причём, как уже отмечалось, «вторая экономика» существовала исключительно за счёт присваивания ресурсов социалистического сектора народного хозяйства. Таким образом, она определённо наносила вред его эффективности. Алексеев особо подчёркивает, что «целые предприятия в самом прямом смысле изнемогали, вследствие того, что у них как на «входе», так и на «выходе» самой производственной системы находились руководители, деятели и структуры, работающие исключительно на «чёрный рынок».

Существование и функционирование «второй экономики» весьма ощутимо подрывало и систему единого экономического планирования. Так, например, если данное предприятие пойдёт по пути «компенсации» допущенных ошибок или неточностей его плановых заданий за счёт покупок недостающих материалов у «подпольного» сектора, то органы планирования так никогда и не узнают, где и в чём нужно сделать соответствующие исправления и коррекцию на будущее. Создавая помехи или даже уничтожая, в прямом смысле слова, механизмы обратной связи общественного хозяйства, «вторая экономика» во многом заставляла систему планирования работать почти вслепую, располагая весьма неверной картиной подлинного состояния как отдельных отраслей, так и страны в целом.

Наряду с этим, ширящаяся практика «делать деньги» частным (или «левым») путём, приводила также и к ряду отрицательных явлений общественного и социально-психологического характера. Нарастало ощущение социальной несправедливости и неравенства, зависти и ненависти между людьми. Короче, «вторая экономика» привела к дополнительному углублению и увеличению всех экономических и общественно-политических проблем, требующих неотложного решения со стороны советского общества. Кроме того, она активно способствовала возникновению и обострению и новых проблем.

Разрушительное влияние «второй экономики» сказывалось также и на способности к действиям самой Коммунистической партии. Только наличием коррупции среди определённых групп её кадров и руководителей можно объяснить столь удивительное на первый взгляд развитие событий, когда партия, успешно справившаяся в своей истории с явлениями типа Бухарина и Хрущёва, не смогла своевременно

разобраться и освободиться от их более позднего рецидива в лице Горбачёва.

В 20-е годы у зажиточного крестьянства, являющегося классовой основой идей Бухарина, очевидно, просто не было возможности коррумпировать партию с тем, чтобы сохраниться. Совершенно иначе позднее обстояло дело с дельцами «нового класса» частных предпринимателей «второй экономики». С тем, чтобы могли не только существовать, но и процветать в самом прямом смысле слова, нелегальные производства и торговля должны были заранее обеспечить себя благорасположением государственных чиновников и партийных функционеров разных рангов. Их попросту покупали. Причём, чем больше распространялись данные виды незаконной деятельности, тем шире и глубже становилась и способствующая им коррупция. В этой связи Симис вполне оправданно подчёркивает, что «ни одно нелегальное предприятие не могло быть вообще создано без содействия каких-либо подкупленных деятелей государственной администрации».

В 1979 году Гроссман выступил с докладом на заседании Совместного экономического комитета Конгресса США, посвящённом состоянию советской экономики во время перемен. Его доклад назывался «Некоторые заметки о незаконной частной экономике и коррупции». В нём отмечалось, что практика подкупов и взяток должностных лиц в СССР получила «самое широкое распространение - с наивысших до наиболее низких уровней служебной иерархии». Приводились и свидетельства бывшего советского прокурора о том, как, например, директор овощной базы просто был обязан «под страхом увольнения регулярно давать взятки определённым деятелям партии и представителям государственной администрации в районе, где проживал».

Представление о размерах коррупции на самых высоких этажах власти дают и некоторые из громких общественных скандалов, разразившихся в стране в 70-80-е годы. Особую известность среди них приобрели случаи крупных махинаций, в том числе и на самых высших государственных уровнях, связанных с производством и сбытом такого стратегического для советской экономики вида сырья как хлопок. В ходе расследований выяснилось, что некоторым представителям высшего руководства партии и государства соответствующих республик удалось открыть вполне «законный» способ получения миллиардов рублей при помощи непомерно раздутых цифр отчётов о якобы полученных рекордных урожаях хлопка выше плановых заданий. Оказалось также, что для проведения столь широкомасштабных операций коррупционного характера соответствующим образом была обеспечена поддержка ряда других особо ответственных лиц в стране, якобы даже зятя самого Брежнева.

«Своим собственным почерком» отличалась практика взяток и подкупов в других союзных республиках. В Азербайджане, например, имелись случаи «откупа» прав на частную добычу и сбыт икры. В странах Прибалтики упор делался на частные производства рыбных деликатесов,

в Киргизии - на мясо, и т.д.

Понятно, что ничего из этого никому не удалось бы «протолкнуть» без наличия определённой степени коррупции в партийных и государственных структурах. На практике коррупция достигала даже самых высших уровней управления страны. В этой связи Симис приводит нашумевший в своё время случай с так называемыми «заказами» Фрола Козлова, бывшего в определённый период чем-то вроде «правой руки Хрущёва». После неожиданной кончины этого высшего руководящего функционера Ленинграда у него в сейфе обнаружилось множество адресованных ему пакетов и конвертов, содержащих драгоценности и пачки денег. Было доказано, что это «откупы» ряда дельцов Ленинграда за заступничество Козлова, направленное на прекращение имеющихся против них судебных производств, предпринятых вполне оправданно в связи с практикой незаконной экономической деятельности.

В своём исследовании с весьма красноречивым заголовком «Товарищ Криминал - новая мафия России» исследователь из Йельского университета в США Стивен Гандельман приводит слова Александра Гурова, высшего служащего органов внутренних дел СССР. По его мнению, со времён Хрущёва и Брежнева до Горбачёва процессы внутреннего разложения Компартии неизменно находятся в самой непосредственной связи с коррупционным воздействием со стороны нелегальной организованной экономической преступности. Вот что заявляет в этой связи Гуров:

«Период хрущёвской «оттепели» и открытия нашего общества предоставил возможности для развития также и организованной преступности... При Сталине было невозможно даже представить себе существование организованных преступных групп подобных масштабов... После него, однако, в обществе каким-то образом, причём весьма открыто, стало утверждаться что-то, что вполне можно было назвать... «Моральным кодексом грабителя». Всё это, конечно, было и в интересах определённой части партийной бюрократии. В 1974 году, например, у так называемой «торговой мафии Москвы» были уже свои «представители» даже в высших уровнях партийного руководства. Получалась такая ситуация, при которой, если бы мне или кому-нибудь ещё пришло в голову попробовать предупредить людей о том, что в стране происходит в действительности, то так называемые «либералы» меня бы просто высмеяли, а правительство бы объявило нас сумасшедшими.

Однако всё начиналось именно так. Определённые люди из партийного руководства дали «зелёный свет» процессам незаконного обогащения. Всем нам следовало бы гораздо раньше и намного серьёзнее и ответственнее призадуматься о причинах, породивших «теневую экономику» и связанную с ней коррупцию. Они появились при Хрущёве, а дальше разрастались при Брежневе. При Горбачёве же организованная преступность в стране приобрела возможности и статус по-настоящему могущественного фактора».

Хотя далеко не всегда в открытой и непосредственной форме,

уровень коррупции оказал существенное воздействие и на внутреннее политическое состояние и проблемы самой Коммунистической партии. Проникающая повсюду коррупция всё сильнее влияла на снижение критериев организационной жизни партии, на ухудшение уровня идейной подготовки, порождала всё более растущее число случаев откровенного цинизма и формализма среди представителей партийной бюрократии. Ряд партийных функционеров и государственных служащих оказывались самым непосредственным образом связанными с коррупционной практикой, а через неё - и с экономикой частного типа. К тому же вовсе необязательным было, чтобы они сами лично принимали участие в частной производственной или торговой деятельности. Имелось гораздо больше других способов их участия в процессах незаконного обогащения, всё заметнее набирающих силу в то время.

Таким образом, несмотря на всевозможные разумные причины первоначального допущения деятельности «второй экономики», с течением времени она всё более пагубно влияла на ситуацию в стране, расширяя и усугубляя существующие проблемы. Чрезвычайно заметным был её вклад и в дело срыва всех усилий по разрешению этих проблем.

Однако скажем ещё раз, что не проблемы, несмотря на всю их остроту и важность, стали основными факторами разрушения советского социализма. Оно стало возможным только в ходе политического курса Горбачёва, направленного в конечном итоге на утверждение в масштабах всей страны именно этого частнособственнического экономического уклада «второй экономики».

Связь Горбачёва с идеологией и практикой «второй экономики» выявилась в «политическом повороте», предпринятом им после 1986 года и осуществлённом с определённой долей цинизма. Вначале этот цинизм относился преимущественно к возможностям народного хозяйства Советского Союза успешно удовлетворять складывающиеся тенденции повышенного спроса на некоторые товары широкого потребления. Однако постепенно он во всё возрастающей степени переключался и на всю систему экономической политики, равно как и на сами возможности и способности Коммунистической партии действовать или даже просто существовать в качестве эффективного единого общественного механизма. Показательно, что Горбачёв не только пользовался наличием таких настроений в обществе, но своими публичными выступлениями и политикой всячески их дополнительно поощрял и раздувал.

С другой стороны, всё более укреплял свои позиции мелкобуржуазный классовый слой общества. Он также являлся детищем «второй экономики», но постепенно охватывал сетью выходящих за рамки социализма личных и групповых интересов всё более значительные и организованные сектора общества.

А это, в конечном итоге, приводило к дополнительному обострению существующих в нём противоречий. Во многом такова была и внутренняя база общественных настроений и социальной поддержки, благоприятствующая становлению, распространению и развитию взглядов

и политики Горбачёва - в сторону возрастающего утверждения власти «свободного рынка» и экономики частной собственности.

Партийное и государственное руководство страны слишком долго проявляло ничем не оправданное непонимание и недооценивание проблем и опасностей идеологического характера, порождаемых и раздуваемых наступлением «второй экономики». Были даже случаи, когда вовсе отвергалась сама возможность возникновения такой опасности и связанных с ней проблем.

В обществе в целом практика частной наживы незаконными способами приводила к утверждению ценностей мелкобуржуазной морали и подтачиванию правовых норм и устоев социализма. Формирование и деятельность «второй экономики» служили своего рода «школой» и «полигоном» выращивания кадров, лично заинтересованных в осуществлении перехода общества и государства к системе «свободного рынка» и частной собственности. А эти люди, со своей стороны, способствовали распространению социально-психологических и пропагандистских установок предстоящих рыночных «реформ».

«Вторая экономика» и всё, что с ней было связано, кроме того, активно способствовали углублению нарастающей «деморализации» социалистического общества. Всё более широкое распространение незаконных способов хозяйственной деятельности, беззастенчивое использование для коррупционных целей материалов, рабочего времени и других ресурсов, ползучая коррупция, всепроникающая «Экономика блата» (как определяет её исследователь А.В. Леденёва в изданной в 1998 году в Кембридже книге под тем же названием) - всё это приводило к растущему социальному неравенству и подрывало веру людей в социализм. Практика систематического увода на «чёрный рынок» наиболее качественных товаров и обострение по этой причине дефицита таких товаров на рынке нормальном, дополнительно способствовали росту сомнений в возможности системы социализма предпринимать какие-либо результативные действия.

Таким образом, «вторая экономика» почти одновременно решала две задачи чрезвычайной для неё важности. Во-первых, усиливалась критика социализма, а во-вторых - утверждался новый, своеобразный культ всемогущества денег.

«Нарастание коррупции и разрушение законности в хозяйственной сфере порождало всё больше сомнений как в способности советской системы бесперебойно обеспечивать население необходимыми материальными благами, так и в её возможности успешно управлять созданной ею социалистической экономикой в соответствии с провозглашёнными опять-таки ею принципами, законами и правилами». Одновременно «возрастает и сила денег в обществе». Эти процессы дают всё больше возможностей открыто оспаривать уже и власть управляющей партии, - подчёркивает Гроссман в своём исследовании «Вторая экономика» в СССР».

В Советском Союзе было, конечно, немало членов партии и честных граждан, дающих себе ясный отчёт в происходящих процессах и осознающих появление угрожающих тенденций роста антисоциалистических идей и распространения «ценностей» мелкобуржуазного мировоззрения. Так, например, ещё в 1978 году известный советский исследователь Георгий Шахназаров предупреждал в своём труде «Судьбы мира» о значительных масштабах становления «мещанского, мелкобуржуазного способа мышления и соответствующих ему общественных настроений». Он говорил о том, что в основе данной тенденции находится «стремление к накоплению богатств и обеспечение себе таким образом исключительных возможностей использования общественных благ и привилегий». В связи с этим Шахназаров делал вывод, что, очевидно, и в наше время весьма длительный исторический период в обществе будут сохранять свою значимость факторы классового разделения и социального неравенства.

«Опасность возрождения и утверждения мелкобуржуазного склада мышления и сознания отпадёт только после радикального разрешения проблем классового разделения общества». Об этом Шахназаров писал, как уже сказано, в 70-е годы прошлого столетия. Как известно, в конце 80-х он входил в число лиц ближайшего окружения Горбачёва.

На основании описанных им явлений утверждения мелкобуржуазного склада общественного сознания и поведения, к началу следующего десятилетия стали появляться уже определённые обособленные группы людей, ставящие себе целью удовлетворение личных интересов за счёт общественных. У них уже была соответствующая степень организованности и программа конкретных действий для достижения таких целей. Иными словами, к тому периоду «вторая экономика» уже вполне определённо приобрела возможности, а также социальное значение материальной базы для возникновения общественных структур и идеологий открыто антисоциалистического характера.

Таковы были, например, мир организованной преступности, круги «политических диссидентов», этнических и религиозных активистов разных направлений и мастей, «отказников» от военной службы, а также писателей, художников и других представителей искусства, считающих себя «неоконформистами» в отношении существующих порядков, людей «самиздата» и т.д.

В своём исследовании «Полезное прошлое» (изданном в 1995 году в сборнике «Советская система - от кризиса к разрухе») историк С. Фредерик Старр подчёркивает, что в годы, непосредственно предшествующие приходу Горбачёва к власти, «вторая экономика» и Запад обеспечивали самую щедрую материальную поддержку всем этим «альтернативным» группам и структурам». Что и объясняет факт существования формирований, весьма схожих по своему основному содержанию, хоть и столь отличающихся друг от друга по внешним расцветкам, программам и флагам. В их многочисленных модификациях и повторениях неизменно перекликался основный мотив «неограниченной

личной свободы» - «символ веры» мелкой буржуазии, где бы и когда бы она ни находилась и ни действовала. В него входит свобода слова, религии, право эмигрировать, «право» не работать, «право» наживы денег всеми мыслимыми и немыслимыми способами и средствами, эксплуатация чужого труда, право писать или издавать «что угодно» и т.д.

В этой связи Старр пишет следующее: «Во многих секторах общества буйно разрослись всевозможные неформальные группы и даже целые сети их. Хотя их существование и деятельность не были разрешены законом, к середине 80-х годов они насчитывали в своих рядах уже несколько десятков тысяч. Различались они, конечно, как численностью участников, так и характером своей деятельности. Некоторые из них и на самом деле были неформальными, добровольными содружествами, созданными преимущественно в целях взаимопомощи и оказания друг другу определённых услуг. Но немало было и тех, которые изначально ставили себе задачу оказывать прямое воздействие на политическую жизнь в стране. Их намерения, однако, не имели ничего общего с идеями социального равноправия, готовности работать, нести ущерб и даже жертвовать собой во имя общественного добра и идеалов, не говоря уж о преданности делу классовой борьбы и международной рабочей солидарности.

Значительная часть этих организаций самым откровенным способом исповедовала «ценности» буржуазного индивидуализма, алчного стремления к личной наживе и присваиванию чужого имущества в целях собственного обогащения. Разумеется, центральное место занимала «свобода» безнаказанно делать всё это».

Нам кажется особенно важным подчеркнуть вывод Старра, «что всё это имело место в недрах общества ещё до прихода Горбачёва к власти в 1985 году. Может быть, самым шокирующим примером в этом отношении была деятельность созданной в 1981 году и руководимой В. Сокирко организации «В защиту экономической свободы». Она вела открытую кампанию за легализацию «второй экономики» со стороны советского законодательства и прежде всего - за отмену статьи 153 Уголовного кодекса СССР, ставящую частную экономическую деятельность вне закона. Эта группа обратилась даже в Верховный Совет СССР с призывом статью 153 упразднить. Она стала публиковать в специальном журнале документы всех имеющихся дел по этой статье, по которым были вынесены несправедливые, по мнению авторов журнала, приговоры. Кроме того, группа проводила открытые «общественные процессы», одновременно с идущими в данный момент в официальным суде делами по той самой статье. По свидетельству руководителя Института экономических исследований Госплана Валерия Рутгейзера, последствия данной кампании и действий группы «В защиту экономической свободы» были настолько сильны, ей удалось обеспечить настолько широкую общественную поддержку требованиям об отмене ст. 153 Уголовного кодекса, что едва не были прекращены все ведущиеся по ней дела».

Таким образом, ещё до прихода Горбачёва к власти, у «второй экономики» были уже весьма значительные как идеологические, так и практические позиции в обществе, в том числе и на самых высших уровнях партии и правительства. Там, кстати, ещё к началу 80-х годов обособились два в корне различных подхода в отношении «второй экономики».

Первый из них был поддержан в основном деятельностью двух научно-исследовательских институтов по проблемам «второй экономики», созданных Андроповым. Один из них работал в системе Главной прокуратуры СССР, другой - в системе Министерства внутренних дел.

По мнению этих институтов, у индивидуальной трудовой деятельности можно было выделить следующие две категории:

1) полезная обществу и сообразная с законами деятельность;
2) незаконная, находящаяся вне существующих правовых норм, направленная на приобретение нетрудовых доходов.

Оба института рассматривали второй вид такой деятельности как несовместимый с природой социализма. По их заключениям, процесс распространения «второй экономики» был результатом «юридических пропусков, слабостей или недосмотров, препятствующих своевременному применению закона».

Рекомендации данных институтов сводились в основном к тому, что усилия борьбы против таких явлений следует вести преимущественно путём совершенствования контроля за процессами индивидуальной трудовой деятельности.

Другой подход, при практике фактического замалчивания вредных последствий деятельности «второй экономики», получал поддержку в некоторых кругах представителей высших уровней партийного и государственного руководства. Выразителями их позиции во многим стал Научно-исследовательский институт Госплана СССР. В нашем исследовании мы уже неоднократно обращались к трудам таких ведущих сотрудников этого института, как Т. Корягина, В. Рутгейзер и др.

Предлагаемые данным институтом меры по преодолению отрицательных последствий «второй экономики» в основном сводились к рекомендации принятия определённых шагов по узакониванию тех видов её деятельности, которые проводились в области производства и услуг и на которые, очевидно, был спрос среди разных слоёв общества.

В этой связи предлагались, например, конкретные шаги законодательного, административного, финансового и др. характера по узаконению кооперативных, лизинговых и ряда других подобных им форм экономической деятельности. Ожидалось, что с предоставлением столь благоприятных условий для открытого существования произойдёт и «выход из тени» большей части «второй экономики». Забегая несколько вперёд, считаем нужным отметить, что в начальный период своего пребывания у власти Горбачёв сумел довольно успешно создать

впечатление, будто он всячески поддерживает оздоровительные предложения и стратегии такого рода. Несколько позже оказалось, однако, что на самом деле всё это требовалось ему прежде всего в качестве определённого алиби, «обходного манёвра» или «дымовой завесы» его подлинной политики, направленной на полный перевод экономики и всей общественной жизни страны в русло законов частной собственности и ничем не ограниченного «свободного рынка».

К началу 80-х годов КПСС предстояло принять ряд важных решений по чрезвычайно сложным, неотложным проблемам как собственно экономики, так и внутренней и внешней политики. Как в прошлом, так и в те годы, в партии и в стране были, конечно, люди, которые считали, что решение этих проблем следует искать на пути определённого приспосабливания к капитализму или применения заимствованных у него механизмов и методов. Однако, в отличие от более ранних периодов, в 80-е годы прошлого столетия носители таких взглядов могли рассчитывать на поддержку довольно мощных, хоть и почти невидимых на поверхности общественной жизни социально-экономических, да и политических сил и факторов. Довольно долгое время их незаметно подпитывали постепенно укрепляющие свои позиции мелкобуржуазные слои, равно как и процессы нарастающей коррупции, в том числе в самой партии. В конечном итоге обе эти тенденции оказались одинаково связаны с интересами установления «никем и ничем» не ограниченного «свободного рынка», частной собственности, и конечно, всегда сопутствующих им мелкобуржуазных выдумок о некой «полной свободе».

Одним словом, речь вполне определённо шла о реставрации капитализма. Таким образом, предпринятый Горбачёвым, начиная с 1987 года, как бы «вполне неожиданно» политический поворот «направо», находит своё объяснение в русле как хорошо известной «бухаринско-хрущёвской» исторической традиции, так и унаследовавшего её идеи, созданного «второй экономикой» в более поздние периоды, класса мелкой буржуазии.

И всё же, как бы ни был значителен вклад «второй экономики» в создание серьёзной социальной базы для возникновения и распространения мелкобуржуазных идей, последствия этого процесса вряд ли приняли бы настолько катастрофические измерения, если бы они не развивались в обстановке широкой критики и общего стремления к общественным переменам, которая сложилась в стране к тому времени. К тому же, как бы парадоксально это не выглядело с первого взгляда, большая часть нарастающей критичности, общественного несогласия или даже недовольства являлась следствием прежде всего… самого динамического развития социалистического общества и его реальных достижений. Чрезвычайно ускоренные индустриализация и урбанизация страны превратили значительные части её населения в социальные классы, освобождённые от необходимости непосредственного физического труда и связанные в той или другой мере с деятельностью интеллектуального характера. Сложилась и довольно многочисленная прослойка административно-исполнительных кадров, что-то вроде

советского варианта «белых воротничков».

Значительная часть этих людей чувствовала себя обиженной и терпящей убытки, вследствие повторяющейся несколько раз после 60-х годов практики уравнивания зарплат за разное качество и количество труда. Зачастую получалось, что врачи, учителя и преподаватели, инженеры, служащие администрации и т.д. зарабатывали меньше некоторых квалифицированных рабочих. Вместе с тем, по мере расширяющихся возможностей контактов и поездок за границу, у немалой части интеллигенции начало складываться мнение, будто уровень жизни советского общества ниже того, который они видели у своих коллег на Западе. А по имеющимся данным, в 80-е годы именно интеллигенции принадлежал непомерный по сравнению с её общей численностью удельный вес среди членов и руководящих кадров Коммунистической партии.

В 2001 году член ЦК Коммунистической партии Российской Федерации Виктор Трушков опубликовал в выходящем на английском языке издании International Correspondence анализ причин и факторов, способствующих разрушению советской системы. В своём исследовании под заголовком «Место реставрации капитализма в историческом процессе» Трушков подчёркивает, что поскольку в мире существуют эксплуататорские классы, то всегда сохранялась и опасность восстановления капитализма и в Советском Союзе.

Однако внешний натиск приобретает характер смертельной опасности только тогда, когда «внутри самой страны социализма» складываются силы, заинтересованные в возвращении капитализма». По мнению Трушкова, получить представления о подлинных масштабах и возможностях этих сил можно, только если переосмыслить бытующее до поры до времени неверное утверждение о том, что советское общество 80-х годов было «полностью бесклассовым». В своём исследовании он указывает на наличие в нём, по крайней мере, двух прослоек буржуазного типа.

Существование первой из них было связано преимущественно с широкой системой розничной торговли и услуг. С течением времени значительная часть этой системы во всё большей степени погрязала в злоупотреблениях и махинациях с товарами и другими ресурсами, являющимися государственной собственностью. Иными словами, данная отрасль «второй экономики» и её социальные носители «работали», так сказать, «на грани закона». О её полных размерах можно судить, если представить себе, например, масштабы незаконного строительства, осуществлённого в официальное рабочее время, или количество «левых» рейсов водителей государственных такси и грузовиков, обслуживающих сеть частной торговли и т.д.

Намного сильнее оказалась другая прослойка буржуазного типа, которая складывалась на основе частной оптовой торговли. С течением времени её финансовый оборот и экономическое могущество приобретали такие размеры, что у ряда исследователей сложилось мнение о ней как о

«существующей параллельно и вполне сравнимой с официальной экономикой отрасли».

В этих условиях, когда в 1987-88 годах Горбачёв попробовал ввести определённую систему «узаконения» данных сфер «чёрной» розничной и оптовой торговли, какими бы ни были его подлинные намерения, они вдруг столкнулись с вполне определёнными личными интересами занятых в них людей. В обстановке тех лет их реакция приобретала уже вполне определённую идеологическую и политическую окраску. Тогда и сложился, а с течением времени и всё более наращивал свою силу, «заметный натиск в обществе в пользу... неограниченного утверждения механизмов «свободного рынка» и полного восстановления частной собственности». Само собой, всё это дополнительно способствовало дальнейшей «эрозии» и «парализации» деятельности и даже самого существования государственного сектора экономики.

«Таким образом, - делает вывод В. Трушков, - когда тандем Горбачёва-Яковлева подошёл к конкретным действиям по восстановлению буржуазной системы хозяйства, находящиеся под их руководством сектора государственного аппарата вдруг, - возможно, неожиданно для себя, - столкнулись с конкуренцией людей в той же самой государственной администрации, которые издавна работали «в содружестве» с уже существующими структурами в сфере частной собственности. «Бывшие кадры» данной масти не только стремились сохранить свои командные привилегированные позиции во власти, но определённо добивались себе прямо-таки львиной доли огромного государственного имущества и собственности, которые предстояло приватизировать».

В результате такого симбиоза «реформ» Горбачёва и практически неограниченных интересов и аппетитов аппаратчиков, связанных с кругами «второй экономики», и сложилась та гибельная «диалектика» широкомасштабного отступления и предательства по отношению к системе социализма в СССР, которая особо чувствительно дала о себе знать впоследствии.

Глава 2. Горбачёв. Стратегия перестройки

Официально считается, что Горбачёв родился 2 марта 1931 года в селе Привольное, насчитывающем 3000 жителей и находящемся в сельскохозяйственном районе Ставропольского края в 15 км от города. Эта часть Северного Кавказа известна своим высокоразвитым сельским хозяйством, главным образом, производством пшеницы и подсолнуха, а также источниками минеральных вод и соответствующими курортами.

В своей биографии Горбачёв отмечает, что в 30-е годы его дед принимал активное участие в коллективизации сельского хозяйства в Ставропольском крае. Во время войны, когда немецкие войска захватили и разрушили большую часть Ставрополя, малолетний тогда Горбачёв вместе с семьёй находились на временно оккупированной врагом

территории.

Считается, что во время войны погибло семь его родственников. В 1949 году в группе передовиков сельского хозяйства Ставропольского края он был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Наверняка благодаря этому в 1950 году он поступил студентом на юридический факультет Московского университета имени Ломоносова, самого престижного учебного заведения в стране. Здесь биографы Горбачёва всегда подчёркивают, что он был первым генеральным секретарём после Ленина, который окончил полный курс высшего образования. Также обычно считается, что за время обучения в МГУ он сумел познакомиться с интеллектуальной традицией Запада и с практикуемой там манерой публичных выступлений.

В 1952 году Горбачёва переводят из кандидатов в члены партии. Позже в Москве он вступает в брак с Раисой Титоренко, студенткой философского факультета. В то время, как пишут Евгений Новиков и Пэтрик Баскио в их книге «Горбачёв и разрушение КПСС» (изданной в Нью-Йорке в 1994 г.), он «просто обожествлял Ленина».

По окончанию университета Горбачёв возвращается в Ставрополь, где и проводит 23 года своей последующей жизни. Там он не занимался, однако, юридической практикой, а пошёл работать по партийной линии - сначала в горкоме комсомола, а затем - в горкоме и крайкоме партии. С течением времени о нём сложилось мнение как о человеке, способном работать долго и с полной отдачей сил. Заочно окончил агрономический факультет. Несколько позже чех Зденек Млинарж, деятель «пражской весны», который в своё время учился в МГУ вместе с Горбачёвым, а потом поддерживал связи с ним, расскажет в своих мемуарах, что будущий генеральный секретарь КПСС относился с пониманием и симпатией к руководителю чехословацких реформ в 1968 году Александру Дубчеку.

Такой факт его биографии, очевидно, остался неизвестным, посколько его партийная карьера продолжилась без особых задержек и потрясений и после августа 1968 года. В 1970 году он занимает пост первого секретаря Ставропольского краевого комитета партии. Кроме колоссальной реальной власти на территории, равняющейся территориям Бельгии, Швейцарии и трёх Люксембургов, вместе взятых, положение первого секретаря крайкома открывало уже дорогу и к ответственным постам в самой Москве. Первый секретарь краевого комитета партии - номенклатура Политбюро. Он автоматически избирается в Центральный Комитет партии, становится депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР.

Столь быстрое продвижение Горбачёва наверх стало возможным, ко всему прочему, и в силу сложившегося к тому времени мнения о нём в партийных кругах как об «авторитетном специалисте» в области сельского хозяйства. Этому поспособствовал и Фёдор Кулаков, избранный в 1970 году секретарём ЦК по сельскому хозяйству, а несколько позже - членом Политбюро КПСС. Говорят, что руку к карьере Горбачёва приложил и Юрий Андропов, также являющийся уроженцем Ставропольского края.

После довольно неожиданной смерти Кулакова, самого молодого тогда члена Политбюро, умершего летом 1978 года, Горбачёв уже руководит сельским хозяйством всей страны.

В декабре 1979 года его избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а в конце октября следующего года он уже избирается членом Политбюро.

На посту руководителя сельским хозяйством страны он никаких особых успехов не добился. После смерти Суслова и Брежнева в 1982 году его «ставят на идеологию» - одну из самых ответственных сфер управления советской системой. А в июне 1984 года он уже становится Председателем комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР. Как будто какая-то неведомая и незримая сила неудержимо толкала Горбачёва наверх.

Одной из причин этого вполне могла быть его молодость. Избравшись в члены Политбюро в возрасте 49 лет, он и вправду выглядел чуть ли не «сверхъестественно» энергичным и работоспособным на фоне остальных членов высшего органа власти партии и страны. Большинство из них давно уже были в весьма преклонном возрасте, болели, а потому иной раз чисто физически не могли справляться со своими рабочими обязанностями. Вдобавок к тому у Горбачёва было и другое довольно значительное преимущество, о котором уже было сказано. В отличие от большинства своих высокопоставленных «сослуживцев», у него было целых два диплома высшего образования. Кроме того, он довольно искусно умел обращаться с публикой, оказывать воздействие на собеседников и убеждать в своей правоте оппонентов. Довольно необычным элементом в его общественной работе, также отличавшимся от традиционной практики советских руководителей, было частое присутствие рядом с ним его супруги Раисы. Причём Раиса Горбачёва не только стояла рядом с супругом, но и сама высказывала мнения по разным проблемам, отвечала на вопросы и т.д. Появления жены, особенно на Западе, оценивались вполне благосклонно.

Следует также иметь в виду, что ещё при Андропове Горбачёв сумел сложить о себе мнение как о последовательном стороннике коренных перемен в партии и стране. На состоявшемся в декабре 1984 года пленуме ЦК по вопросам идеологии он занял в этом направлении позицию, пользующуюся в те времена исключительной популярностью как в партии, так и в обществе в целом. Во-первых, он настаивал на большей «гласности» в работе средств массовой информации. Во-вторых, объявлял поддержку неотложной реорганизации и обновлению структуры экономики.

В русском языке весь объём данных идей стало принятым выражать одним словом - перестройка! Вскоре ему суждено было и впрямь стать «крылатым словом» в общественно-политической жизни как страны, так и всего света.

Этот период становления «курса Горбачёва», равно как и его

последующая «радикализация», являются объектами подробного анализа монографии Т.Г. Ригби «Советская изменяющаяся система: от однородно организованного социализма к его перестройке Горбачёвым».

Вместе с тем, Горбачёву всё время удавалось поддерживать впечатление, будто бы он лично нисколько не предрасположен к авантюрам и риску, а старается прежде всего работать в коллективе, в качестве его лояльного и надёжного члена. Так, он довольно успешно проявил себя, когда во время болезни Черненко ему было поручено временно руководить заседаниями Политбюро. В своей книге Ригби указывает на то, что, по мнению такого бывалого и опытного политика, как Громыко, Горбачёв справлялся с этой задачей «блестяще».

С течением времени, однако, всё отчётливее выявлялись и другие стороны его личности и профессионального роста. Во-первых, широко известной «общественной тайной» было то, что продвижение по службе до таких постов было практически невозможным без особого покровительства высокопоставленных фигур. Горбачёв, конечно, не мог быть каким-либо исключением из этого правила. Несмотря на все свои качества, образование и подготовку, он вряд ли бы добился таких успехов, если бы не пользовался повышенным вниманием со стороны влиятельного покровителя. В принципе, таковы «неписанные законы» практики любой из известных ныне больших организационных систем. В случае с Горбачёвым считается, что такую роль мог сыграть как Фёдор Кулаков, бывший на посту первого секретаря Ставропольского крайкома несколько лет в 60-е годы, так и Андропов, который был уроженцем Ставрополя.

Наряду с тем, Горбачёв, по всей видимости, довольно удачно сумел воспользоваться всеми возможностями, какие предоставляли уникальные природные данные руководимого им края. На его территории расположены знаменитые минеральные источники и курорты Кисловодска, Железноводска и др., куда регулярно приезжали лечиться многие из советских лидеров всех уровней, как из столицы, так и из отдельных союзных республик и других районов страны. Самых высокопоставленных из них неизменно встречал лично первый секретарь крайкома. Вне сомнения, это тоже сыграло свою роль в развитии и последующем взлёте его политической карьеры.

И всё же, несмотря на все свои, без сомнения, широкие связи, образование и стаж регионального партийного работника, Горбачёв на деле был довольно плохо знаком с отдельными сферами жизни страны. Исключением были, может быть, сельское хозяйство и внутренние проблемы партии. До того, как он был избран генеральным секретарём, Горбачёв больше ездил в страны Западной Европы и Канады, чем в отдельные союзные республики СССР. Кроме того, в отличие от всех прежних советских руководителей, у него не было личного или профессионального опыта жизни в нерусских районах Советского Союза (очень подробная информация на сей счёт содержится в книге Элен Карер д’Анкосс «Конец советской империи», изданной в Нью Йорке в 1994 году).

По мнению историка Антони д'Агостино, у избранного в 1985 году генерального секретаря КПСС не было «знаний и опыта в области обороны и военного дела, внешней политики, промышленности, науки, техники, технологии, трудовых отношений и профсоюзов».

Ещё в меньшей степени был знаком он и с самой историей создания и развития СССР - со всеми сопутствующими ей проблемами, остротой внутренней и внешней напряжённости, давлением на власть со стороны различных сил, непрерывной борьбой, трудностями и победами. По всей видимости, он старался возместить отсутствие подлинных знаний в этих областях частыми обращениями к тем или иным цитатам из трудов классиков марксизма-ленинизма, внешне подходившим его целям и намерениям в данный момент.

В своём исследовании д'Агостино заходит даже дальше в этом направлении. По его заключению, Горбачёв в действительности был ничем иным как «адвокатом, никогда в жизни не занимавшимся правом», зато сделавшим впечатляющую карьеру в области сельского хозяйства. Чуть ли не единственной его «заслугой» при этом была его должность первого секретаря района известных курортов, что давало ему возможность привлечь к себе внимание высокопоставленных руководителей. Так что в действительности его подлинный профессиональный «ценз» не очень-то отличался, скажем, от ценза принца Монако или даже мэра Лас-Вегаса».

Горбачёв также был не лишён комплекса образованного провинциала. Большую часть своей жизни он прожил с самочувствием «большой рыбы», вынужденной обстоятельствами довольствоваться «маловодием» жизни отдалённого от центра района страны. Это во многом объясняет его, подчас просто бросающуюся в глаза суетность, иной раз подчёркнуто снисходительное, но иногда прямо беспощадное отношение к подчинённым по работе, наряду с откровенным подхалимством и готовностью всячески угодить высшестоящим и сильным мира сего. Скорее всего, по тем же причинам у него сложилась привычка демонстрировать предпочтения ряду сторон «сладкой жизни верхов» - типа выдержанных вин, изысканных деликатесов и пр.

Весьма впечатляющую информацию о случаях, доходящих подчас до подлинной наглости, бесстыдства и нахальства с его стороны, содержит книга Владимира Егорова «Заметки о перестройке Горбачёва - путь от смертного исхода в безвестность» (изданная в 1993 году одновременно в Чикаго, Берлине, Лондоне, Токио и Москве). Так, например, Горбачёв не присутствовал на похоронах Андрея Громыко в 1989 году, хотя именно Громыко, в свою бытность «старшиной» тогдашнего Политбюро, выдвинул его кандидатуру на пост генсека после смерти Черненко.

Добравшись до столь высокого поста, Горбачёв стал относиться с подчёркнутым снисхождением к остальным членам Политбюро, несмотря на то, что у них всех стаж партийной и государственной работы был намного выше, чем у него, да и возрастом они были старше его. Весьма показательна также история его взаимоотношений с Борисом Ельциным.

Иной раз они просто играли «в одну и ту же игру». Это не мешало им, однако, при других обстоятельствах обмениваться, подчас даже с неприкрытым удовольствием, ударами «ниже пояса».

В этой связи Джон Б. Денлоп напоминает в своей книге «Восход России и конец Советской империи» (1993) о некоторых обстоятельствах по смещению Ельцина с поста первого секретаря Московского горкома в 1987 году. Тогда меж двумя лидерами «перестройки» появились уже довольно ощутимые противоречия, прежде всего, в связи с реальным контролем над механизмами «высшей власти». Между тем Ельцин поступил в больницу из-за обострения заболевания сердца. Однако Горбачёв прямо приказал ему присутствовать на заседании горкома КПСС. Причём Ельцину пришлось ожидать несколько часов, пока подошла очередь вопроса, посвящённого разбирательству его деятельности. Деятельность была подвергнута уничтожающей критике, после чего его сместили с поста.

Правда, существует версия, что тогдашний приступ заболевания Ельцина и его поступление в больницу были всего лишь манёврами для отвода удара. Однако информация об отношении к нему на пленуме горкома Москвы довольно сильно взбудоражила общественное мнение в стране того времени и вызвала весьма сильную реакцию общества в его поддержку.

* * *

Начиная свои реформы, Горбачёв неизменно подчёркивал верность социалистическому пути развития страны. В начальный период своего пребывания на посту генерального секретаря КПСС Горбачёв во всех своих публичных выступлениях специально отмечал, что ни в коем случае не пойдёт на введение рыночных механизмов в целях разрешения экономических проблем Советского Союза. Так, в мае 1985 года, к примеру, он заявил следующее:

«Многие из вас склонны связывать преодоление наших проблем с переходом к экономической системе рынка, которая должна заменить ныне существующую практику единого хозяйственного планирования. Немало тех, кто склоняется воспринимать рынок некой «спасательной лодкой» для нашей экономики. Для нас, однако, не настолько важны всякие там «спасательные средства», насколько судьба самого корабля - корабля социализма».

За первый период правления Горбачёва было предпринято два вида мер в области экономики. Одна из них предусматривала введение экспериментальных систем контроля продукции на 19 предприятиях промышленности. Их следовало создать на базе существующих систем контроля продукции в оборонной промышленности, где они применялись успешно уже много лет подряд.

Другой мерой такого характера было учреждение так называемой «госприёмки» - специального органа по надзору за качеством продукции,

работающего в системе Совета министров СССР. Этому органу контроля были предоставлены очень широкие полномочия по решению всех проблем, имеющих отношение к качеству продукции в важнейших отраслях и на предприятиях страны, в том числе - занятых производством товаров широкого потребления.

В то же время был предпринят ряд мер, направленных на исправление оказавшейся полностью неэффективной практики так называемой «уравниловки». По данным Асслунда, разница в оплате квалифицированного специалиста промышленного производства и рядового рабочего упала с 146% в 1965 году до 110% в 1986 году. Изменения в системе, введённые в этом году, обеспечили специалистам высокой квалификации, занятым серьёзными научными исследованиями, а также в образовании и медицине гораздо более высокие темпы роста оплаты их труда по сравнению с остальными категориями трудящихся.

Почти сразу после его избрания на пост генерального секретаря Горбачёв усердно занялся проблемой улучшения двусторонних отношений с США. Их состояние, в частности, после 1979 года, чрезвычайно ухудшилось. Как известно, к концу того года советское правительство приняло решение удовлетворить просьбу законного правительства Афганистана направить туда ограниченный контингент советских войск в ответ на всестороннюю поддержку со стороны США силам контрреволюции в этой стране. В свою очередь, администрация Картера прервала двусторонние переговоры с СССР в области сокращения гонки вооружения и наложила эмбарго на экспорт товаров сельского хозяйства. На протяжении шести лет после того не произошло ни одной встречи руководителей обеих стран на высшем уровне.

Внешнеполитический курс Горбачёва в начале его правления отличался следующими основными характеристиками. С одной стороны, он подтверждал все обязательства Советского Союза в деле упрочения мира и мирного сосуществования на основе сохранения стратегического паритета с Западом. Было объявлено также, что СССР и впредь будет придерживаться дружеских взаимоотношений с остальными странами социализма и с народами, борющимися за свободу и независимость. В тезисах к предстоящему тогда XXVII съезду КПСС Горбачёв высказал также поддержку революционному правительству Никарагуа.

Джерри Хью в своей книге «Демократизация и революция в СССР» (1997 г.) приводит по данному поводу слова последнего руководителя КГБ Владимира Крючкова из его мемуаров о том, что тогда было также принято решение об усилении военной помощи и присутствия советских войск в Афганистане. Возросла поддержка СССР борьбе Африканского национального конгресса Южной Африки против режима аппартеида. Была организована система военной подготовки для активистов и деятелей этой партии.

С другой стороны, Горбачёв предпринял ряд шагов и инициатив, задуманных и осуществлённых им лично. В 1985 году они были направлены преимущественно на уменьшение напряжённости в

отношениях СССР, США и стран Западной Европы на базе односторонних уступок со стороны Советского Союза. Так, в мае 1985 года он принял приглашение Рейгана о встрече с ним на высшем уровне, а в июле того же года объявил об одностороннем моратории со стороны Советского Союза на испытания ядерного оружия. Позже, в сентябре того же года, он выдвинул предложение о сокращении на 50% ядерных боеголовок стратегического назначения.

Далее, во время своего посещения Франции в октябре 1985 года он опять в одностороннем порядке объявил о сокращении числа советских ракет средней дальности действия, нацеленных на страны Западной Европы.

В ноябре 1985 года в Женеве состоялась встреча на высшем уровне глав США и СССР. Долгожданные переговоры не привели, однако, к каким-либо ощутимым результатам. Тем не менее, был учтён сам факт состоявшегося положительного обмена мнениями и откровенный, дружелюбный характер встречи. Считается, что именно тогда была достигнута договорённость об очередном одностороннем безоговорочном отступлении Советского Союза, на сей раз - из Афганистана.

Вся эта деятельность Горбачёва на международной арене была встречена, разумеется, волной одобрений и аплодисментов на Западе.

Вне сомнения, что его популярность за границей как тогда, так и позже была вызвана, или, вернее, «куплена» сделанными им исключительно в угоду Западу и в ущерб СССР односторонними безоговорочными уступками чрезвычайно важного политического и военно-стратегического характера.

Вместе с тем, из его внимания в тот начальный период правления не ушли и проблемы внутренней политики. По всей видимости, они тоже должны были служить осуществлению подлинных намерений и целей Горбачёва и группы его сторонников. Первые его шаги в данном направлении, казалось, были направлены на преодоление застоя в партии и в стране, ограничение коррупции, укрепление идейных устоев и повышение общественно-политической активности партии.

На практике вышло, однако, что в основе кадровых перемен, проделанных под столь привлекательными лозунгами и якобы во имя столь возвышенных целей, было, прежде всего, стремление выдвинуть на узловые посты в партии и в государстве политических деятелей и специалистов, пользующихся доверием недавно избранного нового высшего руководителя.

Так, например, Эдуард Шеварднадзе занял место Громыко на посту Министерства иностранных дел. Вместо Н. Тихонова председателем Совета Министров СССР стал Н. Рыжков. На пост первого секретаря горкома КПСС в Москву перевели Бориса Ельцина.

После обвинений в системном попустительстве и поощрении практики «сервильности, личной преданности и покровительства» был заменён ряд ответственных партийных и государственных руководителей

Латвии, Литвы и Белоруссии. Были предприняты меры и против особо известных своей склонностью к коррупции местных лидеров и представителей высшей администрации Узбекистана, Азербайджана и Киргизии.

С течением времени это, очевидно, исключительно точно продуманное «землетрясение кадров» в верхах приобретало всё большую силу. Только в течение года Горбачёв заменил больше половины всех членов и кандидатов в члены Политбюро. Заменены были также 14 из 23 заведующих отделами ЦК КПСС, пять из четырнадцати высших руководителей союзных республик и пятьдесят из пятидесяти семи первых секретарей районных, краевых и областных комитетов партии.

Заменено было и 40% послов Советского Союза за границей.

Объектом кадровых потрясений стала также и большая часть министерств. По общим подсчётам, там было освобождено от занимаемых должностей не менее 50 000 управленцев самых разных уровней (к примеру, только в незадолго до того созданном Министерстве компьютерного оборудования и электроники Горбачёв лично заменил больше 1000 человек).

По докладам, публичным выступлениям и объявленному Горбачёвым политическому курсу, в общем, предугадывались решения основных проблем состояния и развития общества, экономики и социалистической системы в целом. На этом тогда одинаково сходились мнения как учёных и специалистов, так и партийных работников и миллионов советских граждан. В стране воспринимали действия Горбачёва по снижению международной напряжённости прежде всего как способ направить значительную часть средств, идущих до тех пор на оборону, в отрасли, как казалось в ту пору, имеющие большее значение для общества. (Несколько позже, как известно, развитие событий наглядно доказало всю недальновидность и политическую близорукость подобных суждений).

Примерно столь же катастрофически сказалась впоследствии и предпринятая Горбачёвым массовая замена руководящих кадров. Вначале, однако, эти меры, как и публичные разоблачения случаев коррупции и все его энергичные призывы к большей критичности и открытости вызывали лишь одобрение и поддержку со стороны общества. Людям тогда, по всей видимости, не хотелось думать о том, что такая новая политика может оказаться лишь постановкой «политического театра». Всем очень хотелось верить, что пришёл конец длительному застою в общественной жизни, экономике, духовной сфере и т.д., что наступает новое время обнадёживающих перемен.

Однако вскоре Горбачёв пошёл по пути, который в корне отличался от первоначально провозглашённого. Это оказался курс на всё возрастающее введение в систему народного хозяйства страны экономики частной собственности и рыночных механизмов, а также - на всемерное ослабление руководящей роли Коммунистической партии.

* * *

До того как приступить к рассмотрению начальных признаков политического поворота в сторону капитализма, представим вниманию читателей хотя бы три из существующих гипотез, пытающихся дать объяснения причин и обстоятельств, приведших к подобному развитию событий.

Первая из них указывает на то, что Горбачёв в принципе всегда был «социал-демократом», т.е. представлял собой нечто вроде «коммуниста, с симпатией относящегося к капитализму».

Его ранняя риторика «в стиле Андропова» на деле была ничем иным как «обходным» политическим манёвром, при помощи которого ему во многом удалось сбить с толку и привести в некое замешательство вероятных противников, пока он не соберётся с силами, дабы приступить уже к своей подлинной политике.

Вторая гипотеза состоит в том, будто Горбачёв встал на путь рыночной ориентации, только убедившись, что попытки провести преобразования «в духе Андропова» не увенчались успехом. Тогда, может, самостоятельно, но не исключено, что и с чьей-нибудь «помощью», был сделан «следующий шаг», правда, уже в совершенно иную сторону. Таким образом, можно предположить, что на каком-нибудь из последующих этапов своего правления он мог прийти к выводу о якобы практической невозможности добиться реального улучшения состояния столь разнородной и объёмной экономики как советская в рамках существующей системы социализма. В ходе такого размышления уже «вполне естественно» можно было прийти и к выводам о необходимости нарочитого ослабления руководящей роли Коммунистической партии, поскольку легко предположить, что в первую очередь с её стороны можно ожидать реакции сопротивления «реформам» такого рода.

По третьей из бытующих в исследовательских кругах и литературе гипотезе, у Горбачёва просто не хватило (или они вовсе отсутствовали) соответствующих качеств его личности, сил, чувства ориентации и перспективы, для того, чтобы успешно противостоять и справиться с нарастающими аппетитами, интересами и амбициями антисоциалистических сил, быстро приобретающими угрожающие размеры и активность по мере развёртывания «реформ». Нам кажется уместным обратить здесь больше внимания именно последней из указанных гипотез.

Впрочем, какими бы ни были первоначальные намерения и планы Горбачёва, объявленные им реформы 1985 года на деле способствовали сплочению и активизации всех существующих до того антисоциалистических и прокапиталистических сил в стране.

Многочисленные пространные выступления и речи Горбачёва о необходимости проведения реформ были восприняты со стороны этих сил как некий недвусмысленный сигнал и даже чуть ли не приглашение занять более активную позицию и место в политической жизни страны.

Нисколько не удивительно, что ключевым моментом осуществления стремлений подобного рода стали знакомые по другим случаям в истории характерные лозунги и требования буржуазии о «свободе и законности». В данной конкретной ситуации речь шла, конечно, в первую очередь об узаконивании находящихся до тех пор вне закона антиобщественных и, по сути дела, антисоциальных видов деятельности.

Именно на этом и начал сдавать свои позиции, а под конец и полностью капитулировал Горбачёв, у которого, кроме избытка амбиций и эмоций, кажется, так и не оказалось в наличии как нужных сил и уверенности характера, так и опыта и соответствующего уровня теоретической подготовки. В своём почти болезненном стремлении к достижению молниеносного, ослепительного и к тому же безболезненного успеха он, очевидно, решился поставить «на карту» усиливающегося блока чисто партийной и государственной бюрократии, уже связанного с отраслями и секторами «второй», частнособственнической экономики, и весьма значительной прослойки «советской» интеллигенции, выражающей и отстаивающей их интересы.

По всей вероятности, Горбачёв пришёл к такому решению по соображениям своей личной политической карьеры, а также, возможно, и собственной безопасности. Без сомнения, определённую роль в этом сыграли его склонность и податливость к низкопоклонству, подхалимажу и раболепию, безосновательному возвеличиванию неких его «особых» талантов и одарённости, равно как и не очень выясненных «заслуг» и «выдающегося» личного вклада.

Гипотезу об изначальной приверженности Горбачёва к идеям и принципам социал-демократии поддерживает немало людей. Среди них есть как его сторонники и последователи, одобряющие его курс на разрушение социализма, так и его противники, ненавидящие его по тем же самым причинам. Обычно приводится ряд доказательств того, что он относился с симпатией к социал-демократии западного типа ещё задолго до того, как избрался на пост генерального секретаря КПСС. Напоминают и о том, что ещё до 1985 года он поддерживал тесные связи с деятелями типа Александра Яковлева и Эдуарда Шеварднадзе, являющимися наиболее отъявленными сторонниками социал-демократии в его ближайшем окружении.

* * *

Имеется также и ряд свидетельств, что чуть ли не с самого момента вступления во власть в действиях Горбачёва уже обнаруживались некие лишь ему одному известные цели, не имеющие ничего общего с официально выдвигаемыми. По словам Яковлева, например, когда ещё осенью 1985 года в доверительном разговоре с Горбачёвым он подбросил ему идею разрушить КПСС, разделив её хотя бы на две отдельные партии, тот просто сказал, что время для этого пока ещё не наступило.

Авторам данной книги, признаться, трудно с точностью определить, с каких пор и в какой степени могло сложиться лицемерное, двуличное

отношение Горбачёва к социализму. По нашему мнению, побудительные силы, мысли и действия человека настолько сложны, что их трудно полностью выяснить даже при наличии значительного фактического материала о них. Но есть немало людей, которые просто отказываются предположить возможность того, что в рядах Коммунистической партии так долго мог работать и подниматься по карьерной лестнице деятель, являющийся скрытым сторонником антикоммунистических взглядов, и что именно ему в определённый момент удалось пробиться к высшему командному посту в ней. Однако для Горбачёва, разумеется, было вполне естественным воздерживаться от всяких открытых выступлений и даже намёков насчёт имеющего у него плана разрушения Коммунистической партии и восстановления общественно-экономической и политической системы капитализма. Даже если такой план у него действительно был, то, очевидно, он скрывал свои замыслы до того успешно, что о них не могли заподозрить даже такие опытные политики, как Егор Лигачёв, долгое время работающие вместе с ним.

Среди исследователей довольно широко распространён взгляд о том, что у Горбачёва уже с 1984 года сложилось довольно чёткое представление о рыночной природе и ориентации будущей экономической реформы. Такого взгляда придерживается и Андерс Асслунд в своём исследовании «Борьба Горбачёва за экономическую реформу». Хотя он тоже не упоминает о существовании какого-то заранее подготовленного плана, а говорит, скорее, о наличии некой разнородной смеси различных реформаторских идей.

С другой стороны, Горбачёв публично высказывал некоторые свои идеи о преобразовании системы формирования цен и способов ведения учёта стоимости. Подчёркивал он также и «необходимость повышения конкуренции, как существенного элемента рыночных механизмов экономики».

Это вполне можно было воспринять неким предвестником его последующей, уже определённо рыночной и прокапиталистической ориентации. В плане официальном, однако, его выступления, как правило, выглядели не более чем продолжение линии Андропова, направленной на ускорение процесса применения достижений научно-технического прогресса в практике народного хозяйства. В тот же период Горбачёв также часто говорил и об улучшении дисциплины труда, об уменьшении или даже полном устранении возможностей получения нетрудовых доходов. Всё это, опять-таки, напоминало об Андропове и направляло мысли и оценки людей в эту сторону.

М. Эльман и В. Канторович в своей книге «Разрушение советской экономической системы» (изданной в 1998 г.) идут дальше Асслунда в своём понимании идеи о существовании некоего заранее подготовленного плана уничтожения социализма, которому Горбачёв следовал с самого прихода к власти. Исследуя экономические аспекты деятельности Горбачёва за период 1982-1984 годов, непосредственно до его избрания на пост генерального секретаря КПСС, авторы указанной книги обращают

особое внимание на поражающее, по их мнению, отсутствие какой бы то ни было последовательности и согласованности в них.

Так, они указывают на неоднократное проявление им фактического одобрения существования «второй экономики», при том, что всё это, как правило, сопровождалось частыми выступлениями против «нетрудовых доходов», во многом напоминающими хотя бы внешне стиль Андропова. Тем не менее уже тогда можно было заметить его довольно выраженную склонность к восприятию откровенно прокапиталистических идей, которая со всей силой проявилась в политике более поздних этапов его правления.

* * *

Кроме того, по мнению авторов данной книги, на развитие взглядов Горбачёва определённо повлияли следующие обстоятельства.

Во-первых, родина Горбачёва - Ставрополь и прилежащие к нему районы - в силу географических, климатических и прочих особенностей, издавна являлся центром сосредоточения довольно большой части «лишних денег» всей огромной Советской страны. В этой связи с течением времени там сложились и приобрели довольно широкое распространение очень сильные тенденции всевозможной экономической активности частнособственнического характера, что, в свою очередь, приводило к появлению довольно сильных мелкобуржуазных настроений, мелкобуржуазного способа мышления и действий.

Во-вторых, поскольку Горбачёв гораздо чаще других советских руководителей ездил по странам Запада, он, по всей видимости, получил возможность непосредственно познакомиться там с взглядами итальянского «еврокоммунизма» и с некоторыми другими идеями ревизионистского и прокапиталистического толка. В своей книге «Горбачёв и уничтожение КПСС» (1994) авторы Евгений Новиков и Патрик Баскио анализируют воздействие этих идей на взгляды и политическую позицию Горбачёва, которые можно понять из текстов его докладов, официальных речей и выступлений.

Также немаловажным фактором воздействия на способ мышления тогдашнего генерального секретаря КПСС стало то, что с самого начала его пребывания на посту руководителя партии и государства вокруг него собралось довольно узкое окружение специалистов и советников, исповедующих, по меньшей мере, взгляды социал-демократии.

Среди них были, например, известные своей ориентацией на общественно-экономическую систему капитализма академики Татьяна Заславская и Абел Аганбегян. Близок им по духу был и философ Александр Ципко, открыто провозгласивший себя противником марксизма, которого в 1987 году тоже привлекли в качестве советника генерального секретаря. Позже, по данным Эльмана и Канторовича, Ципко неоднократно, по всякому поводу и без повода, будет распространяться о своём личном вкладе в дело провозглашения

Горбачёвым главенства так называемых «общечеловеческих ценностей» над социально-классовыми.

Таким образом, как подчёркивает и Асслунд, путь Горбачёва всё более напоминал тот, который уже был проделан в Грузии одним из его ближайщих сподвижников - Эдуардом Шеварднадзе. При его руководстве эта советская республика обернулась «самым утвердившимся царством второй экономики» в пределах СССР, где вся основная, официально существующая система хозяйства оказалась «переключённой» на «вторую», теневую экономику. В дальнейшем, как показал весь последующий ход событий, сей «передовой опыт» предстояло распространить и на всю обширную территорию Советского Союза. Это, очевидно, и стало миссией Горбачёва…

Говоря о гипотезе существования тайного плана полного разгрома советского социализма и обращения страны в сторону капитализма, надо признать, что пока не обнаружено никаких серьёзных доказательств в её пользу. Поэтому авторы данной книги склонны придерживаться мнения, что, скорее, можно говорить о наличии в биографии Горбачёва ряда факторов и обстоятельств, подтолкнувших его в определённый момент в сторону взглядов и позиций, столь явно проявившихся в более поздний период его правления.

Таким поворотным моментом, на наш взгляд, было время после окончания первого этапа реформ, предпринятых непосредственно после его избрания на пост генерального секретаря КПСС весной 1985 года. Их начальные результаты, а также перспектива дальнейших прогрессивных изменений общества в стиле Андропова, очевидно, привели в замешательство имеющиеся в стране силы антисоциалистической направленности. Это вызвало их сильную отрицательную реакцию, и Горбачёв, по всей видимости, не смог устоять под их натиском. Очевидно, этому способствовало довольно пагубное сочетание слабостей и недостатков его характера вместе с нехваткой необходимой подготовки в области теории и отсутствием в нужной степени политического опыта. Вдобавок ко всему, у тогдашнего генерального секретаря определённо не хватало общего представления о ходе и характере объявленных реформ. В результате, в области внутренней политики наметился отход Горбачёва от курса реформ в стиле Андропова, а на международной арене был заложен курс многочисленных односторонних уступок в пользу США.

Наверно, в начале данного процесса его действия можно было понять или, по крайней мере, хотя бы объяснить наличием каких-то соображений тактического характера, - с тем, чтобы выиграть время, собраться с силами, накопить нужные ресурсы для последующих действий и расширить, таким образом, круг своих сторонников и единомышленников. Но в конце концов всё, что сделал Горбачёв, вылилось в крутой поворот «направо» и, по сути дела, в его переход на сторону сил, в принципе недовольных социализмом и социалистической общественно-экономической системой. Ведущую роль при этом во всё возрастающей степени играли непрерывно наращивающий свою мощь класс «новых

капиталистов» и связанная с ним коррумпированная часть партийного и государственного аппарата.

Наконец, ещё одна гипотеза, объясняющая происшедшие в СССР в конце 80-х годов события, заключается в том, что имеющиеся проблемы советской экономики вызваны самой «сутью» общественного строя социализма. Из этого следует, что решения таких проблем вовсе не следует искать и никак нельзя найти в условиях социалистической системы, общенародной социалистической собственности и единого хозяйственного планирования.

Такой способ мышления, по всей видимости, был больше всего по душе сторонникам Горбачёва. Именно они прежде всего и особо агрессивно отстаивают его, воспринимая Горбачёва некой почти трагической фигурой, чуть ли не силой «задвинутой» противниками перемен в экономике, партии и государстве в сторону последующих драматических событий, обернувшихся в конечном итоге прямым разрушением страны и способа цивилизованной жизни миллионов живущих в ней людей.

* * *

Вполне резонно в этой связи поставить вопрос: в какой степени у Горбачёва появилась бы склонность к действиям подобного характера, если бы результаты предпринятых им весной и летом 1985 года начальных реформ увенчались более обнадёживающими успехами? В какой мере попытки этих реформ натолкнулись на «неизлечимые пороки системы», вызванные отсутствием нужной степени интеллекта или прямым сопротивлением со стороны определённых кругов в партии?

Подлинный ход истории, однако, далеко не всегда следует дорогой так называемого «здравого смысла». Нередко понимание исторической истины прямо вступает в противоречие с тем, на что, казалось бы, указывают человеческий разум и интуиция. Вот почему в ходе нашей работы мы придерживаемся взгляда, что лишь неуклонное следование по пути реально сложившегося процесса исторических событий может предоставить надёжную базу для углублённого научного объяснения его подлинного содержания, а также всевозможных вопросов и загадок, имеющихся в нём.

По нашему мнению, возможность ответа на главный вопрос: «Когда и почему на самом деле сложилось решение Горбачёва свернуть на путь капитализма?» - связана с предварительным ответом на следующие вопросы.

1. Каковы на самом деле были результаты первых попыток проведения экономических перемен в рамках существующей системы социализма, объявленных Горбачёвым в начальный период его правления?

На самом ли деле, как утверждают некоторые, они кончились провалом, и это послужило «веским доказательством» «невозможности»

осуществления каких бы то ни было положительных изменений советского типа экономики?

2. Каково в действительности было отношение партии к объявленным реформам экономики? Считала ли в принципе она проведение таких реформ чем-то необходимым и обязательным? Имеется ли хоть кусочек правды в утверждениях, что партия или определённые части её, по сути дела, саботировали замыслы и предложения Горбачёва?

3. В какой степени оправданы мнения о том, что экономика являлась первой областью проявления поворота направо всего политического курса Горбачёва?

Гипотезу, что система социализма в принципе не подлежит никакому улучшению, можно считать оправданной лишь при условии что:

- объявленные реформы в «стиле Андропова» на самом деле кончились провалом;

- партия подавляющим большинством своих членов действительно противостояла реформам;

- Горбачёв и вправду сделал в области экономики свои первые шаги на политической арене в сторону капитализма.

Однако ход реальных событий говорит о чем-то, в корне расходящемся с утверждениями пропаганды на этот счёт.

Во-первых, и по сей день никто и нигде не приводит каких-либо доказательств, подтверждающих якобы сложившийся неблагоприятный исход начатых в 1985 году реформ. Конечно, за столь короткий период их проведения ожидать каких-либо крупных изменений в такой большой и разнородной по своей структуре экономике, как советская, не приходится. Тем не менее, бесспорно был обнаружен ряд положительных сдвигов как на предприятиях и в отраслях, непосредственно охваченных реформой, так и в системе народного хозяйства в целом.

Так, например, по данным исследования Дэвида Котца и Фреда Виэра (изданным в 1997 году под заголовком «Революция сверху и разрушение советской системы»), за период 1985-1986 годов в СССР возрос общий объём производства и потребления.

За время начального (и столь короткого) этапа реформ в стиле Андропова наметился темп роста экономики на 1-2%. Производительность труда возросла на 4,5% по сравнению с 2,5% за предшествующий период. Объём капиталовложений за 1986 год лишь в отраслях промышленности машиностроения возрос на 30% по сравнению со всем объёмом капиталовложений за всю предыдущую пятилетку. За тот же 1986 год объём продукции сельского хозяйства повысился на 5%.

Такие данные приводятся в книге «Экономический вызов перестройки» академика Абела Аганбегяна, главного экономического советника Горбачёва.

По свидетельствам того же источника, за период 1985-86 годов на

10% возрос и объём услуг и товаров потребления, что было в полтора раза больше по сравнению с предшествующим периодом.

Тогда же впервые за последние 20 лет было отмечено значительное улучшение в сфере здравоохранения, а также в ряде других областей жизни. Заметно понизилась смертность среди детей.

Вместе с тем примечательно, что в тот же период Горбачёва как политика постиг и ряд значительных неудач. Одна из них была связана с предпринятой им антиалкогольной кампанией. Он, казалось, на самом деле полагал, что резкое уменьшение производства и продажи спиртных напитков приведёт также и к снижению уровня их потребления. Вместо того в стране буквально расцвела контрабанда спиртного. К тому же нелегальное производство водки стало поглощать практически все имеющиеся в государственных магазинах запасы сахара. Кроме того, государство теряло миллиарды рублей из-за того, что большая часть продажи спиртных напитков просто направилась в сторону «второй экономики» и её системы нелегальной торговли алкоголем. Всё это привело к тому, что всего лишь через год с лишним после объявления антиалкогольной кампании Горбачёву пришлось отказаться от неё.

По нашему мнению, она могла привести к лучшим результатам, если бы заранее был учтён имеющийся опыт других стран в этом направлении. Так, например введение «сухого закона» в США в начале XX столетия вызвало невиданный рост нелегального производства и торговли спиртным. Опыт показал, что положительные результаты в данном направлении можно ожидать от применения следующих мер: 1) повышения цен; 2) системы налогов и сборов на производство и торговлю спиртными напитками; 3) индивидуальной работы с людьми, систематически злоупотребляющими алкоголем.

* * *

Другой, довольно чувствительный провал политики Горбачёва наметился в объявленном им курсе на повышение и ускорение темпов производства ряда отраслей экономики.

Усиленное общественное внимание и финансовая поддержка этой кампании привели, однако, к довольно неожиданному следствию - чрезвычайному росту ассортимента и количества всевозможных эрзацев и подделок. Горбачёв попытался противодействовать подобным неблагоприятным явлениям при помощи мер по повышению роли системы госинспекции. Вскоре выяснилось, что удельный вес продукции низкого качества, не отвечающей государственным стандартам, чрезвычайно высок. Это вызвало, однако, резкое недовольство рабочих, поскольку уровень их зарплаты должен был упасть из-за регистрации столь больших количеств бракованных изделий и товаров. В конце концов от системы «госприёмки» тоже пришлось отказаться.

Тем не менее, эти два примера политических неудач не сказались на общем ходе экономических реформ, начатых в 1985-1986 годы. Они, в

общем, давали положительные результаты. Вышеупомянутые провалы, скорее всего, стали следствием не очень хорошо продуманных и подготовленных решений, очевидно, вызванных стремлением к достижению быстрых и лёгких успехов. Несмотря на неблагоприятный общественный резонанс, на неудачу и преждевременное прекращение указанных двух кампаний, их никак нельзя было воспринять неким «общим провалом» как системы в целом, так и экономических реформ, начатых Горбачёвым непосредственно после его прихода к власти.

Не выдерживает проверки фактами и предположение о том, что политический поворот Горбачёва «направо» якобы был вызван сопротивлением выдвинутому им курсу реформ со стороны ряда руководителей партии. И по сей день не обнаружено абсолютно никаких данных, подтверждающих наличие неких настроений неодобрения или отрицательного отношения высокопоставленных деятелей партии и государства к идее о необходимости существенных преобразований в экономической системе.

На это указывают также М. Эльман и В. Канторович в своём исследовании «Разрушение советской экономической системы» (1996 г.), в значительной степени основанном на данных и выводах, содержащихся в проведённых ими интервью с ответственными советскими руководителями тех времён. «Никаких доказательств наличия какой-либо оппозиции против курса реформ обнаружено не было», - подводят они итоги опроса.

В своей книге «Борьба Горбачёва за экономические реформы» ярый сторонник рыночной экономики Андерс Асслунд, проживший довольно долгое время в Москве в период 80-х годов, также подчёркивает, что «все выбившиеся в то время на ответственные позиции новые советские руководители неизменно выступали в пользу перемен». Более того, в той же книге он признаёт, что как «брежневисты», так и члены тогдашнего Политбюро - Гайдар Алиев, Виктор Гришин, Динмухамед Кунаев, Владимир Щербицкий и Николай Тихонов, которых считали «прямолинейными марксистами», - поддерживали необходимость перемен в советской экономике, которые бы вывели её на качественно иной уровень развития, сходный, скажем, с моделью экономического устройства ГДР.

Асслунд обращает внимание также на существование трёх других реформаторски настроенных групп среди тогдашних ответственных советских деятелей, отличающихся как от уже упомянутых течений, так и от «круга Горбачёва», определённо вставшего в конечном итоге на сторону идей «свободного рынка» и перевода советской экономики на рельсы системы частной собственности.

Такая группа сформировалась, например, вокруг тогдашнего председателя Совета Министров СССР Николая Рыжкова. По его мнению, решений экономических проблем страны следовало добиваться на пути повышения производительности труда и интенсификации производства. Группа Рыжкова настаивала на принятии мер по ускоренному применению

достижений научно-технического прогресса в производственную практику. Она выступала также в поддержку повышения капиталовложений в сферу машиностроения. Сторонники Рыжкова поддерживали проводившиеся в то время эксперименты по установлению системы самостоятельного финансирования на предприятиях.

Другое направление реформаторов, отличающихся от «круга Горбачёва», возглавлял Лев Зайков. В июле 1985 года его избрали секретарём ЦК КПСС по вопросам военно-промышленного комплекса (ВПК). Его взгляды на политику перемен тоже были связаны с реформами системы капиталовложений и поощрительным развитием научно-технического прогресса и машиностроения. Реформаторские программы Зайкова предусматривали принятие мер по улучшению качества продукции и введению обоснованной системы дифференцированной оплаты труда, а также по улучшению порядка на производстве и повышению требовательности к сменной работе.

В отличие от группы Рыжкова, Зайков и его люди были против идеи о самостоятельном финансировании предприятий, ибо она, по их мнению, способствовала бы развитию элементов конкуренции и появлению других механизмов рыночной системы.

Свои взгляды на ход необходимых перемен в советском обществе и экономики были и у Егора Лигачёва, тогда второго человека в партии после Горбачёва. Он тоже выступал:

- за введение серьёзно обоснованной дифференциации оплаты труда на предприятиях;

- совершенствование системы бухгалтерского учёта их деятельности;

- введение коллективных трудовых договоров;

- проведение эксперимента по установлению системы самостоятельного финансирования на предприятиях.

Наряду с этим Лигачёв безоговорочно отвергал систему частной собственности и экономику «свободного рынка». Залог успеха положительных перемен для него состоял:

- в совершенствовании и укреплении существующей системы единого экономического планирования;

- в повышении рентабельности и ответственности отдельных предприятий;

- в улучшении дисциплины во всех её измерениях.

С точки зрения таких позиций, Лигачёв поддерживал и кампанию против алкоголизма. Вместе с тем он считал, что следует предпринять более серьёзные меры против превращения практики и мировоззрения потребительства чуть ли не в основную норму жизни и устройства всего советского общества и его экономики. По его мнению, следовало безотлагательно и бескомпромиссно действовать против коррупции и всяких форм незаконной «теневой экономики».

Лигачёв полагал, что изменения в экономике следует проводить на основе рекомендаций и решений, намеченных на состоявшейся в июне 1985 года Всесоюзной научно-технической конференции по этим вопросам. Он самым категорическим образом подчёркивал, что все реформы и перемены должны происходить в рамках принципов и системы научного социализма, что не следует допускать никаких компромиссов и кампаний в сторону «рыночной экономики» и возвращения к частной собственности на средства производства.

* * *

Первые сигналы о «новом курсе» Горбачёва, предназначенном повернуть политику перемен в СССР в каком-то другом, неизвестном до тех пор направлении, наметились во время работы XXVII съезда КПСС в феврале 1986 года. По правде говоря, тогда Горбачёв, скорее всего, сделал заявку не столько на какую-то новую политику, сколько на внедрение в неё некой иной, принципиально отличающейся идеологии о характере, целях и содержании реформы. Он уже не только больше не говорил о преемственности с принципами и идеалами прошлого, но и всячески старался навести на мысль о якобы уже созревшей необходимости порвать с этим прошлым.

В плане тактическом он обычно связывал подобные идеи с рядом недостатков, допущенных во время «застойного периода» правления Брежнева, сложившегося после начала его серьёзной болезни. Очевидно, заигрывая с уже довольно широко распространёнными общественными настроениями, он призывал к «подлинно революционным переменам» и к необходимости «решительного поворота» как во внутренней, так и в международной политике.

Общие речи такого рода вводили людей в заблуждение, позволяя им воображать вещи, в корне отличающиеся от того, что в действительности происходило впоследствии.

Горбачёв также подменил конкретную формулировку Андропова об «ускорении научно-технического прогресса» более неопределённой и туманной фразой об «ускорении экономического и социального развития». К тому же, если, как ему казалось, кто-то не уделял нужного внимания таким изменениям в терминологии, он всегда подчёркивал, что речь идёт не просто о словах, а о совершенно ином понимании совершающихся перемен. По его мнению, их не следовало бы ограничивать сферой лишь экономических реформ. Наоборот, в соответствии с «новыми взглядами» Горбачёва, изменения должны были охватывать все методы работы, всю систему существующих политических и идеологических институтов.

Таким образом, после своего политического доклада XXVII съезду КПСС Горбачёв стал систематически подменять узловой до тех пор термин идейно-политической практики «ускорение» терминами «гласность» и «перестройка». Мало того, он уже вкладывал в них какой-то иной, ранее неизвестный смысл и значение. Так, в апреле 1986 года он заявил, что «перестройку» следует понимать как «коренное, полное

изменение», в июне того же года - что она означает «перемену всего общества», а в июле - уже прямо объявил её «революцией».

Без сомнения, практика столь расширенных толкований в значительной мере способствовала росту популярности и привлекательности идеи о так называемой «перестройке». Курс её, однако, оказался чреватым множеством рисков и опасностей, касающихся благосостояния и даже самой жизни и существования миллионов людей и страны в целом. «Расширительные» толкования отняли у политики реформ то чёткое содержание и ясные цели, которые были заданы ей во время Андропова. Таким образом, «перестройка» всё более оборачивалась неким преимущественно пустословным, лишённым конкретного смысла и значения занятием. Речи о «модернизации структуры» и преобразованиях всё чаще стали восприниматься чем-то самоценным, что следовало бы осуществлять просто ради «самой идеи». Разговоры о реформах стали вращаться как будто в каком-то «заколдованным круге», перемены делались ради самих перемен. Такими впечатлениями делится о том периоде Н. Робинсон, автор изданной в 1995 году книги «Идеология и конец советской системы».

Навязанные Горбачёвым изменения в области идеологии и стратегии реформ всё больше подтачивали единство партии, способствуя её дальнейшей дезорганизации, лишая её уверенности и чётко определённых целей. В результате она становилась всё более неспособной выполнять роль руководящего центра общества. Вместо конкретных реальных действий, как в партии, так и вне её, велись бесконечные дискуссии насчёт направления и конечных целей реформ.

Для определённой части участников этих дискуссий конечной целью продолжало быть дальнейшее укрепление и совершенствование социализма. Для других как дискуссия, так и сама реформа всё определённее становились возможностью отмежеваться от Союза для дальнейшего обособления на национальной основе. Всё это происходило на фоне широкого распространения взглядов о некоем «новом», отличающемся от социализма, социал-демократическом пути развития. Говорилось также и о какой-то иной, во многом неясной и неопределённой модели устройства общества. Так и не выяснилось, будет ли она социалистической или капиталистической по своему характеру. Обязательной в ней была только определяющая роль механизмов и принципов «свободного рынка».

Были среди спорящих о реформах и такие, конечной целью которых являлось личное обогащение.

* * *

Горбачёв чрезвычайно ловко «расширил» и, по сути дела, подменил и само содержание так называемой «гласности». В результате оказалось подорванным не только само созидательное начало исконных партийных принципов критики и самокритики, но и был нанесён очередной удар по сохраняющейся до тех пор роли партии в обществе и её руководящим

функциям.

В первый год после его избрания на пост генерального секретаря Горбачёв придерживался взглядов Андропова о гласности. Гласность осуществлялась партией, правительством, государством, существующими общественными организациями и должна была обеспечить большую степень открытости и публичности в отношении ряда аспектов внутриорганизационной жизни, а также имеющихся случаев некомпетентности, злоупотреблений и коррупции. Горбачёв в апреле 1985 года тоже призывал к предоставлению общественности больше информации такого плана.

Однако вскоре он превратил гласность из политики большей открытости народу, партии и другим структурным организациям общественной системы, в средство и даже оружие практически ничем не ограниченной критики самой партии, всей её истории и всего того, что она сделала (или не сделала!) за всё время её существования.

Начало такой открытой атаке было дано после встречи Горбачёва и Раисы Максимовны с рядом руководителей и известных представителей средств массовой информации. В своей книге «Гласность Горбачёва» (1999 г.) Джозеф Гиббс отмечает, что на этой встрече тогда ещё недавно избранный генеральный секретарь призвал к «открытой, конкретной и конструктивной критике допускаемых недостатков и упущений». Вскоре после этого на страницах газеты «Советская Россия» появилась откровенно уничижительная статья в адрес первого секретаря Московского горкома КПСС Виктора Гришина. (Гришина, как и его ленинградского коллегу Романова, после смерти Черненко считали наиболее вероятными кандидатами на пост генерального секретаря. Однако, судя по некоторым данным, оба они, в силу «неких случайностей и недоразумений технического характера», не смогли лично присутствовать на заседаниях высших органов партии, на которых предстояло избрать следующего генерального секретаря КПСС). Вскоре после публикации упомянутой статьи Гришина освободили с поста руководителя Московского горкома КПСС. На его место выдвинули Бориса Ельцина, которого тогда считали союзником Горбачёва.

Активность Горбачёва и его окружения в действиях по приданию нового смысла политике гласности ещё интенсивнее продолжалась осенью 1985 года. Очевидно, чувствуя поддержку от присутствия рядом с собой почти неотступно следовавшей за ним его супруги, недавно избранный генеральный секретарь с удивительной энергией всё чаще и настоятельнее продолжал взывать к кругам интеллигенции и средствам массовой информации… усилить критику против партии и всей её истории. Вместе с тем, им также был предпринят ряд мер по ослаблению влияния партии на деятельность средств массовой информации. Причём произошло это не просто вследствие прекращения действия соответствующих «решений и директив» (как любят изображать некоторые), а путём передачи непосредственного руководства данной сферой в руки лиц, относящихся открыто враждебно к КПСС и

социализму.

* * *

Разумеется, в деятельности средств массовой информации следовало произвести ряд перемен, связанных прежде всего с облегчением чересчур громоздкой бюрократической системы контроля и цензуры в отношении культуры, книгоиздательства, радио- и телепередач, печати и т.д.

Однако ввиду исключительной важности данных сфер, изменения в них следовало бы производить чрезвычайно умеренно, деликатно и тактично. Увы, подход Горбачёва к этим делам был, как казалось на первый взгляд, поспешным и не до конца продуманным. В результате «новая политика гласности», объявленная, непосредственно организованная и всячески поощряемая при его личном участии, в действительности обернулась деятельностью, чреватой самыми пагубными последствиями как для авторитета, самочувствия и способности к руководству самой Коммунистической партии, так и для возможности дальнейшей спокойной, уравновешенной и полнокровной жизни общества в целом. Дестабилизирующие последствия такой политики весьма ощутимо стали давать о себе знать уже в 1987 году.

Несколько позже в своих «Мемуарах» (изданных в Нью-Йорке в 1995 г.) Горбачёв попытается свалить с себя всякую ответственность за последующее катастрофическое развитие событий в стране. Так, он пишет, что «гласность вышла за все представляемые нами рамки и приняла измерения не поддающегося контролю процесса».

Всё это, по меньшей мере, неточно. В действительности Горбачёв не только на словах, но и вполне конкретными делами всячески поощрял и толкал свою «новую гласность» как раз к тем крайностям и рецидивам, о которых он напишет позже в своих мемуарах как о «не поддающихся контролю».

Тут следует отметить, что между ним и определёнными кругами в средствах массовой информации существовали чрезвычайно близкие, чуть ли не «любовные» отношения, - в смысле переносном, конечно. Горбачёв то и дело обращался к ним с призывами о помощи, содействии и одобрении его действий и инициатив. Во время своих частых встреч с представителями данных кругов и групп он, как правило, старался подчеркнуть, как высоко он их чтит, как рассчитывает на поддержку с их стороны. Он открыто подталкивал их к всё более разнузданным нападкам на партию и её историю, одновременно с этим вполне целенаправленно отнимая у партии возможности осуществления любого руководства и контроля деятельностью СМИ. Лишь окончательно убедившись в необратимости совершённого им в этой сфере, он и сам отказался от каких бы то ни было попыток её контроля.

Такой своей активностью Горбачёв, очевидно, пытался заложить, вне партии, её норм и механизмов, некую собственную базу политической поддержки, выходящую, кроме всего прочего, за рамки официально

объявленных целей политической жизни. Более сообразительные исследователи и наблюдатели могли бы заметить подобную тенденцию ещё в политическом докладе XXVII съезду КПСС. Уже тогда он, в прямом смысле слова, открыл все двери для любой критики всего и вся в партии и государстве, в их деятельности, и в работе политических институтов общества. «Литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, разъедающие здоровую мораль, памятуя, что критика - дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций», - говорил в то время с трибуны съезда генеральный секретарь.

А всего через месяц, на встрече с представителями средств массовой информации (на которой присутствовал и Лигачёв) Горбачёв совершенно недвусмысленно заявил, что «главным нашим врагом является бюрократия, и печать должна самым беспощадным образом атаковать её, не давая ей какой бы то ни было возможности ответной реакции».

Таким образом, складывалась весьма странная ситуация, когда генеральный секретарь, наделённый самыми высокими полномочиями для того, чтобы предпринять все необходимые шаги в сфере руководства партии и государства, обращается к посторонним силам и структурам с призывом совершить необходимые действия вместо него. Выходило, что СМИ и интеллигенции следовало нападать на партию и правительство страны, в то время как сам генеральный секретарь довольствуется лишь ролью стороннего наблюдателя.

Казалось, как будто кому-то удалось вдолбить в голову тогдашнего генерального секретаря и его «советников» какие-то предельно идеализированные, не соответствующие реальной жизни, представления о роли средств массовой информации в условиях так называемой «либеральной демократии». Возможно, такое могло произойти в результате знакомств и обмена мнениями с представителями политической системы Великобритании. А в дальнейшем, видимо, Горбачёву могло показаться, что подобного рода представления могли бы оказаться полезными и в ходе реформ... общества социалистического типа.

Так или иначе, в июле 1986 года Горбачёв уже объявил следующее:

«Раз у нас нет оппозиции и оппозиционной партии, то каким образом тогда мы можем осуществлять контроль за своими действиями? Да, мы можем делать это средствами критики и самокритики, но больше всего - путём гласности».

* * *

Ещё красноречивее слов Горбачёва были его действия. Наряду с призывами институционально сформировать внутреннюю оппозицию в стране, он предпринимал и целый ряд конкретных шагов в целях:

- реального ослабления роли и функций руководства и контроля Коммунистической партии за деятельностью средств массовой

информации;

- передачи последних в руки отъявленных противников социалистических идей и социализма.

Ключевую роль во всех этих процессах выполнял А.Н. Яковлев, которого Горбачёв ещё в 1985 году назначил заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. (Как писал Михаил Геллер в книге «Седьмой секретарь», изданной в Лондоне в 1991 г., Яковлева считали «генератором идей», единственным среди соратников Горбачёва, который заслуживает этого названия.) Этому отделу, созданному в 1920 году, на практике принадлежали высшие властные полномочия по всем вопросам деятельности средств массовой информации. Так называемый «Главлит», функционирующий с 1923 года, был соответствующим органом государства, осуществляющим непосредственные просмотры цензуры, одобряющим и разрешающим выпуск всех видов публикаций, радио- и телевизионных передач. Являясь руководителем этого отдела ЦК и одним из самых приближённых советников генерального секретаря, Яковлев располагал исключительными возможностями оказывать самое непосредственное и ощутимое воздействие на весь ход развития и осуществления «реформ». Анализ дальнейшего хода событий показал, насколько вредным и разрушительным было это воздействие.

Родился Яковлев в 1923 году. Судя по его книге «Судьбы марксизма», изданной в 1993 г. Йельским университетом в США, вступил в партию во время службы на флоте в годы Второй мировой войны. (Йельский университет, кстати, пользуется репутацией одного из лучших учебных заведений, регулярно поставляющего высокообразованные штатские кадры для последующей карьеры в ЦРУ или других особо важных институтах администрации США.)

После войны Яковлев окончил педагогический институт в Ярославле и семь лет работал в местном обкоме партии. В период 1956-1960 годов был аспирантом Академии общественных наук ЦК КПСС. В академическом 1958/59 году был «дипломником» на «самостоятельной программе» в Колумбийском университете США. (В этом университете функционирует один из самых активных центров исследования СССР и Восточной Европы. В нём долгое время работал, а потом и возглавлял его известный политик, отличающийся глубоким антисоветизмом, - Збигнев Бжезинский.)

По окончании образования Яковлев начал работу в Отделе агитации и пропаганды ЦК, где к середине 60-х годов заведовал сектором «Радио и телевидение». В 1965 году он стал уже первым заместителем заведущего всего отдела. На этом посту оставался до 1973 года, когда был освобождён от должности в связи с весьма показательным инцидентом в его работе. Подробно об этом рассказывает книга Дж. Гарриса «Общественная деятельность Александра Яковлева», изданная в 1998 г. Центром исследования России и Восточной Европы университета в Питсбурге (США).

По Гаррису, увольнение Яковлева с работы в ЦК было связано с

проходившей тогда дискуссией в руководстве КПСС по некоторым аспектам национального вопроса. Начатая во времена Хрущёва «оттепель» в сфере идеологии и интеллектуальной деятельности пробудила взгляды и настроения, особенно среди писательских кругов, которые можно обобщённо назвать (хотя и в этих кругах бытовали разные точки зрения) «активизацией русского национализма». При Брежневе в партии по данному поводу начались обсуждения и дискуссии, в которых Яковлев играл довольно важную роль. В 1973 году он резко осудил один из советских журналов (Речь идёт о журнале «Молодая гвардия». - Ред.) за недостаточно критический подход к некоторым тенденциям и явлениям, определённым им как проявления «русского национализма». Тогда он заявлял, что эта его позиция вызвана необходимостью дать «отпор национализму» с точки зрения марксизма.

Однако в действительности чрезвычайно резкое осуждение с его стороны права на существование каких-либо чувств, мыслей или настроений, связанных с национальной принадлежностью и национальным самосознанием людей, гораздо больше напоминает о ранних взглядах Бухарина, чем о Марксе.

Кроме того, по оценке, содержащейся в весьма красноречиво названном исследовании Ицхака Брудного «Новое открытие России. Русский национализм и советское государство в период 1953-1991 гг.» (изданном в 1998 г.), уже тогда в позициях Яковлева обнаруживалась явная симпатия к Западу.

Не исключено, что критика Яковлевым «русских националистов» во многом как раз симпатией к Западу и была вызвана. Во всяком случае, похоже, он считал, что России просто нельзя развиваться отдельно от Запада, а оживление русских «националистических настроений» может вызвать враждебное отношение к нему. Такие его взгляды отличали и даже противопоставляли его остальной части руководства партии во время Брежнева, в силу чего в конечном итоге было принято решение послать его на работу за границу. Просьба Яковлева, чтобы это была какая-нибудь англоязычная страна, была удовлетворена. Его назначили послом в Канаду, где он и провёл следующие десять лет. Это обстоятельство, по выводам исследования Р. Кейзера «Как Горбачёв вообще мог «произойти» (1991 г.), предоставляло ему исключительную возможность приобрести в гораздо большей степени, чем остальным советским руководителям, самые непосредственные «впечатления и опыт жизни на Западе».

* * *

Горбачёв лично знакомится с Яковлевым в мае 1983 года, когда посещает Канаду в качестве секретаря ЦК и члена Политбюро.

За неделю визита у них, очевидно, было немало возможностей для разговоров наедине, в результате чего, как говорится, «они нашли друг друга». В июне Яковлева вызывают в Москву и назначают на внешне не слишком важный пост директора Института мировой экономики и

международных отношений. Однако осведомлённым людям известно, что эта организация традиционно играет весьма значительную роль в деле формирования стратегии и политики СССР в ряде важных областей (вовсе неслучайно, например, что академик Евгений Примаков, который сменил Яковлева на том же посту, после этого стал руководителем советской разведки, а несколько позже - и премьер-министром России).

А как отмечает тоже довольно осведомлённый в подобных делах Михаил Геллер в своём «Седьмом секретаре», лишь будущие историки когда-нибудь, может быть, выяснят «послал ли Андропов Горбачёва к Яковлеву или Горбачёв убедил Андропова в ценных качествах посла в Канаде».

Дальнейшая карьера Яковлева сложилась блистательно в самом прямом смысле слова. В 1984 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1985 году Горбачёв назначает его руководителем Отдела агитации и пропаганды ЦК, а в следующем году его уже избирают секретарём ЦК КПСС по вопросам идеологии. Причём, как единогласно свидетельствуют исследователи политический биографии Яковлева, его слово было слышно не только в отношении областей, которые он непосредственно курировал, но и во всех вопросах, касающихся внешней политики.

В свою бытность самого высокопоставленного партийного руководителя в области идеологии, агитации и пропаганды, Яковлев развернул исключительную активность как по кадровой замене действующих ключевых фигур в этой сфере, так и в вопросах коренного изменения основного содержания и методов работы в ней. Руководящие посты в союзах творческих работников были заняты активными сторонниками Горбачёва. Следуя примеру своего «патрона» и покровителя в политической иерархии, Яковлев также призывал к «либерализации» в области культуры. Что это означало на практике, стало ясным, например, когда на Всероссийской республиканской встрече писателей в декабре 1985 года «всегда готовый» служить любому режиму поэт Евгений Евтушенко (по прямому внушению Яковлева) бросил призыв убрать все ограничения в отношении публикации ранее запрещённых произведений.

Аналогичным способом на съезде Союза деятелей кино в апреле 1986 года Яковлев, на сей раз лично, предложил лично знакомого, к тому же своего идейного союзника Элена Климова на пост председателя Союза. Он был избран. Примерно так же Яковлев успел назначить Кирилла Лаврова председателем Союза работников театра.

Кажется, единственное, что ему не удалось тогда - «протолкнуть» назначение «своего человека» на пост руководителя Союза писателей России. Там всё-таки избрали другого.

Столь же активной и в том же самом направлении была и деятельность Яковлева в отношении Главлита - другого важного звена осуществления контроля за деятельностью в области культуры и средств

массовой информации на государственном уровне. Однако где-то к концу 1985-го и началу 1986 года этот орган вдруг без каких-либо дискуссий и объяснений просто отказался от выполнения своих функций «надзора» за печатными изданиями и перевёл свои полномочия на ответственных редакторов соответствующих издательств. Нет никаких данных об обсуждениях данного вопроса в Политбюро.

Совершённое таким образом чрезвычайно важное изменение на самом деле давало исключительно большие права непосредственным руководителям отдельных издательств и органов печати. Вряд ли было случайным совпадением и то, что сразу после того Яковлев организовал настоящую массовую кампанию назначения преданных ему людей на руководящие посты в области культуры, посты директоров издательств, ответственных редакторов важных газет и журналов и т.д. Как правило, они являлись убеждёнными противниками социализма, руководящей роли и даже самого существования Коммунистической партии и считали, что так же безотлагательно следует предпринять соответствующие «радикальные» меры и в этом направлении. Такими были, в частности, новоназначенные ответственные редакторы пользующегося исключительной популярностью ежемесячного литературного Журнала «Новый мир», еженедельного массового журнала «Огонёк», газет «Московские новости», «Советская культура», «Вопросы литературы».

Наряду с этим, на пост заведующего отделом культуры ЦК КПСС был назначен Юрий Воронов, министром культуры - Василий Захаров. Юрия Афанасьева (позже перешедшего в лагерь Ельцина) сделали заведующим Московским государственным историческим архивом. Все они сыграли чрезвычайно важную роль в разразившейся вскоре после того исключительно широкой и крайне яростной пропагандистской кампании. её целью стало не только «полное отмежевание» от всего, связанного с именем и деятельностью Сталина, но и проведение такого рода «реформ», которые оставили бы «за бортом» политической жизни Коммунистическую партию, её идеологию и роль в обществе.

Горбачёв и Яковлев лично определяли основное содержание и цели этой кампании и непосредственно руководили практическим осуществлением политики так называемой «гласности». Роль в этой политике новоназначенных ими руководителей в сфере культуры, средств массовой информации, а также разделяющих их взгляды кругов и групп интеллигенции сводилась к тому, чтобы, с одной стороны, подвергать унизительной и компрометирующей критике деятельность партии и правительства, а с другой - всячески препятствовать любой попытке ответа, возражения или сопротивления с их стороны. Обвинения в «сталинизме», как правило, были среди самых любимых и чаще всего применяемых пропагандистских приёмов в этом направлении. В своей книге «В Союзе советских писателей» авторы Джон и Кэрол Шеппард делятся на сей счёт впечатлениями о том, что ещё во второй половине 1989 года Яковлев лично распорядился выпустить большим тиражом мемуары Анастаса Микояна, содержащие критику в адрес Сталина и его роли во Второй мировой войне.

* * *

Официальным моментом поворота к «новой политике гласности» считается речь Горбачёва в Краснодаре в сентябре 1986 года. Она и послужила открытым сигналом «сверху» для активизации всех сил и видов деятельности антисоциалистической направленности. В этом, в общем-то, небольшом городке, находящемся сравнительно недалеко от его родного Ставрополя, Горбачёв, по всей видимости, чувствовал себя «почти что дома» и поэтому довольно спокойно и безопасно. Речь транслировалась телевидением по всей стране, что, без сомнения, указывало на её программный характер и значение.

«Основными противниками и препятствиями на пути реформ» в ней были объявлены «бюрократия в министерствах и консерваторы в партии».

В этой связи тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС весьма недвусмысленно подчеркнул, что «партия служит народу, людям, и её руководящая роль не является некой раз и навсегда предоставленной ей привилегией. Я напоминаю это тем, которые это позабыли».

В той речи Горбачёв впервые обращается к понятию «демократизация» и призывает к её осуществлению на деле.

В своей совместной книге «Время перемен. Изменения в России взглядом человека изнутри» (1989 г.) Рой Медведев и Джульетто Кьеза отмечают, что краснодарская речь Горбачёва была воспринята как подлинная сенсация. По их мнению, она широко открыла двери для всякого рода критики в адрес партии. Первостепенное внимание обращалось на отрицание Сталина и «сталинизма». В действительности, как это полностью стало ясным несколько позже, как на Западе, так и в СССР во время Горбачёва, отрицательное отношение к Сталину первоначально было нужным в качестве необходимого прикрытия последующего отрицания и Ленина, а также и всего учения социализма и его общественной практики.

В этой связи в 1986 году началось издание всех ранее запрещённых произведений, содержащих критику в адрес Сталина и времён его правления. Созданный в 1984 году фильм режиссёра Тенгиза Абуладзе «Покаяние», посвящённый репрессиям 30-х годов, был показан в Москве сначала перед ограниченной зрительской аудиторией. По мнению Роя Медведева, сам факт показа этого понравившегося лично Горбачёву фильма являлся, скорее, явлением политическим, чем чисто культурным, неким своеобразным «поворотным пунктом».

В московском Театре им. Ленинского комсомола состоялась премьера пьесы драматурга Михаила Шатрова «Диктатура совести», также известная своей антисталинской направленностью. Несмотря на возражения Егора Лигачёва, Горбачёв также лично одобрил публикацию произведения Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

Не принимая во внимание отрицательное мнение председателя Союза писателей СССР, ежемесячник «Новый мир» объявил, что с 1987 года

начнёт печатать запрещённый в Советском Союзе роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Как весьма показательный знак было воспринято и личное решение Горбачёва возвратить в Москву из ссылки известного диссидента Андрея Сахарова.

Все эти действия вызвали единогласные приветствия со стороны Запада. В то время лишь официально аккредитованный в Москве журналист, коммунист из США Майк Давыдов, был чуть ли не единственным человеком (в том числе и в рядах международного коммунистического движения), позволившим себе - на фоне всеобщих одобрений - заметить, что никогда ещё до сих пор держащая бразды правления в стране партия не передавала сама в руки сил, стремящихся к её уничтожению, такой ресурс власти как средства массовой информации. Это было сделано только лидерами КПСС и СССР во время Горбачёва.

После XXVII съезда Горбачёв окончательно отошёл от линии Андропова и от его взглядов о необходимости перемен внутренней жизни, стиля и методов руководства партией. Как в случае с «гласностью», так и по этим вопросам он, по всей видимости, сумел весьма умело прикрыть процесс своего отказа от первоначально объявленного курса столь энергичной и многословной риторикой, что подлинные цели совершённого им поворота для многих начали выявляться лишь в 1987 году.

По материалам исследования «Конец однопартийной системы» (1994 г.) историка Г. Джилл, в то время и в самой партии и вне её бытовало почти единодушное мнение, что в партийной жизни имелся ряд серьёзных организационных проблем. Такими считались сервильность, угодничество и приспособленчество, политика подбора и выдвижения кадров, основанная на личной преданности вышестоящему руководителю, и растущая коррупция, особенно в некоторых национальных республиках.

Почти в стиле мышления Андропова, первоначально Горбачёв заявлял, что только на пути повышения требовательности, дисциплины и прозрачности, общественного обсуждения всего происходящего в партии и государстве, можно добиться преодоления и устранения всех этих отрицательных явлений. По этой причине XXVII съезд партии принял новый устав, предоставляющий возможности для большей открытости, критики и самокритики, повышенной ответственности и коллективизма.

Однако вместо того, чтобы проводить в жизнь принятые съездом решения и воспользоваться более широкими возможностями действий, Горбачёв в сентябре 1986 года вдруг резко повернул на совершенно иной путь, внезапно призвав саму партию «перестроиться». Это явилось полной неожиданностью для её членов, поскольку в установках съезда содержались положения о перестройке общества и укреплении партии. К тому моменту на местах выявились уже первые признаки недовольства и несогласия с политикой власти у самых разных, в том числе рядовых членов партии.

* * *

Наряду с такими шагами в области внутренней политики и идеологии Горбачёв предпринял и некоторые сомнительные инициативы на международной арене. Как в других направлениях, так и здесь первоначально не было заметно каких-то резких различий с известными принципами и целями советской внешней политики. Так, до 1987 года и даже некоторое время после важное место в ней продолжали занимать, например, принципы и практика поддержки народов, борющихся за национальное освобождение. И всё же, несмотря на отсутствие каких-либо существенных отклонений или изменений, в этой области также происходили определённые сдвиги.

Как и в других сферах общественно-политической жизни, первые признаки в этом направлении стали проявляться сначала в области соответствующей терминологии и риторики.

В первых речах программного значения в апреле 1985 года у Горбачёва не было даже и намёка о каких-либо компромиссах империализму. Тогда только что избранный генеральный секретарь резко осуждал его за опасное обострение международной напряжённости и непрерывные подрывные действия против стран социализма. Но уже к осени того же года сами слова «империализм», «капиталистические страны» и «национальное освобождение» стали исчезать из словаря публичных выступлений и речей Горбачёва, хотя они полностью сохраняли свой смысл, роль и значение в реальном мире. Это становится предельно ясным на примере анализа как подготовительных материалов, так и самих документов состоявшегося в 1986 году XXVII съезда КПСС. В политическом докладе генерального секретаря термин «империализм» упоминался всего лишь раз в связи с положением в Афганистане. А вскоре после того в программном материале «Перестройка - новый способ мышления о нашей стране и о всём мире» (1987 г.) Горбачёв уже формулирует тезис о том, что «новое мышление» накладывает «необходимость деидеологизации» внешней политики. По его мнению, это предполагает замену понятий классовой борьбы, солидарности и эксплуатации трудящихся идеями об «определяющем значении» неких «вечных человеческих ценностей» мира и сотрудничества.

В своё время Ленин определял сущность правого оппортунизма как отступление и отказ от основных принципов, прежде всего - классовой борьбы, во имя достижения некоторых уступок временного характера. Это предполагает также допущение уступок и компромиссов в отношении классового врага в надежде найти более быстрые и более лёгкие способы и пути достижения прогресса в международных отношениях.

В этом плане Горбачёв сначала предпринял некоторые изменения преимущественно риторического и терминологического характера, за которыми последовали и совершенно конкретные практические шаги в сфере внешней политики. Вначале был ряд инициатив «о поддержке мира и разоружения», как они тогда, по крайней мере, воспринимались. Некоторые из них поражали масштабами проявлений «смелости» и «новаторского» подхода к проблемам. Так, например, Горбачёв в

одностороннем порядке прекратил ядерные испытания с советской стороны и значительно сократил число ракет средней дальности, направленных на цели в странах Западной Европы. Они, кстати, считались практически недосягаемыми для средств противоракетной обороны.

На встрече на высшем уровне с Рейганом в Женеве Горбачёв приложил большие усилия к «размораживанию» двусторонних отношений СССР и США. Он сделал также и «радикальное» предложение о 50-процентном сокращении всех стратегических вооружений, к выполнению которого опять же приступил в одностороннем порядке.

С одной стороны, все эти инициативы и впрямь приводили к уменьшению международной напряжённости, в связи с чем возрастала и популярность Горбачёва во многих странах мира. Вместе с тем немало людей, особенно за стенами Кремля, со временем стали испытывать чувство нарастающего беспокойства, вызываемого прежде всего тем обстоятельством, что уступки СССР перед США делались преимущественно в одностороннем порядке, при котором Советскому Союзу взамен, как правило, ничего не доставалось.

К началу 1986 года эти односторонние уступки стали принимать уже новые формы и измерения. К тому же они происходили в период, когда после 1981 года администрация Рейгана резко повысила военные расходы. Одновременно с этим её пропаганда неустанно трубила на весь мир о так называемом «нулевом варианте», всячески превознося его и называя чуть ли не самым благотворным предложением по оздоровлению международной обстановки в мире. Однако суть его на деле сводилась к тому, что СССР предлагалось убрать с Европейского континента свои ракетные установки взамен на обещание со стороны США не размещать там свои новые ракетные вооружения в будущем. При этом из счёта как бы совсем выпадали такие же вооружения армий НАТО западноевропейских союзников.

«Нулевой вариант» на деле был ничем иным как ходом чисто пропагандистского характера. При помощи его США старались, с одной стороны, подвигнуть СССР и дальше на путь односторонних уступок, дающих новые преимущества Западу в военно-стратегическом плане. С другой стороны, таким образом они пытались предстать перед мировой общественностью некими «поборниками здравого смысла», искренне стремящимися к прочному миру на земле. Наверняка правящие круги США и Запада в целом по-настоящему удивились, когда вскоре после прихода к власти Горбачёв отошёл от прежней отрицательной советской позиции по «нулевому варианту». В опубликованном программном заявлении генерального секретаря КПСС по вопросам советской внешней политики, сделанном на состоявшемся 16 января 1986 года Пленуме ЦК, было внесено предложение о полном устранении ядерных вооружений до 2000 года. Наряду с этим принимался и «нулевой вариант» Рейгана.

И всё же, если бы Горбачёв остановился только на этом, а впоследствии на основе своих предложений начал переговоры с США о соответствующих уступках с их стороны, то можно было бы полагать, что

его инициативы могли всё-таки привести к определённым положительным результатам. Однако в продолжение следующих девяти месяцев после одностороннего отхода советской дипломатии с её прежней отрицательной позиции по «нулевому варианту», со стороны предполагаемых партнёров так и не наметилось каких-либо соответствующих положительных реакций или предложений. Ни словом на сей счёт не обмолвился и сам Рейган во время следующей встречи с Горбачёвым на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике.

В общем-то, дело так и не пошло далее множества хороших слов и обещаний, не имеющих, однако, какой бы то ни было практической ценности. По всему было видно, что также не может быть и речи о каком-либо изменении в намерениях США продолжать развёртывание своей «Стратегической оборонительной инициативы» (или так называемых «звёздных войн»).

* * *

К концу 1985 и началу 1986 года наметились также и первые признаки отхода Горбачёва от прежних позиций СССР по Афганистану. Как известно, в 1979 году советское правительство приняло решение отозваться на многочисленные просьбы о помощи находящегося у власти законного правительства Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) по отражению всё усиливающихся нападений со стороны организованных и руководимых ЦРУ вооружённых формирований местной и иностранной контрреволюционной оппозиции.

В своих усилиях найти пути решения проблем и модернизации одной из беднейших стран мира, НДПА осуществила земельную реформу, предоставив значительную часть имений крупных землевладельцев остальным слоям сельского населения. Женщинам также были предоставлены гражданские и другие права. Предпринята была и кампания по обучению грамоте неграмотных, составляющих более 90% населения страны.

Однако такие меры правительства были встречены чрезвычайно яростным сопротивлением со стороны крупных феодальных землевладельцев и их вооружённых формирований. Опубликованные в 1981 году документы, доказательства и репортажи о подлинном положении в Афганистане и вышедшее в свет в 2001 году в Нью-Йорке исследование Филиппа Боносского «Тайная война Вашингтона в Афганистане» дают исключительно красноречивое и достоверное представление о ходе событий в стране. С извращённой демонстративной жестокостью убивали учителей и учительниц, обучающих девочек-школьниц. Имеются достаточно убедительные доказательства, что действия подобного рода проводились контрреволюционными бандами намеренно, по указке ЦРУ, на чью вооружённую и финансовую поддержку они полностью рассчитывали, - с тем, чтобы вызвать в ответ более широкомасштабное вмешательство с советской стороны.

По данному поводу несколько позже Збигнев Бжезинский, советник

тогдашнего президента США Джимми Картера по вопросам национальной безопасности, неоднократно заявлял, что в то время «мы совершенно сознательно старались повысить вероятность вторжения Советов в Афганистан». Это цитата из опубликованного в ноябре 2001 года в Нью-Йорке исследования о событиях в Афганистане Панкаджа Мишена.

(В годы после разрушения Советского Союза и системы социализма в ряде своих книг, интервью и выступлений Бжезинский всё так же продолжал восхвалять себя и своих руководителей тех времён за их «столь примечательный вклад» в дело организации «афганской проблемы».)

В изданной в 1998 году в Пристонском университете США книге Сары Мендельсон на ту же тему подлинная роль ЦРУ в событиях в Афганистане оценивается как «его крупнейшая секретная операция за весь период после окончания Второй мировой войны».

Ввиду всего этого, политика советского правительства как при Брежневе, так и при Андропове и Черненко, рассматривающая помощь народу Афганистана как закономерное проявление международной классовой солидарности против произвола империализма, является, очевидно, полностью оправданной и справедливой.

Интересно, что в первые месяцы, непосредственно после своего прихода к власти в апреле 1985 года, Горбачёв предпринял дополнительные меры по усилению советского военного присутствия в Афганистане. Об этом можно узнать из книги Джерри Хью «Демократизация и революция в СССР, 1985-1991 гг». (изданной в 1997 г. Бруклинским институтом стратегических исследований в Вашингтоне). В ней он приводит информацию, содержащуюся в мемуарах последнего руководителя советской разведки Владимира Крючкова.

Однако ещё осенью 1984 года Горбачёв начал подавать сигналы насчёт возможности вывода советских войск из Афганистана. Впервые это было сделано на встрече «на высшем уровне» с Рейганом в Женеве. Дальнейшее развитие эта тенденция приобрела в феврале 1986 года в ходе работы XXVII съезда КПСС. В политическом докладе и своих выступлениях на съезде Горбачёв, с одной стороны, вновь объявил империализм основным виновником возникновения конфликтов в мире, в том числе и в Афганистане. Наряду с этим, однако, в его тоне были заметны и некоторые, ранее не присущие высшему советскому руководству, пораженческие нотки.

Так, например, у него, в отличие от его предшественников, Афганистан казался больше «кровоточащей раной», чем «жертвой империализма и империалистической агрессии».

* * *

Однако «настоящий, видимый поворот» в отношении к Афганистану наметился после встречи с Рейганом в Рейкьявике в октябре 1986 года. По всей видимости, тогда у Горбачёва и его советников и сложилась позиция

о якобы обязательном полном выходе из Афганистана в качестве необходимого условия для получения положительного ответа со стороны США по вопросам контроля над вооружениями. По предположениям Сары Мендельсон, работавшей позже с материалами советских архивов, не исключено, что подобный сдвиг являлся, скорее, следствием изменений общественного мнения в самой стране, чем результатом поражений на поле брани.

Но, вероятнее всего, ближе к правде другое её заключение: главной причиной принятия столь неожиданного и резкого решения могло быть личное убеждение Горбачёва, что для успеха его «перестройки» нужна обстановка «благоприятного международного сотрудничества». Ценой её достижения и стал уход из Афганистана.

В результате, на заседании Политбюро от 13 ноября 1986 года генеральный секретарь заявил следующее: «Мы уже шесть лет ведём войну в Афганистане. Если не наметятся изменения в нашем подходе и политике, то мы можем оставаться там на протяжении ещё и следующих двадцати или тридцати лет». Это положило начало уже вполне официальным обсуждениям данного вопроса в политических кругах как Советского Союза, так и других заинтересованных сторон.

В следующем месяце Горбачёв информировал афганского руководителя Наджибуллу, что в 1988 году Советский Союз начнёт вывод своих войск из страны. Однако даже и тогда всё ещё не было видно, что речь идёт о столь односторонней и полной капитуляции, какую нам предстояло увидеть в 1987 году. Ещё имелись ожидания, что подобные действия с советской стороны будут хоть как-то «возмещены» и соответствующим «уходом» со стороны США, выраженным в прекращении поддержки антиправительственным силам, гарантиях нейтралитета и территориальной целостности Афганистана и пр.

По мнению Яковлева (которое приводится в уже упомянутом исследовании С. Мендельсон), у Горбачёва уже после первого международного оповещения его намерений по Афганистану сложилось твёрдое убеждение: ни в коем случае не допускать какой-либо оппозиции, возражений или хотя бы размышлений насчёт целесообразности одностороннего ухода из Афганистана. Причём ставка и в этом случае делалась на уже показавшее себя оружие «гласности» - так, как понимал её тогдашний генеральный секретарь.

Так что, как недвусмысленно подводит итоги и сама Мендельсон, причины данных перемен в курсе советской внешней политики не состояли в военном поражении на поле боя. Не являлись они и следствием какого-либо усиления давления со стороны общественного мнения внутри страны или соображений сугубо морального или гуманитарного характера. Просто Горбачёвым и группой его сторонников было принято решение принести в «жертву» дело международной солидарности, чтобы это, как они надеялись, обернулось благом для задуманного им курса «перестройки».

Здесь следует напомнить, что рассматриваемые изменения в советской международной, внутренней и идеологической политике не наступили разом. Несмотря на то, что уже осенью 1985 года стали намечаться определённые признаки каких-то перемен, вряд ли кому-нибудь тогда могла прийти в голову хотя бы мысль о подлинном масштабе отступлений, поражений и бедствий, которые вскоре предстояло испытать стране. Более того, всё это выглядит почти невероятным даже теперь, если попробовать дать хоть сколько-нибудь внятное объяснение столь невообразимому ходу событий. А тогда, в 1985 году, было и вовсе неясным, куда в действительности ведёт страну Горбачёв.

Внешне доступные сигналы и впечатления на сей счёт, как правило, были весьма расплывчатыми и противоречивыми. Ведь и сам Горбачёв тогда всё ещё говорил о возрождении ленинизма и совершенствовании системы социализма. Он также заявлял, что он не намерен отказываться от идеологии социализма или идти по пути её ревизии. Говорил лишь об усилиях «приспособить» её к новой реальности в мире. Более того, после заявления о предстоящем уходе из Афганистана он даже усилил помощь и поддержку борьбе партии Африканского национального конгресса (АНК) в Южной Африке. Об этом сообщает Владимир Шубин в своей книге «Африканский национальный конгрес (АНК) - взгляд из Москвы» (изданной в 1999 г. в Южной Африке).

Весьма показательным было также и то, что первые повороты «направо» Горбачёв предпринял в областях идеологии, а также внутренней и международной политики. Очевидно, в этих сферах он чувствовал себя свободнее, несмотря на то, что можно было и опасаться, конечно, какой-то реакции или вмешательства со стороны партийных, государственных и общественных структур. В экономике изменения такого рода начались лишь в 1986 году.

* * *

Бесспорно самой «скользкой» стороной в инициативах Горбачёва в сфере экономики были намерения уменьшить значение системы централизованного планирования экономики, а в дальнейшем - и общественной и государственной собственности на средства производства.

На XXVII съезде партии он выступил за расширение границ самостоятельности объединений и предприятий с тем, чтобы они взяли на себя всю ответственность за управление своей деятельностью во имя «повышения эффективности и прибыли и достижения наивысших конечных результатов». По его мнению, центральные экономические органы следовало освободить от «текущих хозяйственных вопросов», чтобы «сосредоточиться на перспективных вопросах» долгосрочного планирования и внедрения достижений науки и техники. Предприятия получили возможность самостоятельно реализовать сверхплановую продукцию. Размер фонда заработной платы предприятий объявлялся уделом самих предприятий и непосредственно увязывался с доходами от

реализации их продукции.

Параллельно с «освобождением» центральных органов планирования (Госплана) от «текущих хозяйственных вопросов» предусматривалась передача их функций «новым органам руководства межотраслевыми комплексами». Основная часть задач оперативного управления делегировалась непосредственно предприятиям и объединениям, равно как и соответствующим органам планирования на республиканском, региональном, областном и городском уровне. Вместе с тем Горбачёв заверил съезд партии, что какими бы радикальными ни казались все эти изменения, они ни в коем случае не затронут обеспечение безусловного приоритета общенародных интересов над интересами отраслей и районов. Он также подчёркивал, что речь идёт исключительно об изменениях «методов работы» и ни в коем случае не об отступлении от принципов социализма, от планового начала управления экономикой.

Однако содержанием своей речи на съезде Горбачёв открыл «двери» существованию разных форм негосударственной собственности, в том числе и полностью частных предприятий. Он указывал на то, что «кооперативная форма собственности далеко не исчерпала своих возможностей в социалистическом производстве», и призывал всемерно поддерживать формирование и развитие кооперативных предприятий и организаций.

Всё это вполне могло быть полезным, если бы речь шла о кооперативах подлинных.

Однако, как оказалось на деле, Горбачёв, похоже, имел в виду преимущественно частные предприятия, что вряд ли соответствовало убеждениям и взглядам большинства делегатов съезда. Всё в том же духе генеральный секретарь выразил также и определённые симпатии к частным предприятиям «второй экономики», говоря о том, что «как показывает опыт, небольшие, технически хорошо оснащённые предприятия во многих случаях имеют свои преимущества».

«Пресекая нетрудовые доходы, нельзя допустить, чтобы тень падала на тех, кто честным трудом получает дополнительные заработки. Более того, государство будет способствовать развитию различных форм удовлетворения спроса населения и оказания услуг. Надо внимательно рассмотреть предложения об упорядочении индивидуально-трудовой деятельности. Разумеется, такие виды труда должны полностью совмещаться с принципами социалистического хозяйствования, базироваться либо на кооперативных началах, либо на договорной основе с социалистическими предприятиями. Общество, население от этого только выиграет», - обещал тогда Горбачёв. Тут же, в присущем ему стиле он призвал обеспечить «надёжный заслон любым попыткам излечения нетрудовых доходов из общественного достояния». Указывал на «недопустимость так называемой «выводиловки», «выплаты не заработанных денег… не связанных с трудовым вкладом работника» и заклеймил уже обозначившиеся, по его мнению, «группы людей с отчётливо выраженными собственническими устремлениями, с

пренебрежительным отношением к общественным интересам». Генеральный секретарь также подчёркивал, что высшей целью и мерой оценки хода реформ является «создание целостной, эффективной и гибкой системы управления, позволяющей полнее реализовать возможности социализма».

* * *

Однако последующее развитие событий показало, что, очевидно, смысл подобных обещаний и призывов сводился к созданию некой «дымовой завесы», предназначением которой было прикрыть до поры до времени подлинное содержание указанных перемен, направленных, в конечном итоге, на усиление и дальнейшее укрепление общественной роли частной собственности. Вполне естественно было ожидать, что заложенные таким образом в формулировках решений съезда противоречия - насчёт основного содержания и целей реформы экономики - с полной силой выявятся позже, в ходе попыток осуществления её на практике.

Так, с одной стороны, Горбачёв поддержал принятие Закона об усилении борьбы с нетрудовыми доходами и решение об учреждении нового государственного органа контроля за качеством продукции («Госприёмки»). С другой стороны, генеральный секретарь «дал ход» также ряду важнейших мер по «либерализации» экономики, способствующих в конечном итоге дальнейшему развитию частной хозяйственной активности.

Так, в августе 1986 года он предоставил государственным предприятиям право на непосредственную внешнеэкономическую деятельность, что означало на деле право на вывоз капиталов за границу.

Опять же по распоряжению Горбачёва в октябре того же года был узаконен определённый тип «производственного кооператива», по сути дела, являющийся всего лишь прикрытой формой существования частных предприятий. В ноябре он снова объявил о дополнительном расширении масштабов частной хозяйственной активности.

Грегори Гроссман, автор исследования «Разрушительная самостоятельность. Тоннель в конце света» (опубликованного в 1998 г. в сборнике под редакцией Стивена Ф. Коэна «Историческая роль подпольной экономики в Советском союзе»), утверждает, что полный смысл данных решений стал понятным лишь к концу 1987 года и позже. Хотя уже к времени их принятия выявились, по крайней мере, три существенных последствия от них.

Во-первых, оказалось, что разрешения на право экономической деятельности за рубежом оборачиваются неким «рогом изобилия» для «избранных», ибо таким образом за границу выводится трудно поддающееся подсчёту число миллиардов долларов свежеприватизированного капитала.

Во-вторых, так называемые «кооперативы» своей преобладающей

частью оказались узаконенными средствами ограбления государственных предприятий, как на «входе», так и на «выходе» их деятельности.

В-третьих, Закон о упорядочении индивидуальной, так называемой частнохозяйственной деятельности, на деле, скорее, способствовал прикрытию и фактическому поощрению незаконной «теневой» экономики, чем поддержке существующих на полностью законных основаниях мелких предприятий.

В плане социологическом всё это приводило к разрастанию и укреплению позиций порождённого «второй экономикой» общественного слоя мелкой буржуазии. Вскоре после того самым активным (а может, просто самым наглым) представителям данного слоя уже удастся приобщить к «идее» частнособственнического интереса также и весьма значительную часть как официально существующей, легальной экономики, так и аппарата правящей политической партии и государства.

Таким образом, может, неосознанно, а возможно - и вполне преднамеренно, действия Горбачёва в значительной мере способствовали расширению социального базиса политического курса, которому впоследствии удастся добиться полной переориентации страны на путь восстановления капитализма.

* * *

Такая, внешне как будто бы противоречивая, а по сути дела, весьма умело построенная в плане тактическом политика Горбачёва, в сочетании с почти единодушным желанием перемен как со стороны руководства, так и рядовых членов Коммунистический партии, может во многом объяснить отсутствие какой-либо, даже словесной оппозиции в его адрес за первые два года его правления. Эволюция отношения к нему Егора Лигачёва, второго человека в партии после генерального секретаря, является в многих отношениях показательной, насколько медленным, внутренне противоречивым и даже нерешительным оказался процесс формирования критики слева всего того, что сначала почти робко, а затем всё увереннее и заметнее проводилось в качестве общепартийной политики.

Родился Лигачёв в Сибири в 1920 году. Вырос в большом промышленном и научном центре Новосибирске, где отец его работал на заводе. Окончил Московский авиационный институт. Во время войны работал на авиационном заводе, выпускающем истребители. Вступил в партию в 1944 году. Свою партийную карьеру начал в Новосибирской области секретарём райкома комсомола. В 1959 году он уже первый секретарь обкома КПСС в Новосибирске. С 1961 по 1965 годы работает в ЦК КПСС в Москве, после чего, по собственному желанию, назначен на пост первого секретаря обкома партии в сибирском городе Томске, который и занимал в течение следующих 17 лет.

Показательным для личности и взглядов Лигачёва было то, что он никогда не соглашался с очевидно сильно преувеличенными определениями всего периода правления Брежнева как времени «застоя».

Он всегда с чувством гордости вспоминал и говорил о том, что было сделано и построено в Томске и области в те годы. «Я просто строил социализм», - считает он, - и таких, как я, были миллионы!» Вот что пишет о Лигачёве историк Стивен Ф. Коэн, которого считают одним из лучших знатоков Советского Союза и политической жизни в нём: «Всегда уравновешенный, уверенный в себе, трудолюбивый, воздерживающийся от употребления табака и алкоголя, семьянин, о котором никогда не ходило каких-нибудь скандальных слухов, Лигачёв делал исключительно много для модернизации промышленности и сельского хозяйства в области, которой он руководил. Он не только создал там ряд новых предприятий, но и заботился о сохранении ценных для истории старинных деревянных построек. Поддерживал и помогал развитию искусства, но одновременно с этим вопросы единства интересов и руководящей роли Коммунистической партии в обществе всегда сохраняли у него самое первостепенное значение. Он был готов всегда отстаивать и, если понадобится - защищать всё это до конца». (Эта характеристика Лигачёва содержится во вступлении Стивена Ф. Коэна к книге Лигачёва Inside Gorbachev's Kremlin (в русском издании - «Загадка Горбачёва»), изданной в 1999 году в Нью-Йорке).

В апреле 1983 года Юрий Андропов вызывает Лигачёва в Москву и назначает его заведующим организационным отделом ЦК, т.е. кадровиком партии. В конце года он становится секретарём ЦК по тем же вопросам. На этом посту судьба сводит его с Горбачёвым. Вместе с ним через два года они становятся членами Политбюро, которых все считали самыми ревностными сторонниками перемен».

Во время первого этапа реформ Лигачёв проявляет себя самым хорошо подготовленным и убеждённым ленинцем среди всех тогдашних высших руководителей КПСС. Поскольку он искренне считал, что как партия, так и страна в целом нуждались в переменах, первоначально он следовал общему курсу реформ Горбачёва. По всей видимости, он, как и многие другие члены партии и сторонники коммунистической идеи по всему Союзу и за рубежом, просто считали, что речь идёт о возврате к основным идеям реально начатого во время Андропова политического курса, верным последователем которого он себя считал.

Такой его энтузиазм в отношении реформ, очевидно, помешал ему вовремя разобраться в тенденциях правого уклона в политике Горбачёва, которые, хоть и в завуалированном виде, но присутствовали в ней чуть ли не с самого начала его прихода к власти. Более того, сам Лигачёв иногда тоже принимал участие в начинаниях Горбачёва, о чём, конечно, потом ему оставалось только горько сожалеть. Так, например, он помог избранию В. Коротича на пост ответственного редактора журнала «Огонёк», оказавшегося впоследствии одним из самых активных пропагандистов и проводников антипартийной линии в стране.

Лишь позже Лигачёв сознался, что он долгое время просто не понимал, почему именно средствам массовой информации следовало поручать «ускорение», да, по сути дела, и само осуществление «реформ».

По его свидетельству, лишь после 1986 года он стал отдавать себе отчёт в том, что предоставление Яковлеву всей власти над средствами массовой информации «было, очевидно, большой ошибкой».

* * *

Так или иначе, к концу 1986 года реформы Горбачёва развивались так, будто бы у них и на самом деле были «два лица» - одно, глядящее «налево», а другое - обращённое «направо». Трудно сказать, было ли это следствием какой-то заранее продуманной тактики, или дела складывались таким образом, следуя объективному ходу событий. В тот, начальный период правления Горбачёва, были как неудачи, так и вполне обнадёживающие и обещающие начинания. В общей сложности, несмотря на неясность конечных целей и общего хода реформ, он продолжал видеть поддержку со стороны остальных членов Политбюро и популярность среди широких слоёв населения.

Однако в декабре совершенно неожиданно для тех времён вспыхнул кризис, спровоцированный выступлениями национальных экстремистов в столице Казахстана Алма-Ате. С одной стороны, это событие, очевидно, было чреватым последующими, более серьёзными проблемами такого рода. С другой - кризис указывал на недостатки характера и способов действия самого Горбачёва.

Одним из них было его весьма пренебрежительное отношение к национальным чувствам и интересам народов союзных республик на периферии страны. Не исключено, что оно сложилось вследствие его собственного происхождения в довольно отдалённых от центра местах русской провинции. Так или иначе, по словам историка Эллен д'Анкосс из её книги «Конец Советской империи» (изданной в 1994 г.) «он обращал слишком мало внимания на национальные чувства и с необъяснимой лёгкостью пренебрегал установленным после 1956 года и получившим статус закона правилам представительства национальных кадров на общесоюзном, партийном и правительственном уровне.

Так, если во времена Брежнева были три члена Политбюро нерусской национальности - руководители соответствующих союзных республик, то при Горбачёве уже только один - В. Щербицкий из Украины. Представители мусульманских республик Средней Азии и Кавказа, а также Грузии и двух славянских союзных республик (Украины и Белоруссии) были при Брежневе полноправными членами или кандидатами в члены высших органов партии. При Горбачёве люди из мусульманских республик и Кавказа просто исчезли из Политбюро. Кроме того, никто «в верхах», кроме Шеварднадзе, не имел какого-либо опыта работы на «национальной периферии» и в пограничных республиках. Всё это, отмечает д'Анкосс, способствовало тому, чтобы они чувствовали себя «объектами пренебрежения и даже презрения».

Проблемы в Казахстане, разумеется, начались не с Горбачёва. Просто со временем здесь, как и в других местах, постепенно накопился ряд факторов и причин, порождающих чувства несправедливости и обиды.

Процессы миграции внутри Союза со временем постепенно приводили к тому, что казахи стали своеобразным меньшинством в своей собственной республике, где они насчитывали всего 40% её населения. Не всегда благополучно складывалась также и политика выдвижения и роста местных национальных кадров и руководителей, а также реального обеспечения равноправия казахского и русского языков на уровнях государственного и официального общения. Несмотря на все усилия, русский здесь так и оставался языком общественной жизни.

Всё это не могло не способствовать тому, что некоторые из казахов стали чувствовать себя как бы иностранцами в своей собственной стране. Если с течением времени из таких настроений постепенно создавалась взрывоопасная «горючая смесь», то Горбачёв своими действиями и личным отношением оказался фактором её «непосредственного поджога». Трудно сказать, был ли он просто неспособен понять или в силу каких-то причин отказывался понимать всю важность национального вопроса, особенно для такой страны, как СССР. Во всяком случае, он до конца оставался «глухим» и вполне безразличным к национальным чувствам людей. Всего за несколько месяцев до событий в Казахстане в своём Политическом докладе XXVII съезду КПСС он не обмолвился ни словом насчёт наличия каких-либо проблем на этнической или национальной почве. Вместо этого, как свидетельствует в своей книге д'Анкосс, он прибегает лишь к славословиям и выспренней риторике.

В условиях уже имеющейся и всячески поощряемой гласности, подобное отношение к острым проблемам со стороны генерального секретаря никак не могло остаться незамеченным и не подвергнуться критике. К тому же после уже совершённой замены более половины членов ЦК Компартии Казахстана, в декабре 1986 года Горбачёв решил снять с должности и её первого секретаря, этнического казаха Динмухамеда Кунаева и поставить на его место русского Геннадия Колбина, не имевшего до тех пор никакого опыта работы в Казахстане. Действие подобного рода могло быть либо огромной ошибкой, либо заранее обдуманной провокацией исключительно широкого масштаба. Вследствие её на улицы Алма-Аты вышли, по меньшей мере, 10 000 студентов и других граждан столицы, скандируя лозунги типа: «Казахстан - казахам, и только им!» Нападениям со стороны демонстрантов подверглись ряд общественных зданий, в том числе и ЦК Коммунистической партии Казахстана. Волнения были подавлены при помощи армии.

Однако, по мнению Д'Анкосс, Горбачёв так и не сделал абсолютно никаких выводов из этого самого значительного волнения на этнической почве за всю прежнюю историю СССР, к тому же непосредственно вызванного его собственными действиями. Более того, все его публичные речи и выступления после событий в Алма-Ате всё так же «неизменно указывали на наличие у него глубокой неуверенности и беспокойства относительно всего, касающегося национального вопроса. Подобное его отношение иной раз доходило прямо до полной неспособности разобраться в значении даже самых элементарных фактов».

К тому же, по наблюдениям Антони д'Агостино в его исследовании «Революция Горбачёва» (изданном в 1998 г.), у тогдашнего генерального секретаря обнаружилась и весьма характерная реакция на случай возражений оппозиции или неуспехов его замыслов и идей. Д'Агостино называет её «забеганием вперёд». Всё это вылилось на практике в какой-то исключительно опасный, не поддающийся разумному объяснению политический курс, в котором «забегание вперёд», как правило, оборачивалось… очередными поворотами «направо».

События в Алма-Ате в декабре 1986 года, по сути дела, явились всего лишь одним из первых предупреждений о том, насколько значительными и гибельными могут оказаться последствия подобного курса.

Глава 3. «Незаметный» поворот направо 1987-1988 годов

«В то время все единодушно сходились к мнению, что основной причиной приближающегося кризиса являлся процесс нарастающего разложения и даже распада механизмов центральной власти». Эта мысль из исследования М. Эльмана и В. Канторовича «Разрушение советской экономической системы» не без основания занимает первое место среди вступительных замечаний к содержанию следующей главы книги.

Опять-таки не случайно на второе место следует поставить предельно откровенное заявление Александра Яковлева (имеющего немалое основание оспаривать первую роль Горбачёва в деле практического вклада в разрушение СССР и советского социализма). В изданной в 1993 году (опять далеко не случайно) Йельским университетом США его книге «Судьбы марксизма в России», он, так сказать, «чёрным по белому» пишет следующее:

«В какой-то момент в 1987 году мне уже стало предельно ясным, что просто нельзя реформировать общество, созданное на основе насилия и страха. Тогда я понял, что перед нами стоит и впрямь гигантская историческая задача подлинного разрушения целой общественно-экономической системы и всех существующих и реально функционирующих в ней идеологических, хозяйственных и политических органов и институтов».

Третьим пунктом вступительных замечаний к данной главе книги поставим категорическое утверждение тогдашнего генерального секретаря КПСС: «Итоги пройденного пути убедительно свидетельствуют о том, что национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решён».

Хотя и с некоторыми нюансами, преимущественно стилистического толка, такая позиция неуклонно повторялась как в проекте новой программы партии, представленном Горбачёвым на пленуме ЦК в ноябре 1985 года и утверждённом затем XXVII съездом в 1986 году, так и в его докладе, посвящённом 70-й годовщине Великой Октябрьской

социалистической революции. Трудно сказать, что в большей степени способствовало столь упорному отстаиванию подобной позиции со стороны официально признанного «отца перестройки». Истории ещё предстоит выяснить, в какой мере это являлось следствием двуличия, простого незнания подлинного положения в стране или, может быть, вполне сознательного и преднамеренного закрывания глаз на существующие факты.

В этой связи, на фоне конкретного хода событий в СССР того времени, мы вновь возвратимся к анализу личностей и взглядов Бухарина и Хрущёва, воплотившего в своих действиях несколько десятилетий спустя многие бухаринские идеи. Для начала придётся привести пространную цитату из книги «От Бухарина к современным реформаторам. Политический подтекст дискуссий о советской экономике» (Моше Левин, 1975, университет Принстона, США). В ней говорится: «Действительно удивляет факт того, в какой степени нынешние «реформаторы» привыкли представлять идеи антисталинистской программы Бухарина 1928-1929 годов, как свои собственные. Зачастую они не только следуют общему ходу его мысли, но прибегают даже к характерному для Бухарина способу их выражения. Причём это применительно как к их критике существующего положения вещей, так и формулируемым ими взглядам и прогнозам развития на будущее. Трудно сказать, в какой мере заметное в подобных случаях «соавторство» с политическим и идейным наследием Бухарина происходит по соображениям тактическим или просто является следствием отсутствия соответствующих знаний истории.

...Наряду с этим, следует учитывать, конечно, и то обстоятельство, что условия в СССР в 60-70-х годах в корне отличались от положения в 20-х. Одно дело - решать задачи индустриализации преимущественно сельской страны, другое - когда перед тобой проблемы рационального управления современными промышленными гигантами. Так что, с одной стороны, вполне естественно, если иногда взгляды и намерения нынешних «реформаторов» будут заходить за рамки идеи времён нэпа... Одновременно с этим нельзя не удивляться тому, в какой мере не только аргументы, но зачастую и сами слова «реформаторов» этих двух эпох просто совпадают».

* * *

Период 1987-1988 годов, являющийся объектом исследования данной главы, стал временем отхода Горбачёва и его «команды» от первоначально объявленных намерений и преобразований 1985-1986 годов и перехода к уже совершенно иному политическому курсу так называемой «перестройки». С одной стороны, это происходило под уже знакомым лозунгом «ускорения». На сей раз, однако, усилия были направлены преимущественно на преодоление «сопротивления консерваторов» в партии и государстве.

Эта «новая линия» была выдвинута Горбачёвым и его советниками на пленуме ЦК КПСС в конце января 1987 года и на XIX Всесоюзной

конференции партии в июне 1988 года. Принятые на них установки подтачивали сами основы социализма в СССР. Ревизии подвергалась как руководящая роль КПСС в обществе, так и само существование экономического уклада, основанного на системе преобладающей общественной и государственной собственности на средства производства и единого планирования хозяйственной деятельности. Одновременно с этим серьёзно расшатывались и сами основания стабильности и единства СССР как многонационального федеративного государства.

Как и все прочие начинания Горбачёва, данный поворот его политики осуществлялся далеко не прямым и открытым способом. Его также трудно отнести к какому-нибудь более или менее чётко выраженному моменту времени. Начало его реализации было заложено в период с января 1987 по июль 1988 года. Однако потом он продолжался и дальше, когда курс «радикальных политических и экономических реформ» всё больше приходил на смену первоначальных преобразований созидательного характера, дойдя в конечном итоге до своей полной противоположности и превратясь в программу разрушения социализма и самого государства СССР.

Процесс осуществления этого «нового курса» в области внутренней политики постепенно, но неуклонно приводил к ослаблению и реальному ограничению полномочий и функций системы централизованного планирования народного хозяйства в пользу дальнейшего утверждения механизмов рынка и частной собственности. В плане внешнеполитическом эта линия выражалась в дальнейшем уходе от принципов и позиций международной классовой солидарности.

Центральное место в таких усилиях отводилось парализации деятельности Коммунистической партии и непрерывной эрозии её организационных структур. Весьма интересной в этом плане была статья историка Роберта В. Даниэлса об американских научных исследованиях советского общества, изданная в 1999 году в сборнике под названием «Давайте переосмыслим развал Советского Союза». Там он подчёркивает, что начатая Горбачёвым кампания по подтачиванию власти политического центра и, прежде всего - силы, влияния, законных и моральных оснований самого существования Коммунистической партии, была полной неожиданностью. Вместе с тем, сами действия данной кампании, ввиду общественного положения её главного зачинщика, как бы находились вне каких бы то ни было опасений и подозрений. В этой связи автор категорически подчёркивает личный вклад Горбачёва в то, что выдвинутая в 1988-1989 году от имени Коммунистической партии и её руководства политика «демократизации и децентрализации» обернулась на деле против самой партии, притом практически необратимым образом.

* * *

Ввиду всего этого вполне основательно встают вопросы: «А как вообще могла оказаться возможной общественно-политическая мутация

подобного рода? Как могло случиться, что человек на посту генерального секретаря КПСС встал на путь такой политики и подобной линии политического поведения? И почему, в конце концов, оказалось возможным, чтобы он продолжал оставаться на таком посту без каких-либо видимых последствий для своей карьеры и личности, даже после того, как стало очевидным, что именно вследствие предпринятых им действий наметился спад экономики в 1988 году и вспыхнули кровавые взрывы сепаратизма и реакционного национализма в ряде союзных республик?»

По данному поводу ведущий британский исследователь А. Браун отмечает в своей книге «Фактор Горбачёва» (изданной в Оксфордском университете в 1997 году), что «Горбачёва, наверняка, тотчас бы убрали решением ЦК по малейшему знаку со стороны Политбюро, если бы он позволил себе хоть чем-нибудь открыто выступить против социализма или коммунизма».

Когда заходит речь о последнем периоде существования СССР (1985-1991 гг.), обычно обращают внимание на явные признаки разрухи и распада, появившиеся к 1989-1991 годам, а также на стычки на этнической почве, массовые демонстрации протеста (вне зависимости от их целей и характера), очереди за хлебом, забастовки горняков и т.д. Однако по непонятным причинам как раньше, так и теперь, за пределами такого внимания продолжают оставаться события и процессы предшествующих двух лет: 1987-1988 годов.

Но именно в этом, казалось бы, «промежуточном» периоде «перестройки» произошли решающие перемены классового и политического содержания её курса. Основным элементом в них была подмена 70-летней традиции классовой революционной борьбы против капитализма на курс полной капитуляции перед ним.

Вместе с тем, как мы уже отмечали, поворот этот являлся также и порождением весьма долголетней исторической традиции, а именно - склонности к компромиссам с идеологией и практикой капитализма как внутри страны, так и в международном плане. В разных формах, с меняющейся интенсивностью и претензиями, эта тенденция, так или иначе, на деле всегда сопутствовала подлинному революционному движению, практически, с самого момента его возникновения и организационного становления.

К середине 50-х годов в СССР эта тенденция стала заметно утверждаться и расширять свою социальную базу. В тот период последовательно был проделан ряд существенных попыток «пересмотра» как самой теории марксизма-ленинизма, так и практики непосредственного строительство социализма. Не без основания их можно рассматривать и с позиции отступления перед идеологией капитализма и его системы «эффективно действующей» экономики частной собственности и «свободного рынка». Хоть и в сильно ограниченном и первоначально находящемся под контролем масштабе, отдельные ростки такой системы постепенно стали складываться и

продолжали действовать и в условиях социализма.

В последующие периоды позиции тех кругов и деятелей партии и государства, которые проявляли склонность искать «более лёгкие» варианты решения проблем развития страны на пути уступок и «приспосабливания» к капитализму, получили дополнительную поддержку вследствие определённых трудностей финансово-экономического плана, связанных с необходимостью поддержания военно-стратегического паритета со странами Запада. Крайне агрессивный, открыто враждебный курс администрации Рейгана, очевидно, тоже дал значительной толчок утверждению и усилению подобных настроений и тенденций. По всей видимости, во второй половине 80-х годов прошлого столетия они получили уже и непосредственные возможности прямого и всё более открытого управленческого воздействия на решение важнейших вопросов жизни и судеб партии, страны, её населения и ресурсов.

* * *

Так что Горбачёв и его политика в действительности вовсе не «упали с неба». Просто в современных условиях именно Горбачёв оказался наиболее удачно подобранным «проводником», который должен был провести в жизнь определённый комплекс политических и экономических идей, издавна «мирно сосуществовавших» с социалистическими как в самой партии, так и в структурах государственного управления обществом. В сталинское время, а также в первые годы после снятия Хрущёва с должности, видимое присутствие таких идей и их приверженцев в жизни страны ощутимо уменьшилось. Однако, как показал дальнейший ход истории, они не исчезли совсем, а, скорее, временно перешли в некоторое более «замкнутое в себе», так сказать, латентное состояние, в котором просто выжидали наступления более благоприятных условий с тем, чтобы вновь «восстать» и приступить к более активным действиям.

По данному поводу сотрудник известной ежедневной газеты «Вашингтон пост» Роберт Кейзер пишет в своей книге о Горбачёве следующее: «Для преобладающей части западного общества выход Горбачёва на политическую сцену был полной неожиданностью. Однако в действительности реформистская линия в партии существовала чуть ли не с самого её зарождения. «Родоначальником» её в советский период считается Николай Бухарин. Он хоть и подвергался часто критике со стороны Ленина, но всё же годы подряд работал в непосредственной близости от него и пользовался авторитетом одного из наиболее уважаемых деятелей партии».

По сути дела, в 1987-1988 годы Горбачёв просто снял с себя уже ненужные ему прежние идейно-политические «одеяния» марксиста-ленинца, роль которого он довольно успешно сумел сыграть непосредственно после своего прихода к власти, и перешёл к выполнению других, в корне отличающихся от прежних, «ролей». Или, может быть,

всё-таки точнее будет сказать, что и в период 1987-1988 годов Горбачёв всё так же предпочитал ходить «одним рукавом» в «одеянии» коммуниста-ленинца, оставаясь на самом деле кем-то совершенно иным.

Основные постулаты «новой линии» тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС получили немалое распространение и влияние ещё в период Хрущёва. Однако, в отличие от самого Хрущёва, им удалось политически пережить его и сохраниться на протяжении последующих десятилетий двадцатого века, чтобы вновь прорасти и укрепиться, на сей раз с последствиями гораздо более пагубными, уже в середине 80-х годов.

Чрезвычайно показательно, что долгое время основные элементы этих идей считались составными частями всяких, преимущественно диссидентских, платформ и программ, выдвигаемых отдельными группами интеллигенции и других заинтересованных кругов. Они содержали требования так называемого «культурного либерализма», уменьшения и значительного ограничения идеологической роли КПСС и доходили до прямо буржуазных взглядов «либеральной демократии», полного отвержения классовой борьбы и солидарности, а также до открытых восхвалений и преклонений перед всем западным.

Нет ничего более далёкого от истины, чем попытки представить все эти «платформы» и постулаты неким «порождением» русского (или нерусского) «национализма», будь он даже в самых отъявленных антисоветских и антикоммунистических расцветках. Все они - без исключения! - являлись специально изготовленными продуктами пропагандистских и идеологических центров Запада или, по крайней мере, неким переработанным «эхом» тех или иных уже известных, тоже западных, доктрин.

Что касается непосредственной обработки, приспособления и распространения взглядов и «рецептов» этих доктрин в конкретных условиях СССР, то они уже были делом определённых групп интеллигенции, да и самих правящих кругов советской «элиты», у которых были определённые возможности как прямых контактов с Западом, так и общественного воздействия внутри страны. Это особо сказалось на процессах формирования взглядов и политики в области управления экономикой. Именно здесь, кажется, раньше чем в остальных областях, стали складываться и пробивать себе дорогу идеи о «преимуществах» «децентрализации» по сравнению с «обязательной скованностью централизма». А дальше уже речь пошла о замене методов якобы «принуждения и насилия» методами «преимущественно эволюционного» развития, что в переводе на язык экономики означало упразднение системы единого планирования и переход к «свободному рынку» и частной собственности на средства производства.

В том же духе много говорилось и о «необходимости» искать и выводить «на передний план» какие-то (и по сей день оставшиеся до конца невыясненными) весьма неопределённые, «естественные преимущества» системы. Эта фраза, кстати, была в исключительно

широком обращении во времена Горбачёва. Важной частью её содержания, или, скорее всего - предназначения, являлось провозглашение так называемого «социализма производительных сил».

Очень обстоятельный анализ этой концепции содержится в научном исследовании Делии Льюис Лопес Гарсия, посвящённом подходам к проблемам экономического кризиса и демократии на Кубе (опубликованном в изданном в 1999 г. в Гаване сборнике «Куба в 90-е годы XX века»). На деле это является приёмом преднамеренного отрыва в целях дальнейшего их противопоставления отдельных составных частей марксистского понимания способа общественного производства как органического единства уровня развития производительных сил, с одной стороны, и характера господствующих в данном общественном строе производственных отношений - с другой. А это, как известно, является одним из основных столпов всего марксистского видения устройства мира, характера и структуры общества и общественно-экономической практики. «Выведение» производительных сил из общего, синтезирующего понятия способа производства на деле обессмысливает и другую его составную часть, прямым образом связанную с пониманием общественного развития и прогресса и необходимостью совершенствования производственных отношений. А устранение классового разделения общества и проистекающих из него антагонистически-непримиримых классовых противоречии является первым и безусловно необходимым шагом в этом направлении.

Таким образом, выходит, что к определённому этапу развития СССР значительная часть руководящих кадров КПСС, очевидно, оказалась в плену забот и мыслей, преимущественно связанных с проблемами объёма производства и экономического роста. Оказалось, однако, что при этом почти полностью забыли о не менее важной необходимости непрерывно держать под контролем структуры и механизмы рынка и частной собственности. А последствия этого оказались не только плачевными, но и прямо пагубными, в том числе и для тех проблем экономического роста и производства, к которым вроде бы относились с таким вниманием и заботой.

* * *

Своего рода кульминацией подобного стиля мышления и подхода стал предпринятый в 1987-1988 годах со стороны Горбачёва и его окружения так называемый «новый курс». В нём содержались следующие основные направления:

- во-первых, намечался отказ от «реформы партии» и переход к курсу её ликвидации и устранения от власти;

- во-вторых, под предлогом развёртывания «гласности», средства массовой информации в СССР приобретали исключительно антикоммунистический, антисоветский и антисоциалистический характер;

- в-третьих, в ход пошла полная и ничем не ограниченная

«реабилитация» и утверждение идеи и практики частной собственности и так называемой «свободной» предпринимательской деятельности.

Как известно и уже было сказано, на первом этапе «перестройки» в 1985-1986 годах средства массовой информации, находящиеся тогда под контролем партии, призывали положить конец «ошибкам, недостаткам и извращениям», имеющим место в её работе. В связи с этим была развёрнута широкая кампания против коррупции, покровительства и протежирования со стороны вышестоящих руководителей. Критике подвергалась также практика приспособленчества, формализма, недостаточной подготовки кадров, слабая идеологическая подготовка.

В ответ на такую критику на XXVII съезде КПСС были намечены специальные меры об изменениях в партии. Они предусматривали принятие съездом новой редакции Программы и Устава КПСС. В соответствии с ней следовало всемерно усилить роль критики и самокритики. Предусматривался также и новый подход к практике коллективного руководства, повышенное внимание уделялось личной ответственности. Съезд также специально призвал к строжайшему партийному контролю за действиями высших руководителей партии.

Горбачёв, однако, так никогда и не начал проводить в жизнь эти решения и установки съезда. Вместо этого в 1987-1988 годах он выступил с идеей, что именно КПСС является «основной помехой перестройке», после чего объявил о своём решении начать «радикальную политическую реформу», направленную на ослабление позиций и влияния партии. Как правило, все кампании против Коммунистической партии за последние десятилетия неизменно начинались призывами о «десталинизации». Так поступил и Горбачёв.

В своей книге «Гласность» (изданной в Нью-Йорке в 1989 г.) Стивен Ф. Коэн и Катрина ван ден Гейвель подчёркивают, что Хрущёв был первым, применившим последовательно это «оружие» против своих политических противников внутри партии как в 1956, так и в 1961 году. Очевидно, следуя его примеру, Горбачёв и Яковлев в 1987-1988 годах также начали чрезвычайно широкую кампанию в подчинённых им средствах массовой информации по «пересмотру и ревизии» истории партии.

Потом с тем же подходом подошли и к экономике. По непосредственной инструкции и с одобрения Горбачёва в публичном пространстве систематически стали появляться обвинения советской статистики в «фальсификации» и стремлении скрыть «подлинные масштабы» экономических проблем страны. К тому же Горбачёву, очевидно, было нужно внушать, что такие проблемы были намного глубже и «катастрофичнее», чем это казалось людям, и что причины столь «кризисного» состояния кроются… в «корнях сталинизма», якобы неизменно вызывающих явления дефицитов, спада и застоя.

* * *

Наряду с обслуживанием становящихся всё более явными

антисоциалистических целей стратегии Горбачёва, он, видимо, нуждался в очередных «разоблачениях Сталина» и обвинениях в «сталинизме» для непосредственной политической борьбы со своими противниками в партии, в том числе и в самом Политбюро. При помощи подобных аргументов он добивался ослабления позиций Лигачёва и его сподвижников, целенаправленной компрометации их взглядов и личностей в глазах общества.

Отношения с Лигачёвым, отвечающим в партии непосредственно за средства массовой информации, резко испортились после февраля 1987 года, когда Горбачёв предпринял очередную свою акцию по ослаблению партийного руководства этой областью. «Аргументы» его и на сей раз сводились к якобы «неотложной необходимости» усиления критики Сталина и «сталинизма».

По мнению Маршалла И. Гольдмана, приведённому в его книге «Почему не удалась перестройка» (1991), поворот такого рода являлся, по крайней мере, отказом от публично заявленной шесть месяцев тому назад самим Горбачёвым позиции - «не копаться больше в прошлом». Очевидно, в 1987 году нападки на Сталина понадобились в целях сколачивания некой достаточно широкой политической и общественной коалиции, направленной против подлинных сторонников социализма, их руководителей и деятелей. Так, историк Стивен Коткин из Оксфордского университета Великобритании отмечает, что целью подобной коалиции было собрать «воедино» как «людей, склонных отречься от Сталина во имя совершенствования и преобразования социализма, так и общественных деятелей…, откровенно добивающихся его уничтожения».

Необходимость в дальнейшем поддерживании столь разношёрстной общественной коалиции, вероятно, отпала после того, как несколько позже, в 1987 году, во имя «борьбы против сталинизма» руководство средствами массовой информации полностью перешло в руки отъявленных антикоммунистических, антисоветских и антисоциалистических сил. Вскоре после того Горбачёв снова внёс на утверждение в Политбюро предложение уменьшить на 50% уже одобренные объёмы государственных заказов с тем, чтобы в дальнейшем предприятия были вынужденными сбывать оставшуюся часть своей продукции на рынке. Как вспоминает об этом в своей книге Егор Лигачёв, любые попытки возражений или дискуссии в связи с подобными мерами столь откровенно авантюристского характера буквально тотчас «глушились» яковлевскими антикоммунистическими и антисоциалистическими СМИ. Людей, отважившихся на подобные «проступки», сразу дискредитировали, обвиняя их в «консерватизме», якобы чреватом угрозами «новых экономических спадов и кризисов». В такой обстановке Политбюро просто оказалось вынужденным одобрить предложенный Горбачёвым «прыжок в темноту», приведший в конечном итоге всю страну в хозяйственный тупик таких размеров, выхода из которого и по сей день не видать.

Наряду с самим Горбачёвым, особые «заслуги» в этом плане

принадлежат и Александру Яковлеву, второму из «злых гениев» «перестройки». Его политическое присутствие и влияние стало особо заметным как раз после 1987 года. На деле он являлся как «главным конструктором», так и непосредственным «экзекутором» тех основных направлений политического курса Горбачёва, где шла речь о мерах подтачивания влияния и парализации деятельности КПСС и выдвижения на решающие посты в государстве и обществе кадров откровенно антисоветского толка, открыто придерживающихся идейных позиций и практики капитализма. Часть этих кадров подбирали среди определённых групп интеллигенции, имена которых пользовались определённой известностью в обществе. «Досье» других из них, очевидно, ещё долго будут храниться в сейфах подлинных «архитекторов» и зачинщиков «перестройки».

По заявлениям самого Яковлева, он являлся «социал-демократом». Очевидно, в кругах «перестройщиков» это считалось особо приемлемым ярлыком. Так, например Георгий Шахназаров, один из главных советников Горбачёва, тоже любил повторять, что являлся «социал-демократом» ещё с 60-х годов. По свидетельствам британского аналитического обозревателя А. Брауна в его книге «Фактор Горбачёва» в своё время сам Горбачёв представил тогдашнему социалистическому премьер-министру Испании Фелиппе Гонсалесу своего ближайшего помощника Анатолия Черняева как своего «друга и тоже социал-демократа». Что касается оценки самого А. Брауна, по его мнению, сам Черняев являлся деятелем и мыслителем «откровенно либеральных политических убеждений».

Д'Агостино подчёркивает в своей книге «Революция Горбачёва» (1995), что именно «Черняев, Шахназаров и Яковлев в основном изготовляли тексты речей, публичных выступлений и других важных материалов деятельности тогдашнего генерального секретаря». А по наблюдениям опять того же Брауна, все имеющие место изменения, пересмотр основных политических понятий и установок «перестройки» проводились при непосредственном участие и под идеологическим надзором Александра Яковлева. Таким образом, «социалистический плюрализм», о котором говорилось сначала, постепенно превратился в «плюрализм мнений», а наконец уже полностью приобрёл содержание просто «политического плюрализма».

* * *

Аналогичным способом и сам Горбачёв первоначально вроде бы убеждённо призывал к необходимости «реализации разных форм социалистической собственности». Постепенно, однако, он всё чаще стал не то «забывать», не то «пропускать» сначала слово «реализация», затем «социалистическая», пока под конец не начал говорить уже просто о «разных формах собственности». Примерно так же и объявленное сначала «социалистическое правовое государство» в конечном итоге превратилось… всего лишь в «правовое государство».

Призывы о развитии возможностей «социалистического рынка» по

ходу дела обернулись сначала «рыночным социализмом», а под конец приобрели уже, по всей видимости, свою окончательную редакцию, смысл и значение как «регулированная рыночная экономика», что является понятием развитого капитализма. (Правда, вскоре оказалось, что даже это являлось не более чем «временной остановкой» тактического плана, поскольку и прилагательное «регулированная» тоже отпало, дабы уступить место уже ничем не ограниченной, «чистой», «священной» рыночной экономике.)

Очевидно, применяя те же самые «методологические принципы», Яковлев и подчинённые лично ему средства массовой информации старались даже не упоминать слова «национализм» и «сепаратизм» применительно к набирающим силу конфликтам и очагам напряжённости на межэтнической и националистической почве в некоторых нерусских союзных республиках. Вот как Арчи Браун, симпатизирующий, между прочим, Горбачёву, объясняет в своей книге «технологию» этих методов и подходов: «Один из приёмов Горбачёва заключался в том, чтобы сначала вновь «пустить в обращение» определённые идеи и понятия, которые в силу ряда причин на протяжении предшествующих десятилетий просто вышли из употребления в советской общественной жизни и политическом словаре. В первые годы после своего избрания на пост генерального секретаря он применял их, добавляя к ним, как правило, прилагательное «социалистический».

Потом смысл и содержание таких, получивших «новую жизнь» «новаторских понятий», становились объектом дополнительных объяснений и толкований со стороны особо «реформистски» настроенных маститых представителей интеллигенции. В результате такой «вторичной обработки» к 1988 году понятие «социалистический» уже почти полностью вышло из употребления... То, что действительно впечатляло у Горбачёва, были не столько его «новшества» и «нововведения», сколько его способность придавать «гражданственность» совершенно чуждым марксизму-ленинизму идеям при помощи простой добавки к ним прилагательного «социалистический» или чего-нибудь другого в этом роде. Через год-два эти добавки просто становились лишними, но выше упомянутые немарксистские понятия и идеи уже воспринимались без каких-либо особых возражений».

Такими впечатлениями делится и Лигачёв в своей книге.

* * *

После 1987 года Яковлев уже совершенно открыто работал против социализма. Под его руководством и при его личном участии установка о «мирном сосуществовании» как о форме борьбы против капитализма всеми силами и средствами, кроме военных, приобрела уже совершенно иной смысл в духе якобы «обязательных для всех» в условиях современности так называемых «общечеловеческих ценностей».

Сам процесс «поиска» и «запуска в обращение» данного понятия, похоже, тоже не лишён довольно большой степени преднамеренности.

Так, например, в изданной ещё в 1943 году в Нью-Йорке книге Г. Селсама «Социализм и этика» отмечается, что, по Ленину, такие классовые ценности рабочего класса как солидарность, сотрудничество, дружеская взаимопомощь, единство и др. будут обретать общечеловеческую, универсальную стоимость и станут общепринятыми по мере того, как общество социализма будет становиться уделом преобладающей части человечества и будет ею воспринято. При этом Ленин специально указывает на то, что рабочий класс особенно заинтересован в становлении такого вида этики, которая будет одновременно как классовой, так и общечеловеческой - в том смысле, что будет полезной и охватит непосредственно или в перспективе всех людей на земле.

Однако в интерпретациях Яковлева и в политической практике Горбачёва идеи «универсальных, общечеловеческих ценностей» приобретали смысл и значение прежде всего как средство оправдания проводимого им курса всё более откровенного, тесного сговора и союза с силами империализма. Очевидно, во имя тех же самых целей и «социалистическая демократия», первоначально объявленная «знаменем» перестройщиков, вскоре после этого была заменена просто «демократизацией». К тому же она подразумевалась исключительно в виде способа ограничения общественного влияния и политической роли Коммунистической партии.

В том же духе в конечном итоге и сам социализм стал всего лишь «социалистическим выбором». Причём речь шла уже далеко не об отдельном и реально существующем общественно-экономическом строе и этапе общественного развития, а всего лишь о проявлении некоего «общего стремления» к социальной справедливости.

Аналогичным способом и реально достигнутая степень уменьшения международной напряжённости и установления атмосферы безопасности и взаимовыгодного сотрудничества между социалистическими и капиталистическими странами в Европе, каким-то чуть ли не магическим способом были объявлены… вехами некоего «общего европейского дома». Хотя на деле всё это стало возможным преимущественно вследствие возрастающей роли системы социализма во всём мире, неуклонно наращивающей свои силы и потенциал за счёт самоотверженных усилий и труда своих народов.

А понятие типа «общеевропейского дома», как справедливо замечает в своей книге Джерри Хью, «кроме общей озабоченности в сохранении мира, в обязательном порядке предполагает также и наличие гораздо большей степени общности взаимных интересов, взаимовыгодной торговли и ряда других подобных форм сотрудничества». К сожалению, достижений такого рода в Европе, да и во всём мире не было как тогда, так и теперь. (Заключение такого рода содержится в книге Джерри Хью «Демократизация и революция в СССР 1965-1990 гг.», изданной в 1997 году Брукингским институтом в Вашингтоне, который часто привлекается к непосредственному обслуживанию политических интересов администрации США.)

Таким образом, как рассказывает о том же в своей книге и Лигачёв, не торопясь, но исключительно систематически и постепенно менялись как слова и понятия, так и само содержание всех прежних основных политических, экономических и международно-стратегических доктрин партии и государства. Всевозможной словесной эквилибристикой их просто переворачивали «наизнанку». В своём исследовании о развале Советского Союза и мемуарной литературе на эту тему (опубликованном в издании «Евро-Азиатские исследования» за март 1997 года) авторы М. Эльман и В. Канторович пишут следующее: «По всей видимости, шла настоящая война против официальной идеологии… Причём она началась задолго до того, как в партии были приняты на сей счёт радикальные решения».

И действительно, ещё с начала 1987 года, находясь всё ещё в меньшинстве в составе тогдашнего Политбюро, настроенного в общем-то на реформистский, но далеко не ревизионистский лад, Горбачёв и его сподвижники, первоначально не без некоторых рисков для себя, приступили к активной подмене основного идейного содержания «перестройки» уже совершенно иной, «новой», преимущественно «антисталинской» направленностью. В этой связи журналист из США Роберт Кейзер пишет в своей книге о Горбачёве (1991 г.) следующее:

«Несомненно, Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе и работающее на них были изобретательнее и энергичнее своих противников… В действительности, с конца 1986 - начала 1987 гг. Горбачёв и его союзники в партии и в кругах интеллигенции просто стали вести себя подобно мальчикам, которых пустили в кладовую с фарфоровой посудой и дали им возможность ломать там всё, что попало, с тем, чтобы наслаждаться самим звуком своих действий». При этом весьма показательным было то, что вся эта активность, осуществляемая преимущественно средствами массовой информации, происходила в обстановке удивительной координации с информационнами системами Запада и их постоянно аккредитованных представителей в Москве. На это обстоятельство, между прочим, ещё в своё время неоднократно обращал внимание и Лигачёв.

Так, например, главный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дэвид Ремник казался как будто бы постоянно «подписанным» на встречи и интервью с Яковлевым. Немудрено, что мнения и позиции последнего регулярно появлялись в известной в то время серии «Обзоры и репортажи у могилы Ленина». Без сомнения, сам Яковлев за время своего столь долгого пребывания в Северной Америке тоже успел очень хорошо оценить чрезвычайно могучую роль данной газеты в формировании общественного мнения этой части мира.

* * *

С течением времени на общественные настроения в СССР всё больше стали влиять проблемы экономического развития. Очевидно, это совпало и с той повышенной ролью, которую предстояло сыграть в

разворачивающихся процессах уже открытого антисоциализма, антисоветизма и антикоммунизма всё более усиливающимся секторам и группам преимущественно нелегальной до тех пор «второй экономики». В этой связи А. Джонс и В. Москофф отмечают в своей книге «Возрождение духа предпринимательства в Советском Союзе» (1991 г.), что разные виды кооперативных предприятий, особенно широко распространившиеся в сфере торговли и некоторых видов потребления и услуг, за весь период существования Советского Союза являлись совершенно законной формой собственности, действующей и полностью нормальной частью всей его экономики. Через кооперативный сектор проходила, по крайней мере, четверть всего объёма торговли страны. Однако в 1987 году в этой сфере произошли важные перемены. Вот что пишут по этому поводу вышеупомянутые авторы:

«Преобладающая часть так называемых «новых кооперативов», появившихся после принятия в 1987 году «Закона о профессиональной трудовой активности», в действительности не имели ничего общего с известными до тех пор кооперативными предприятиями. В действительности вряд ли тогда вообще в Советском Союзе было много людей, которые поверили тому, что они вообще являлись кооперативами. Они были полностью частными предприятиями, которым придали «законную» видимость полноправных звеньев социалистической экономики. А когда появилась возможность уже вполне легального функционирования, то, соответствующим образом, произошёл и настоящий «поворот» - как в масштабах, так и в самих целях деятельности «второй» или «альтернативной» экономики.

По оценке тех же авторов, преобладающее большинство таких лжекооперативов в действительности было просто преступными организациями. А в своей статье «Экономический и политический кризис в СССР» (опубликованной в августовском выпуске за 1991 г. журнала Political Affairs) экономист Виктор Перло отмечает, что «если к концу 1988 года у «кооперативов» насчитывалось около одного миллиона рабочих по найму, то всего через год их уже было миллионов пять».

Такое столь ускоренное и бесконтрольное разрастание «второй экономики» самым ощутимым образом способствовало дальнейшему развитию складывающейся тенденции широкого перехода к «рыночной экономике». Заодно всё это являлось значительной помощью усиливающейся антикоммунистической и антисоветской оппозиции и дополнительно подрывало общественное доверие к КПСС как к партии, способной защитить социализм и его социальные завоевания. В этой связи Грегори Гроссман подчёркивает, что, кроме всего прочего, для многих людей «вторая экономика» являлась как бы живым примером возможности существования иного способа хозяйствования, «отличного от уже известной им системы обобществлённой экономики с её способами единого планирования». (Об этом подробно говорится в исследовании Гроссмана о развитии в СССР так называемой «второй экономики» в сборнике «Экономические реформы в мире социализма», 1989 г.)

Всё это на практике превратило «вторую экономику» в исключительно важную составную часть тех материальных структур общества, которые чрезвычайно энергично способствовали развёртыванию разрушительных политических процессов в стране. Катализатором данных тенденций стал пленум ЦК КПСС в январе 1987 года. Как указывалось в информационном сообщении по этому поводу, «на рассмотрение пленума внесён вопрос «О перестройке и кадровой политике партии». С докладом по теме выступил генеральный секретарь, было принято и соответствующее постановление.

Роль данного пленума во всей последующей истории партии и советского государства оказалась прямо-таки роковой. По сути дела, основным содержанием его работы стал лозунг «За демократизацию». В действительности же это явилось началом уже наметившегося процесса полного отстранения КПСС от реальной политической и экономической власти. Сам факт, что время созыва пленума откладывалось три раза, можно считать довольно веским свидетельством существенных разногласий в среде высшего руководства по обсуждаемым вопросам.

По мнению Джона Б. Дэнлопа, которое он высказывает в книге «Конец Советской империи и возрождение России» (1993 г.), основной смысл выступлений Горбачёва на январском пленуме сводился к разрыву со всем, что считалось содержанием его политики за прошедшие два года после его прихода к власти. Причём, как подчёркивает Дэнлоп, поведение генерального секретаря в то время отличалось «исключительным самомнением и уверенностью». На пленуме Горбачёв сделал ряд предложений об изменениях в организации политической жизни. Предлагалось, например, выдвигать больше одного кандидата на пост первого секретаря партии на областном и республиканском уровне. Предусматривался также «открытый отбор людей и выдвижение беспартийных» на высшие посты управления страной. Предлагалось ввести тайное голосование на общих собраниях предприятий при выборе руководителей разных уровней. При этом Горбачёв связывал мотивы своих предложений с имеющимися недостатками и слабостями социалистической демократии. По его мнению, они прямо становились тормозом предлагаемых им «реформ».

Второй человек в партии Егор Лигачёв тоже считал, что последствия предлагаемых Горбачёвым перемен окажутся в самом прямом смысле роковыми. Но, в отличие от своего непосредственного начальника, он вкладывал в это слово совершенно иной смысл. По его мнению, процессы так называемой «демократизации» выходят за рамки всякого контроля и становятся просто неуправляемыми. Общество начинает терять свою стабильность. Повсюду распространяется и воцаряется идея «вседозволенности всего и во всём».

И всё же на январском пленуме 1987 года Горбачёву не удалось добиться всего, чего он хотел. Из-за этого он сделал попытку провести решение о созыве внеочередной Всесоюзной партийной конференции раньше назначенного на 1990 год следующего съезда партии. ЦК отверг

это предложение. Горбачёву, однако, всё же удалось протолкнуть его на состоявшемся в июне 1987 года следующем пленуме, когда ЦК дал согласие о созыве Внеочередной конференции КПСС в июне 1988 года.

Как отмечает тот же профессор Дэнлоп, принятие такого решения было фактом чрезвычайной важности для всей дальнейшей стратегии Горбачёва. Очевидно, центральное место в ней занимала изоляция и нейтрализация самого Политбюро, в котором ему так и не удалось добиться нужного большинства. В этих целях предполагалось перейти к уже совершенно другой системе высшего руководства, при которой он мог бы совершенно беспрепятственно проводить свои решения, практически в единоличном плане.

Другим элементом его стратегии была практика широкого распространения его речей и публичных выступлений, которые он делал в качестве генерального секретаря КПСС. Так, вскоре после пленума ЦК в июне 1987 года он выступил с большой речью, в которой говорилось о «состязательном начале» при выборах на руководящие посты в партии. Причём это выдавалось как уже чуть ли не одобренное и утверждённое положение со стороны внеочередной Всесоюзной конференции, которой ещё предстояло состояться. Это, по заключению аналитика из известного Брукингского института в Вашингтоне Джерри Хью, являлось уже явным признаком предстоящего перевода основного центра власти от партии к структурам и органам государственного аппарата. «По всей видимости, Горбачёв уже был твёрдо намерен заменить прежнюю партийную основу своей власти переходом к новой системе президентской администрации» - отмечает Хью в своей книге «Демократическая революция в СССР, 1985-1991 гг.».

* * *

Вероятно, в марте-апреле 1988 года в высшем руководстве партии наметились весьма серьёзные конфликты по всем этим вопросам. Многое из того, что происходило в тот период, так и осталось невыясненным до конца. Как непосредственные участники событий тех времён, так и обозреватели, пробующие их анализировать и комментировать, как правило, делятся довольно различными, подчас и прямо противоречивыми впечатлениями и мнениями о них. Разнообразие это таково, что подчас в нём просто невозможно разобраться или хотя бы создать себе сколько-нибудь убедительные представления даже о хронологической последовательности имеющих место событий.

Тем не менее, с весьма высокой степенью уверенности всё же можно определить как главную направленность тогда происходящего, так и основное значение и смысл последствий его. И на этом, как ни странно, во многом сходятся заключения даже ожесточённо спорящих друг с другом авторов и комментаторов.

Первая из таких общих оценок относится к месту и роли в политических планах Горбачёва назначенной на июнь 1988 года Внеочередной всесоюзной конференции КПСС. Здесь практически все

мнения сходятся на том, что с ней был связан довольно резкий рост напряжённости в кругах высшего руководства партии. Сам процесс подготовки повестки дня и проведения конференции на деле обернулся фактором длительного обострения назревающего политического кризиса.

На поверхности однако чуть не единственным проявлением всего этого развития явилась... известная дискуссия вокруг публикации 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» письма преподавательницы Ленинградского политехнического института Нины Андреевой под заголовком «Не могу поступиться принципами». Содержание этой публикации, как правило, занимает центральное место во всех анализах политического кризиса и разрушения системы социализма в тогдашнем СССР. Весьма показателен в этом отношении изданный в 1995 году сборник Александра Даллина и Гейла У. Лапидеса «Советская система - от кризиса к краху».

Что касается самого письма Нины Андреевой, то в нём критиковались некоторые из особо пагубных последствий политики и практики так называемой «гласности» на идеологическую и мировоззренческую систему советского общества. По сути дела, оно выражало всего лишь одну из имеющихся точек зрения по этим вопросам. Так что, скорее, следовало бы удивляться тому, как вообще одна из тогдашних центральных советских газет могла уделить такое большое место столь пространному и обстоятельному материалу. Ещё удивительнее было то, что появление в печати письма во всех отношениях рядовой советской гражданки, не занимающей к тому же абсолютно никакой политической должности, даже на самом низовом уровне, могло вызвать (в условиях «гласности»!) настоящий политический кризис в кругах самого высшего руководства всё ещё могущественной в политическом и военном отношении страны тогдашнего мира...

Кризис длился почти месяц. И больше недели того месяца Политбюро вплотную было занято прениями о содержании острой публикации. Вполне естественно напрашивается вопрос: «А не стояли ли всё это время в очереди на обсуждение высшим коллективным органом управления находящейся тогда у власти партии и другие, не менее важные вопросы?»

К данному вопросу мы ещё вернёмся в ходе нашего изложения. А пока отметим то, что в ходе вышеупомянутого «кризиса» Горбачёву удалось дискредитировать и разгромить всех своих противников «левой» ориентации в составе тогдашнего Политбюро. Так что, «случай Нины Андреевой», несмотря на возможные, противоположные тому побудительные причины и мотивы занятых в нём разных индивидуальных участников, на деле совпал по времени с самым решающим моментом поворота «перестройки» направо.

* * *

Вследствие этого «поворота» перестройка уже окончательно отошла от первоначального направления своего развития, когда её усилия были направлены на продолжение начатых во время Андропова реформ с

целью осуществления подлинно положительных перемен на благо дальнейшего совершенствования социализма. Вместо этого был взят курс на полное отрицание всего того, что считалось связанным с общественно-экономической формацией социализма, начиная с руководящей роли Коммунистической партии в обществе и доходя до обобществлённой собственности на средства производства и системы единого планирования народного хозяйства.

Далеко не случайно со стороны самого Горбачёва, его апологетов и большого числа аналитиков и комментаторов Запада была пущена в обращение и всячески поддерживалась и распространялась весьма односторонняя и предельно пристрастная версия о ходе событий в марте-апреле 1988 года. Все они хором объявляли и провозглашали письмо Нины Андреевой «образцом неосталинизма, антисемитизма и русского национализма». Его провозгласили даже «антиперестроечным манифестом», «программой консерваторов» и открытых врагов перестройки. К тому же, всё это было приписано некой конспиративной группе со стороны Лигачёва, предназначенной положить конец всему курсу «перестройки».

(Все эти слухи получили чрезвычайно широкое распространение по всему миру. Им было посвящено значительное место как в «Мемуарах» самого Горбачёва, так и в книге его ближайшего помощника Анатолия Черняева «Шесть лет вместе с Горбачёвым» (2000 г.) В том же духе об этом письме писали такие авторы как Рой Медведев и Джульетто Кьеза («Время перемен», 1989 г.); Роберт Кейзер («Как Горбачёв вообще мог случиться», 1991), Ицхак М. Брудни («Предшественники оппозиции «перестройки» в сборнике «Краеугольные камни гласности и перестройки», изданном в 1991 г.); Антони д'Агостино («Революция Горбачёва», 1998), Дэвида М. Котца и Фреда Виера («Революция сверху», 1991), Джозефа Гиббса («Горбачёвская гласность», 1999) и т.д.

Среди них следует особо выделить позицию Медведева и Кьезы, объявивших письмо Нины Андреевой даже… «мини-попыткой государственного переворота». Как тогда, во время непосредственных событий, так и впоследствии, такие версии создавались исключительно на основании ничем не потвержденных слухов, якобы высказанных кем-нибудь во время опять-таки не доказанных публичных выступлений или полностью тенденциозных интерпретаций всего происшедшего на самом деле.

В действительности, однако, имели место не только попытки, но и вполне реально организованный и осуществлённый государственный переворот. Группа Горбачёва и Яковлева использовала исключительно успешно историю с письмом Нины Андреевой в целях преднамеренной дискредитации и полной организационной нейтрализации, политического устранения и уничтожения Егора Лигачёва, а также всех его сторонников в партии и государстве, несогласных с неуклонно навязываемой со стороны окружения генерального секретаря новой «линией перестройки». Причём всё это происходило в период, непосредственно предшествующий

проведению внеочередной партийной конференции, нарочно созванной, как уже упоминалось несколько раньше, по инициативе Горбачёва.

На фоне этой громкой кампании версия о совершённом тогда группой Горбачёва действительном государственном перевороте, активно скрываемом за столь густой пропагандистской «дымовой завесой» вокруг мнимого «заговора» Нины Андреевой и Лигачёва, кажется, остаётся единственным подтверждённым реальным ходом событий объяснением того, что на самом деле происходило в те месяцы в КПСС и в СССР в целом. Во всяком случае, как раз это действительно и произошло. Всё остальное, что говорилось или писалось по этому поводу, как тогда, так и позже, было, по крайней мере, додуманным или дописанным - с тем, чтобы послужить оправданием или хотя бы прикрытием реально происходящего.

* * *

Если же вернуться к конкретному содержанию дискуссионного письма Нины Андреевой, то не трудно будет убедиться в том, что оно далеко не являлось той «яростно антисемитской», «фронтальной атакой» на перестройку с «неосталинистских националистических позиций», на чём настаивают обычно такие авторы как И. Брудни, один из аналитиков известного Брукингского института в Вашингтоне, и другие, подобные ему. Более того, сам заголовок письма, определённый журналистом из США Робертом Кейзером как провокационный, был взят из одной из речей самого Горбачёва. В конце также была цитата его выступления относительно «значения принципов марксизма-ленинизма». Кроме того, публикация Нины Андреевой вовсе не содержала какого бы то ни было анализа экономических, внутреннеполитических или международных аспектов курса тогдашнего генерального секретаря и его окружения.

В этом дискуссионном письме, по сути дела, выражалась всего лишь озабоченность одной университетской преподавательницы последствиями воздействия, прежде всего, на сознание студентов и других людей молодого поколения ряда весьма неточных и неясных представлений об истории и жизни страны, создаваемых и распространяемых некоторыми писателями и другими представителями творческой интеллигенции эпохи «гласности». Конкретнее, имелись в виду произведения драматургов-«перестойщиков» вроде Михаила Шатрова и писателей типа Анатолия Рыбакова, пишущих преимущественно на исторические темы. Андреева подвергает критике ряд моментов их произведений, изображающих, по её мнению, в превратном и тенденциозном свете определённые периоды советской истории, в том числе и время правления Сталина. Она критикует также и две основные идеологические тенденции, имеющие место в советском обществе тех дней, отличающиеся по её мнению серьёзной антисоциалистической направленности. По её мнению, такими тенденциями являлись «неолиберализм» (или даже так называемый «левый либерализм»), с одной стороны, и «новое славянофильство» (или

«русский национализм») - с другой.

Андреева считает, что современные разновидности либерализма порождают ложные иллюзии некоего «гуманного социализма», которого якобы можно достичь и который может успешно функционировать без наличия каких бы то ни было социально-классовых противоречий и борьбы. Правда, никак не объясняется, каким образом можно такого идеального общества добиться. Зато, щедро восхваляются «демократические ценности» и «достижения» капитализма, превозносится индивидуализм и порицается коллективизм. Наряду с этим, объектом критики Андреевой являлись «модернистские увлечения» в области культуры, преднамеренное насаживание религиозных культов и настроений, преклонение перед всевозможными «технократическими идолами» и пр.

А «новое славянофильство», по мнению автора письма, неправомерно возрождает чересчур романтические представления о жизни в дореволюционной России и, в частности, о положении крестьянства в то время. Таким образом, указывается в письме, с одной стороны, забывается, что крестьяне всё же были сословием прежде всего угнетённых и эксплуатируемых. Вместе с тем, считала Андреева, подобные взгляды откровенно преуменьшают и пренебрегают революционизирующей ролью рабочего класса и историческим значением стратегического союза трудящихся города и села для победы социалистической революции и последующего успешного строительства социалистического общества.

Причём общий тон и само содержание письма Нины Андреевой являются исключительно умеренными, хорошо аргументированными и сбалансированными, чем резко отличаются от всей злостной и яростной отрицательной кампании против дискуссионной публикации газеты «Советская Россия», проводимой к тому же без каких-либо доказательств и подтверждений выдвигаемых в ходе её обвинений. Ничего общего с действительностью не имеют и распространяемые невероятно широкими тиражами версии журналистов вроде Роберта Кейзера о том, что письмо Андреевой являлось «неистовой защитой» Сталина, а автор его - «глашатаем неосталинизма». Более того, сама Андреева даже делится в своей публикации «болью, гневом и возмущением», с которыми она, подобно всем советским людям, относится к неправомерным случаям репрессий 30-40-х годов. От них, оказывается, пострадала и её семья. В письме также указывается на «непреходящее научное значение» как решений XX съезда КПСС о «культе личности», так и речи Горбачёва, посвящённой 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

В свете сказанного, исключительно показательным является факт того, что первый сигнал последующей резко отрицательной кампании против публикации газеты «Советская Россия» был подан со стороны

журналистской гильдии США, к тому же - с обвинениями в «антисемитизме».

«Патент» такого «открытия», кажется, принадлежит журналисту Роберту Кейзеру и некоторым другим, аккредитованным в то время в Москве его коллегам, сумевшим увидеть именно такое содержание за употребляемым в письме термином «космополитизм». В действительности там это понятие было использовано в целях критики таких интерпретаций содержания интернационализма, при которых пренебрегается или даже вовсе отказывается в самом праве на существование проблемам национальной специфики. К тому же из текста Андреевой становится совершенно ясным, что объектом её критики являются исключительно внутренние общественные настроения и установки, неправомерно и не аргументированно направленные на идеализацию абсолютно всего, связанного с Западом и исходящего от него. А если письмо и действительно было направлено конкретно против кого-то, то это были так называемые «отказники» - люди разной социальной и национальной принадлежности, которые, в силу ряда причин, не только склонны «поворачиваться спиной» к социализму и к своей Родине, но и объявляют эмиграцию на Запад чуть ли не своей мечтой и единственным смыслом своей жизни.

Весьма показательным является и то, что версия о наличии «антисемитизма» не нашла потверждения даже в официальной позиции Политбюро, в которой письмо Нины Андреевой в целом осуждалось.

А что касается обвинений в русском национализме, то единственным «основанием» для них могли бы послужить всего лишь наблюдения Андреевой о том, что как раз националисты оказались чуть ли не единственными, обратившими внимание на проблемы разрушения окружающей среды, коррупции и алкоголизма. Вместе с тем, однако, она подвергает резкой критике их неоправданно романтические и нередко извращающие действительное положение вещей взгляды на русскую историю.

Не существует и ровно никаких обстоятельств в подтверждение того, что письмо Андреевой являлось неким «антиперестроечным манифестом», «платформой» и делом «людей Лигачёва». Все они самым категорическим образом отвергают такую версию. Показательны и свидетельства симпатизирующего Горбачёву историка Джозефа Гиббса в его книге «Гласность Горбачёва» (1999) о том, что все его усилия обнаружить какие-нибудь доказательства об участии Лигачёва в деле публикации письма Андреевой в газете «Советская Россия» не увенчались успехом. Ни одно из тех многочисленных интервью, которые он проводил по этому поводу с людьми из редакции газеты, не дали ровно никаких улик в этом плане. А историк Стивен Коэн прямо подчёркивает в своём введении к книге Лигачёва «В горбачёвском Кремле», что тот просто в силу своего характера никогда не был интриганом, а широко распространяемые утверждения, что он якобы стоял за историей вокруг публикации в «Советской России», «лишены каких бы то ни было доказательств». Может

быть, только Горбачёв в своих «Мемуарах» попробовал привести хоть сколько-нибудь разумный аргумент в поддержку версии о «конспиративной связи» Лигачёва и Андреевой. По его мнению, в письме Нины Андреевой содержалась «определённая информация, доступная лишь относительно ограниченному кругу людей». Однако он тоже не привёл никаких других доказательств в защиту подобного утверждения.

Однако следует отметить, что как общий сдержанный тон письма, специфические особенности стиля его автора, да и некоторые очевидные неточности, допущенные в ходе конкретного изложения его содержания, никак не соответствуют представлениям о столь ответственном документе «программной важности», к тому же - на самом высшем уровне, как его обычно представляют. Даже такие авторы как Рой Медведев и Джульетто Кьеза, видимо, питающие симпатию к Горбачёву, отмечают в своей книге «Время перемен» (1999), что Андреева, например, приписывает мысли философа Айзека Дейчера политику ранга В. Черчилля. Впрочем, даже если всё-таки публикация в газете «Советская Россия» была задумана как некий «манифест против перестройки», то тем более трудно понять, почему в ней содержатся призывы воздерживаться от критики как «гласности», так и «перестройки». Единственное, на чём настаивала Нина Андреева в своём письме, было то, чтобы «вопрос такой важности и кардинального значения» как «руководящая роль Коммунистической партии и рабочего класса» стал основной темой общественных дебатов тех дней.

* * *

Несмотря на всё это, со стороны Горбачёва и Яковлева, видимо, было принято решение воспользоваться случаем с письмом, чтобы объявить его «опаснейшей угрозой» всему процессу «реформ» и начать по этому поводу очень важную для них широкую пропагандистскую и политическую кампанию. А что касается конкретных событий той «дискуссии», то они разворачивались примерно следующим образом. Тут обычно принято выделять, что в день после публикации у Лигачёва были встречи с руководителями некоторых из средств массовой информации, и что в это время как Горбачёв, так и Яковлев находились за границей. Далее такие авторы, как уже вышеупомянутый Джозеф Гиббс, как правило, утверждают, что встреча эта была внеочередной и что на ней Лигачёв якобы распорядился перепечатать письмо Нины Андреевой во всех остальных изданиях в стране. Таким образом, дела как бы «естественным образом» переходят в русло «заранее подготовленной провокации».

Что касается самого Лигачёва, он неоднократно объяснял, что для него та встреча была не более чем обычной рутиной. К тому же она была назначена за неделю до её проведения. Поскольку в то время Лигачёв отвечал в партии за средства массовой информации, то и сама встреча, вполне естественно, была посвящена обсуждению ряда вопросов, связанных с их работой. Тогда Лигачёв и высказался положительно о

письме Н. Андреевой в «Советской России» как о примере проявленного со стороны СМИ интереса к проблемам исторической тематики. Сам он отвергает утверждения о том, что якобы отдавал распоряжения о дополнительном перепечатывании и тиражировании публикации «Советской России». Более того, помощник Горбачёва Валерий Болдин отмечает в своей книге «Десять лет, которые потрясли мир. Эра Горбачёва..». (1999 г.), что Горбачёв узнал о письме Андреевой ещё в день его публикации в газете, находясь в дороге перед предстоящим четырёхдневным визитом в Югославию. «Всё в порядке», - всего лишь сказал тогда он.

Однако его оценка и отношение к происходящему, видимо, изменились после возвращения в Москву. Тогда Яковлев проинформировал его о том, что Лигачёв и некоторые другие из членов Политбюро одобряют содержание письма и что его перепечатали в провинции, а в Ленинграде даже распространяют большими тиражами.

Тогда Горбачёв приказал начать расследование обстоятельств, при которых данная публикация появилась в «Советской России». По всей видимости, тогда и было принято решение отнестись к письму Нины Андреевой как к событию «особой важности» и использовать его в качестве повода для нанесения опережающего удара по противникам линии Горбачёва в Политбюро. Гиббс считает, что тогда Горбачёв согласился с предложением Яковлева нанести «ответный», а в действительности - наступательный удар «на самом высшем уровне».

По свидетельствам приближённых к Горбачёву Роя Медведева и Джульетто Кьезы, во исполнение такого плана генеральный секретарь лично созвал встречу с представителями средств массовой информации, на которой подверг газету «Советская Россия» уничижительной критике. После этого, как вспоминает Лигачёв, начали распространяться всевозможные слухи о некоем «заговоре врагов перестройки», якобы организованном ими таким образом, чтобы публикация письма Нины Андреевой совпала по времени с отсутствием генерального секретаря в стране.

А дальше, как известно, в марте и апреле Политбюро на протяжении целых двух месяцев посвящает, по крайней мере, целых три полных заседания обсуждениям публикации «Советской России». Как-то было созвано даже ещё одно внеочередное заседание.

Здесь имеет смысл напомнить о том, что столь назойливая «неотложность» и особая активность в обсуждении публикации была развёрнута как раз по окончании очередного визита Горбачёва в Вашингтон, во время которого, по свидетельствам очевидцев, он просто потряс даже видавших виды американских партнёров своими мирными «инициативами» уничтожить в одностороннем порядке ряд классов советских ракет, которым у Запада просто не было аналогов. Однако столь «маловажные» вопросы такого рода не были представлены даже к обсуждению на Политбюро. Зато оно надолго оказалось втянутым в бесконечные разговоры и споры насчёт «грозящей опасности», идущей со

стороны газетной публикации рядовой университетской преподавательницы.

По данным архивов, заседания Политбюро в то время длились не менее 5-6 часов в день. К тому же с одним-единственным пунктом в повестке дня: «Письмо Нины Андреевой». Никогда раньше во всей истории КПСС её высший управляющий орган не обращал столь большого внимания и не занимался так долго обсуждениями газетной публикации.

Причём, как свидетельствует Лигачёв, атмосфера самих заседаний уже ничем не напоминала «свободную демократическую, спокойную обстановку» первых дней «перестройки». Тон всему определённо задавал Яковлев. Именно ему принадлежала и формулировка, что письмо Андреевой являлось «манифестом антиперестроечных сил». Опять по воспоминаниям Лигачёва, «Яковлев всё время вёл себя, как настоящий хозяин положения. Как правило, во всём ему вторил Вадим Медведев. Они прилагали множество усилий, чтобы навязать Политбюро свой взгляд на то, что статья в «Советской России» была далеко не обыкновенной газетной публикацией, а являлась «программой» возврата «сталинизма» - основной опасности «делу перестройки». Хотя и не упоминая имя Лигачёва, подстроили дело таким образом, чтобы оно выглядело так, будто бы кто-то «в верхах» был «лично заинтересован» во всём этом и стоял в основе «заговора». Однако сразу подразумевалось, что речь идёт именно о Лигачёве. Сам он вспоминает, что в определённые моменты заседания Политбюро прямо оборачивались настоящей «охотой на ведьм», наподобие того, как в материалах «перестроечной» прессы и литературы представлялись худшие времена Сталина. Горбачёв, вполне естественно, «безоговорочно поддерживал Яковлева».

Атмосфера становилась настолько невыносимой, что в конце концов даже те из членов Политбюро, которые первоначально придерживались иных мнений относительно письма Андреевой, были вынуждены переменить свою позицию. Причём сам Горбачёв, в прямом смысле слова, буквально лично набрасывался на каждого, кто, по его мнению, не в достаточно полной степени осуждал «деяния» Н. Андреевой.

* * *

Начатая таким образом «охота на ведьм» длилась немало недель. Дело дошло даже до того, что специально назначенной по этому поводу комиссией ЦК был устроен настоящий «рейд» на помещения редакции «Советской России» в поисках доказательств якобы существующего «заговора».

Другим из приёмов Горбачёва в том же плане стал созыв очередного заседания Политбюро 30 марта, в то время, когда Лигачёв находился в трёхдневной командировке в провинции. И опять на повестке дня был вопрос об осуждении письма Нины Андреевой. Вдобавок на сей раз Горбачёв превратил заседание в настоящий «экзамен преданности» его линии и личности.

«Каждый должен безоговорочно определиться, на чьей стороне он находится!» - примерно так обратился он тогда к изумлённым членам Политбюро.

Вместе с тем применял он и другой вид психологического нажима и шантажа. Угрожал, что подаст в отставку, если на заседании не будет принято «ясное» решение и не будет сделан «верный» выбор. В конце концов все присутствующие высказались в поддержку критики письма Андреевой и «Советской России». Была принята резолюция, осуждающая её главного редактора Владимира Чикина. Проголосовали также и за предупреждение Лигачёву. Наконец был одобрен и составленный Яковлевым текст официального осуждения письма Нины Андреевой со стороны Политбюро. Таким образом, Горбачёву удалось не только публично унизить и изолировать Лигачёва, но и дополнительно внести раскол среди остальных членов Политбюро. Наряду с этим в положение «вынужденной обороны» были поставлены все действительные или потенциальные противники «нового курса перестройки», пользующиеся сколько-нибудь значительным влиянием в обществе.

«Правда» в номере за 5 апреля опубликовала текст яковлевского «осуждения» письма Андреевой. В нём, между прочим, говорилось, что «в дискуссионной публикации «Советской России» читатели впервые имеют возможность столкнуться с выраженной в самой концентрированной форме нетерпимостью, с отвержением самой идеи обновления, с наглым заявлением чрезвычайно консервативных и догматических позиций». Далее отмечалось, что, «защищая Сталина», сторонники письма отстаивают «право на произвольное применение власти».

На следующий день «Советская Россия» тоже была вынуждена опубликовать этот документ. 15 апреля там же появились и материалы «самокритики», подкреплённые тенденциозно выбранными цитатами из письма Нины Андреевой. Наряду с этим практически все газеты буквально захлестнула волна писем «читателей», выражающих своё «возмущение» содержанием письма или, скорее, тем, что было написано о нём в яковлевском «осуждении».

Следующий этап данной кампании начался 8 апреля в Ташкенте, когда Горбачёв объявил, что «судьбы страны и социализма поставлены под вопрос». Тогда же он подчеркнул «необходимость» заменить Лигачёва на посту заведующего идеологическим отделом ЦК другим человеком. На заседании Политбюро 15-16 апреля Горбачёв снова заявил, будто результаты проведённых расследований по «случаю Андреевой» показали, что «всё это было начато здесь, в этом зале». Яковлев, в свою очередь, также произнёс свою очередную длинную речь, в конце которой опять стояло его определение письма как «манифеста против перестройки». Тогдашний председатель Совета министров Николай Рыжков тоже обвинил Лигачёва в том, что тот заходит в сферы, находящиеся «вне его компетенции». К концу данного заседания, как указывает Роберт Кейзер, «Лигачёв оказался в положении полной изоляции». В результате он был освобождён от большого числа

занимаемых им должностей и обязанностей, а вопросы идеологии и работы средств массовой информации перешли к Яковлеву.

Таким образом, Горбачёву и Яковлеву полностью удалось использовать письмо Нины Андреевой, содержание которого, в общем-то, не отличалось ничем существенным от множества других, более или менее критических материалов, появляющихся на страницах газет в то время, в качестве предлога для кампании политической дискриминации и устранения Егора Лигачёва - своего основного противника в составе Политбюро. Его судьбу разделило также множество других деятелей партии и государства на всех уровнях, отличающихся своим твёрдым и принципиальным отношением к ревизионизму.

Расправа, учинённая над газетой «Советская Россия» и другими подобными средствами массовой информации, даёт основание даже историкам типа Д. Гиббса сделать вывод о том, что, «по всей видимости, единственным приемлемым назначением гласности в новом понимании оказывалась готовность всеми средствами способствовать осуществлению того курса перестройки, которого добивался Горбачёв». Рой Медведев и Джульетта Кьеза также пишут в своей книге о том, что вскоре после устранения Лигачёва Яковлев поделился со своим товарищем: «...мы уже сумели пройти свой Рубикон». Здесь уместным было бы напомнить, что Рубикон является названием речки вдоль границы Италии, у которой, вроде бы, остановился вместе со своими легионами и долго пребывал в раздумьях Гай Юлий Цезарь на своём пути в Рим, то есть - к установлению в нём своей единоличной власти...

А сам Горбачёв, похоже, с нескрываемым удовлетворением как-то высказался, что появление письма Нины Андреевой в конце концов оказалось «к добру». А могло ли быть иначе, если «благодаря» этому письме удалось добиться устранения Лигачёва, полного подчинения средств массовой информации и создать условия для новой, ещё более сильной «волны антисталинизма». Довольно примечательно и то, что помощник Горбачёва Анатолий Черняев делится по этому поводу следующим откровением: «Даже если Нины Андреевой вовсе бы не было, всё равно в то время пришлось бы что-то подобное просто выдумать».

* * *

Победа, одержанная Горбачёвым благодаря публикации в газете «Советская Россия», явилась его триумфом. Устранение Лигачёва, ко всему прочему, на деле убрало и все существовавшие тех пор препятствия на пути к проведению назначенной на июнь 1988 года XIX Всесоюзной партийной конференции. Это также было проделано в присущем Горбачёву как бы «мягком» стиле. Так, после того как устранили Лигачёва с должности заведующего идеологическим отделом ЦК и отодвинули от руководства средствами массовой информации, его довольно демонстративно направили на работу в сельскохозяйственный отдел. Также Горбачёв избавился впоследствии и фактически от всех прежних членов Политбюро. Правда, там остался, конечно, Анатолий

Лукьянов, давний друг ещё студенческих лет.

Если вообще допустимо применение понятий геологии к области общественно-политической жизни, то январский пленум 1987 года можно было бы уподобить сильному сотрясению пород и пластов земной коры. Но XIX Всесоюзная партийная конференция, состоявшаяся в июне 1988 года, оказалась настоящим землетрясением. За месяц до неё получили распространение 10 основных тезисов её работы. Они были составлены таким образом, чтобы осталось впечатление, будто позиции по ним в равной степени разделяются всем тогдашним руководством партии и государства.

Однако с самого момента открытия конференции стало ясно: Горбачёв намерен пойти гораздо дальше того, что можно было предположить на основании вышеупомянутых тезисов. Он выступил не более и не менее, как с предложением о создании нового высшего органа государственной власти под названием Съезда народных депутатов. Предполагалось, что 1500 членов его будут избираться на срок в пять лет. Половина их численности должна приходиться на долю Коммунистической партии и других организаций широкого общественного характера. Депутатами избирался малочисленный Верховный Совет с двумя палатами. Предполагалось, что он будет постоянно работающим органом Съезда. Съезду следовало избрать президента как высшего представителя исполнительной власти. По всей видимости, Горбачёв «бронировал» этот пост для самого себя.

Дискуссионное предложение было оформлено в виде специальной резолюции конференции. Её удалось, в прямом смысле слова, «протолкнуть» буквально в последнюю минуту заключительной части работы форума, проходившего под председательством самого Горбачёва. Это было сделано до того неожиданно, что, как отмечает Рональд Г. Сенни в своей книге «Советский эксперимент» (1990 г.), только через несколько минут после такой проделки, «когда уже пели «Интернационал» при закрытии конференции, многие из делегатов начали задавать себе вопрос насчёт того, к чему, в действительности, они только что «приложили руку».

И на самом деле было немало того, над чем следовало бы подумать. Принятие такой резолюции на практике означало упразднение почти всех существенных функций, прав и обязанностей, которые до тех пор принадлежали Центральному Комитету партии. Это, в действительности, и явилось «венцом» всех тех решений и документов, что были приняты за время работы конференции. А они, в своей совокупности, каким-то невероятным и неожиданным для большинства делегатов способом на деле явились просто отказом от всего того, на чем стояло, работало и развивалось советское общество во все десятилетия его существования.

Буквально одним махом XIX партийная конференция положила конец руководящей роли КПСС в деле управления страной, приняв решение о её передаче государству и его органам. Таким образом, функции партии были сведены к таким же функциям любой из остальных общественных

организаций, которым предстояло найти место в будущем парламенте страны. Наряду с этим были также приданы законные основания существованию различных партий некоммунистического толка.

Очевидно, ожидалось, что столь значительное «урезание» полномочий и влияния Коммунистической партии тем самым предоставит Горбачёву возможность осуществлять самостоятельное управление государством в новом качестве Президента страны. Во всяком случае, он сам после конференции предпринял ряд дополнительных мер, направленных на дальнейшее сворачивание чисто организационных возможностей и потенциала партии.

В этом духе в сентябре в 1988 года началось осуществление специального плана по замене существующего до тех пор секретариата ЦК разными отраслевыми комиссиями. Кроме всего прочего, эта «реформа» отняла у руководителей партии все возможности оперативно-исполнительного аппарата, при помощи которого они могли бы осуществлять свои функции и выполнять возложенные на них обязанности. Всё это, конечно, привело к огромному ослаблению позиций противников Горбачёва в ЦК и, прежде всего, Лигачёва и его сторонников, поскольку как раз секретариат до тех пор во многом являлся их организационной и политической базой.

Наряду с тем, любое «урезание» влияния и возможностей КПСС, любой последующий шаг её выталкивания на периферию общества неуклонно приводили к последующему ухудшению состояния всей страны и общества в целом. На это, к сожалению, указывал весь дальнейший ход событий. Не случайно Лигачёв отмечает в своей книге сложившуюся ещё с апреля 1988 года «трудно объяснимую тенденцию столь заметного ослабления сил и возможностей всё ещё находящейся у власти партии».

* * *

Всё это в очередной раз возвращает нас к вопросу о том, с какого момента усилия Горбачёва по ликвидации Коммунистической партии, а по мнению уже упоминавшегося аналитика из Брукинского института Джерри Хью - и всего управления страной, имели вполне осознанный и целенаправленный характер.

Книга В. Таубмана «Хрущёв - человек и его время» (2003 г.) содержит, на наш взгляд, весьма интересные данные, которые во многом смогли бы послужить неким «ключом» для удовлетворительного ответа на вопросы такого типа. Среди них можно выделить, например, информацию о докладной записке Яковлева, направленной на имя Горбачёва ещё в 1985 году, в которой он настаивает на разделение КПСС на две партии - социалистическую и народно-демократическую. Здесь не надо быть особо искушённым специалистом в области истории, чтобы догадаться, что такое предложение, по сути дела, являлось не чем иным, как своеобразным «эхом» известного намерения Хрущёва осуществить в своё время подобное разделение КПСС на «городскую» (промышленную) и «сельскую» (сельскохозяйственную, аграрную) партию.

Сама личность Александра Яковлева является живым олицетворением преемственности идейной ориентации и конкретно проводимого политического курса «эры Хрущёва», с одной стороны, и Горбачёва - с другой. Как уже сказано, ему лично принадлежит существенный вклад в развитие идеи о преднамеренном и целенаправленном организационном разделении КПСС. О значении, которое придаётся такой идее, можно судить хотя бы по такому признаку, что тексты, посвящённые ей, как правило, расцениваются со стороны профессиональных исследователей как источники первостепенной важности.

Яковлев, который работал в аппарате ЦК КПСС ещё при Хрущёве, в разговоре с Таубманом поделился личными впечатлениями о том, какое сопротивление со стороны ЦК вызвало в своё время предложение о разделении партии на «промышленную» и «сельскохозяйственную». По его словам, многие из участников Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года, отстранившего Хрущёва от власти, считали такую идею «самой запутанной и неясной во всей истории партии и советского государства».

Без сомнения, всё это было хорошо известно и Горбачёву. Скорее всего, подобными причинами был вызван и его столь короткий ответ на докладную записку Яковлева в 1985 году: «Пока ещё рано». Однако после того началось просто головокружительное восхождение Яковлева вверх по лестнице партийной и государственной иерархии. В своей книге «Фактор Горбачёва» (1997) Арчи Браун также приводит мнение Яковлева о том, что, по всей видимости, с самого начала его прихода к власти у Горбачёва были свои планы глубоких политических перемен с чрезвычайно важными последствиями в долгосрочном плане. Но и идеи Яковлева пригодились. Пусть они были реализованы и не в том виде, в каком предлагались, в конечном итоге КПСС оказалась парализованной и обречённой на уничтожение при помощи хотя и несколько иного, но не менее эффективного и результативного сценария.

Гораздо более неясные, запутанные и противоречивые представления относительно генезиса и отдельных периодов развития политических взглядов и непосредственных практических планов и намерений Горбачёва дают остальные доступные открытые данные и источники по этой теме. Сами его «Мемуары» являются довольно странной смесью как ранних, так и более поздних впечатлений, что делает неимоверно трудной задачу выделения причин от следствий, действительности от желаемого или даже вовсе воображаемого. Даже в его отношении к КПСС на одной и той же странице иной раз можно одновременно обнаружить как слова признательности, так и ничем не прикрытой ненависти. Но, если вообще в чём-то можно верить такому человеку, так это, пожалуй, в том, что с самого начала он был склонен рассматривать КПСС и её аппарат основной помехой и главным противником его «реформ» и ни в коем случае не в качестве фактора их ускоренного продвижения вперёд.

Имея в виду всё это, уже нетрудно себе представить, что тактика Горбачёва на самом деле вовсе не предполагала наличия усилий с его

стороны для того, чтобы бороться внутри партии и убеждать в правоте своих позиций других членов её руководства и миллионы рядовых коммунистов. Вся его энергия, изобретательность и изворотливость в действительности были направлены исключительно на то, чтобы перехитрить и победить их при помощи всевозможных комбинаций, манёвров, заигрываний и более или менее удачных пропагандистских трюков и ходов. Так, излюбленным его приёмом являлось непосредственное публичное обращение за содействием и поддержкой к определённым группам и слоям интеллигенции. Причём, как правило, это делалось через голову органов и структур партии. В общем-то, если о них и упоминается в мемуарах тогдашнего генерального секретаря, то всего лишь как о «тормозах» общественных процессов и усилий, направленных на перемены. Так что, в конечном итоге, вряд ли остаётся какое-нибудь место для сомнений или колебаний насчёт подлинного отношения Горбачёва к партии, которая вырастила его и которую ему в определённый момент удалось возглавить.

Вильям Е. Одэм отмечает в своей книге «Конец советской военной машины» (1998), что, по мнению помощника Горбачёва Анатолия Черняева, его шеф никогда не относился к КПСС иначе как с презрением. А когда при одном из особо крутых поворотов событий он посоветовал Горбачёву выйти из партии, тот прямо сказал ему: «Толя, неужели ты думаешь, что мне и самому не приходило в голову то, о чём ты пишешь в своей докладной записке? Ведь и Георгий Арбатов, и Николай Шмелёв советуют мне то же самое. И они, как ты, стараются убедить меня отказаться от поста генерального секретаря. Ну, неужели все вы не понимаете, что такую «паршивую собаку» (как партия) вовсе не следует оставлять отвязанной? Потому что если я сегодня возьму да откажусь, вся эта огромная махина разом набросится на меня».

Вот каким образом в действительности относился он к организации, создавшей его как фигуру общественную и политическую и предоставившей ему всё, что у него было и чем он являлся к тому моменту… В словарях, кстати, дано немало синонимов для тех слов, которыми, по воспоминаниям его помощника, выражался Горбачёв. Так что, при желании, читатели смогли бы и сами выбрать те из них, которые, на их взгляд, больше всего соответствуют подлинному отношению и чувствам той персоны к Коммунистической партии Советского Союза…

* * *

В самом сжатом виде, основное ядро «философии нового мышления» Горбачёва состояло в полной капитуляции перед капитализмом. Наличие столь резкого поворота в мировоззрении генерального секретаря ЦК КПСС можно объяснить как с точки зрения личностно-психологической, так и в широком контексте общественно-политической ситуации и деятельности. Так, например, психологи знают, что, как правило, человек получает известное (хоть зачастую и временное) облегчение тогда, когда решает отказаться от чего-нибудь или перестаёт бороться. В этом плане целый

ряд фраз и выразительных средств, исключительно часто применяемых Горбачёвым и его сподвижниками в годы «перестройки», дают довольно чёткое представление как об их психологических установках, так и заранее сложившейся их внутренней предрасположенности поддаться, предать или продаться, в замену на какое-то вознаграждение или же при определённой степени нажима.

То есть, надо полагать, Горбачёв прекрасно отдавал себе отчёт в том, что за все совершённые им многочисленные односторонние уступки роковых последствий и значений для страны, ему причитается с Запада как громкое признание пропагандистского толка, так и соответствующая немалая «оплата» в самом прямом смысле этого слова. Может быть, из-за этого он так часто любил восклицать: «Так жить больше просто нельзя!» Скорее всего, при этом он имел в виду прежде всего самого себя. Потому что об общем положении в стране, по крайней мере, до «разгула» его «новой политики», ничего подобного сказать было нельзя. Во всяком случае, о наличии какого-то невыносимого разорительного «всеобщего кризиса» не было и речи.

«Перестройка», особенно в её более поздних, «новых» вариантах, громко обещала сделать страну «нормальной». Подобные призывы к «нормальности» в условиях тогдашнего мира, когда социализм изо всех сил боролся против непрерывно угрожающих ему и всё ещё преобладающих сил капитализма, на деле не могли означать ничего другого, кроме полного отступления и подчинения империализму. Очевидно, в унисон с такими своими намерениями горбачёвское ядро руководства тогдашней КПСС полностью отказалось вообще от самого понимания социализма как качественно иной, действительно новой общественно-экономической системы, отвоёванной и построенной ценой самоотверженных усилий, труда и жертв нескольких поколений многих миллионов трудящихся.

Особо поражает при этом то обстоятельство, что все такие, казалось бы, недопустимые отступления с их стороны совершались в условиях странной и практически необъяснимой терпимости как со стороны широкой общественности, так и всех структур партийного и государственного управления. Даже малая часть того, что творилось в тот период от имени высшего руководства страны, в другое время и в любом другом государстве подобных возможностей и значения, немедленно вызвали бы обвинения в государственной измене и предательстве со всеми вытекающими из этого последствиями.

Наверняка, по этой причине даже сами манеры и физиономии людей «круга Горбачёва» с течением времени становились всё более благодушно-самодовольными и самонадеянными. Сам Горбачёв и тут, кажется, зашёл дальше всех. Приёмы и трюки внешнего воздействия, при помощи которых он создавал вид, будто действительно намерен вести то, что старался представить как внешнюю политику советского государства, долгое время ставили в замешательство даже некоторых из самых опытных и, как говорится, «видавших виды» профессиональных

политических аналитиков и дипломатов США.

Они, за время нескольких десятилетий после Второй мировой войны, когда США утвердились на позициях самой могущественной силы капиталистического мира, без сомнения, привыкли к самым разным проявлениям раболепного и сервильного, угодливого отношения к ним. Но то, что «сервировал» им Горбачёв, попросту выходило за рамки всего допустимого и предвидимого. Любой государственный деятель, вне зависимости от условий, в которых он находится, как правило, всегда старается обговорить любые уступки, на которые намерен пойти, какими-либо соответствующими компенсациями или действиями второй из договаривающихся сторон. Просто необъяснимыми и трудно вообразимыми с точки зрения любых мыслимых стандартов и норм поведения высшего руководителя государства, равностоящего и даже в некоторых отношениях превосходящего по военно-стратегическому и политическому потенциалу, являлись такие действия Горбачёва на международной арене, когда он, не находясь под каким-либо особым давлением и даже почти без переговоров, заявлял об уже принятых им чуть ли не в единоличном порядке решениях одностороннего и ничем не объяснимого отступления от ряда важнейших позиций ключевого значения. Однако Горбачёв всё это делал.

* * *

Одно из особенно заметных отступлений от позиций советской внешней политики было связано с Афганистаном. За период после 1979 года революционное правительство этой страны, при помощи СССР и группы советских войск, успешно противостояло набегам внутренней реакции, пользующейся всемерной поддержкой со стороны США, Пакистана, да и Китая. Истина требует напомнить, что в начальный период после своего прихода к власти Горбачёв распорядился усилить интернациональную военную помощь Афганистану. По своей бескорыстности и благородству эта помощь в плане историческом была сравнимой лишь с международной солидарностью по защите Испанской республики в 1936-1939 годах.

В мае 1986 года прежний лидер афганского правительства Бабрак Кармаль был заменён Наджибуллой. Пользующийся доверием определённых кругов местного духовенства, он попробовал расширить социальные основы поддержки свой власти. Он предложил переговоры и даже возможность формирования правительства общенациональной коалиции с представителями разных политических сил. Это было воспринято как проявление более сильного и обнадёживающего политического курса по сравнению с принципиально непримиримой, ведущей к политической изоляции линией Кармаля. Исчерпывающие данные о правлении Наджибуллы содержатся в книге Филиппа Бонноски «Тайная война Вашингтона против Афганистана», изданной в 2001 г. Однако несколько позже в том же 1986 году в публичных выступлениях Горбачёва впервые стали проскальзывать нотки критики в адрес прежней

советской политики в Афганистане. Развитие этой тенденции подробно исследуется в книге Сары Е. Мендельсон, изданной в 1998 г. в Нью-Йорке. А в следующем 1987 году Горбачёв, Яковлев и Шеварднадзе уже вполне определённо начали пользоваться средствами массовой информации и приёмами «гласности» в целях обработки общественного мнения СССР в пользу предстоящего выхода советских войск из Афганистана. Особо активную деятельность в таком плане вёл в то время специальный корреспондент журнала «Огонек» в этой стране Артём Боровик. Оттуда он буквально засыпал читателей всевозможными репортажами, критикующими или прямо компрометирующими находящиеся там советские войска.

Особое рвение, старательность и даже изобретательность он проявлял, когда писал о потерях и жертвах как советских бойцов, так и гражданского населения Афганистана.

На встрече на высшем уровне в Вашингтоне в декабре 1987 года Горбачёв объявил о предстоящем выходе советских войск из Афганистана. В феврале 1988 года он предложил уже и конкретный график осуществления вывода войск к началу 1989 года. Одновременно самые активные издания «новой гласности», разумеется, стали заполняться многочисленными письмами одобрения этой инициативы. Широко применялись отзывы и мнения солдатских матерей. А в середине 1988 года в журнале «Огонек» впервые была опубликована критическая статья о войне, автором которой являлся высокопоставленный советский военный.

Безоговорочное одностороннее отступление СССР из Афганистана вызвало острое несогласие со стороны руководителя Революционного правительства Афганистана Наджибуллы, антиревизионистски настроенных деятелей руководства КПСС и военных кругов, а также Кубы и Анголы. К тому времени положение советских войск в Афганистане как в чисто военном, так и в политическом плане было намного лучше и прочнее по сравнению с периодом начала акции.

Уменьшилась численность жертв и ровно ничего не подтверждало тезис об Афганистане как о «Вьетнамском болоте» СССР, широко раздуваемый пропагандой Запада. Внутри самого Советского Союза ей, конечно, активно вторила «домашняя» антивоенная оппозиция, пользующаяся всё более открытой поддержкой со стороны правящей группы Горбачёва, Яковлева, Шеварднадзе и компании.

«Исход войны в Афганистане был решён не на фронте, а дома, в Москве» - таково мнение по этому поводу военного аналитика из США Вильяма Е. Одэма. И самое обидное, что вывод войск был осуществлён всего лишь в обмен на формальное «согласие» со стороны США приостановить свою военную помощь моджахедам.

При этом, конечно, вовсе не обсуждался вопрос о будущем устройстве и развитии Афганистана как независимого и нейтрального государства. Также не было договорённостей и ровно никаких гарантий жизни и

личной неприкосновенности лидерам и сторонникам тогдашнего правительства и их семьям.

Если абстрагироваться от политических, да и чисто моральных аспектов подобного «соглашения» с США, то следует добавить, что и с военной точки зрения в нём не содержалось ровно никаких обязательств американской стороны. Дело в том, что отряды так называемых «моджахедов» («смертников»), сражающихся против советских войск, состояли прежде всего из выходцев из национальных групп, родственных населению тогдашних советских среднеазиатских республик вдоль северной границы Афганистана. По этой причине США, хоть и оказывали им помощь оружием, оснащением и военными специалистами, но не считали их по-настоящему своими стратегическими союзниками.

Такими союзниками считались прежде всего племена, населяющие пограничные районы с Пакистаном. Именно на их основе были сформированы, обучены и полностью оснащены, в том числе танками и другим тяжёлым вооружением, армии «талибов» (воспитанников религиозных школ в Пакистане), на которых в то время делали стратегическую ставку. Они-то и предприняли вскоре после вывода советских войск широкомасштабное наступление на столицу Кабул. Премьер-министра Наджибуллу и его брата, искавших убежища в здании миссии ООН, насильственным образом выволокли оттуда и повесили. Очевидно, следуя традициям, казавшимся давно забытыми, трупы их в назидание также оставили висеть долгое время после их смерти… Теперь известно, как изменилось отношение к режиму талибов после 11 сентября 2001 года, когда США решили, что его конец будет более выгодным их новым стратегическим целям.

15 февраля 1989 года последний советский солдат покинул территорию Афганистана. При этом уже безраздельно правящая в СССР группа не сделала практически ничего для сохранения в дальних регионах каких бы то ни было стратегических, политических и моральных позиций, ради которых советская армия и народ долгие годы вели борьбу, стоящую столь многих жертв. Безвозвратно были потеряны и те большие инвестиции, которые делались в строительство и модернизацию материально-технической базы и поднятие образовательного и культурного уровня страны за годы правления Революционного правительства. Афганистан и его народ, особенно в северных районах, были целиком отданы на «милость» победителей - сил империализма и реакции, которые «победоносно» вплотную подошли к границам среднеазиатских республик СССР. Последующие вскоре после этого кровавые события в них логично явились, кроме всего прочего, очередным следствием столь «мудрого» одностороннего отступления в этой части мира.

* * *

Список предательств, совершённых группой Горбачёва в отношении политических и стратегических интересов СССР, других социалистических

стран и национально-освободительных движений мира чрезвычайно велик. За последние месяцы 1988 года наметился также и поворот в отношении к Африканскому национальному конгрессу (АНК) и другим движениям за свободу в Африке. В Намибии, например, движениям, борющимся за освобождение Юго-Западной Африки (пользующимся поддержкой Кубы и СССР), удалось добиться проведения выборов в присутствии сил ООН в качестве гарантов их честности и беспристрастности. Как подчёркивает Владимир Шубин в своей книге «Африканский национальный конгресс - взгляд из Москвы», Э. Шеварднадзе, министр иностранных дел СССР в то время, вполне неожиданно, без проведения каких-либо консультаций с СУАПО (Организацией народа Южной Африки) и её союзником Кубой, вдруг принял позицию США о проведении выборов без присутствия сил ООН.

В тот же период наметился также и ряд других односторонних отступлений в области внешней политики. Состоявшаяся в июне 1988 года, непосредственно после визита Рейгана в Москву, XIX партийная конференция уже официально отменила основополагающий до тех пор принцип военно-стратегического паритета в отношениях СССР и США. Ещё дальше в том же направлении пошёл следующий пленум ЦК, состоявшийся в сентябре-октябре 1988 года. На нём был уже открыто провозглашён «примат» так называемых «универсальных общечеловеческих ценностей» над целями, принципами и идеями классовой борьбы. Тогда же было принято и официальное решение о «деидеологизации» советской внешней политики. Весьма примечательно, что на нём было принято также и решение о выходе на пенсию Андрея Громыко, личность которого во многом связывалась с внешнеполитическим курсом СССР на протяжении более полстолетия. На том же пленуме Лигачёва отстранили от руководства идеологией и внешней политикой в Политбюро. Секретарём ЦК по международным делам стал Александр Яковлев.

К разряду действий в том же направлении надо отнести и заявление Горбачёва на сессии Общего собрания ООН в Нью-Йорке в декабре 1989 года об очередном сокращении советских вооружённых сил ещё на 500.000 человек, включая шесть танковых дивизий, размещённых до тех пор на договорно-союзных основаниях в социалистических странах Восточной Европы. И опять, конечно, не было даже и намёка о каких-либо аналогичных шагах и уступках со стороны США и НАТО. Причём вывод советских войск представлялся неким весомым вкладом в дело... «восстановления национального суверенитета» восточноевропейских стран, якобы ущемлённых так называемой «доктриной Брежнева».

По наблюдениям Дэвида Лэйна, отражённым в его книге «Восход и конец государственного социализма» (1996 г.), стало ясным, что у СССР больше не было намерения вмешиваться в ход развития событий в других странах, даже если они являются членами одного союза с ним.

Столь резкий, ничем существенным не вызванный, к тому же принятый в демонстративно одностороннем порядке, отказ от всей

прежней, несомненно успешной внешней политики на международной арене не мог не повлечь за собой прямо катастрофические последствия для всех народов социалистической системы, включая СССР. Свидетельства подобного одностороннего отказа администрации Горбачёва от союзных обязательств в отношении отдельных социалистических стран можно привести практически на примере каждой из них. Так, например, в связи с 40-й годовщиной со дня основания ГДР - 7 октября 1949 года - он неоднократно заявлял, что ГДР ни в коем случае не следует отступать и что «сдача ГДР являлась бы равнозначной распаду всей системы социализма».

Однако всего несколькими месяцами позже, во время встречи в Вашингтоне в июне 1990 года с президентом США Дж. Бушем (старшим), он заявил, что «судьбы ГДР в руках самих немцев». А на вопрос Буша насчёт возможной военно-стратегической и политической ориентации будущей, уже объединённой Германии, ответил что-то вроде: «Если она будет членом Варшавского договора - очень хорошо. Ну, а если будет членом НАТО - тоже очень хорошо!»

По свидетельствам очевидцев, услышав такое, хозяин встречи чуть не уронил чашку с кофе и, не скрывая своего изумления, попросил «дорогого гостя» вновь повторить свою позицию о согласии с возможным будущим членством объединённой Германии в НАТО. Русскоязычному читателю можно прочесть подробнее обо всём этом в одной из книг Н.А. Зеньковича «Тайны уходящего века…» и других.

А относительно некогда тоже «братской» Болгарии можно упомянуть, например, хотя бы о содержании переписки госдепа США с МИДом СССР насчёт предстоящего тогда первого визита Государственного секретаря Джеймса Бейкера в эту страну. Подумать только, особенно, с точки зрения сегодняшнего дня - ведь совсем недавно правительство США считало чуть ли не обязательным заранее уведомить СССР о намерении своего высокопоставленного чиновника посетить Болгарию! Выходило, получался как бы «запрос на въезд»…

А вот ответ ведомство Шеварднадзе на такой «запрос» выдало предельно короткий - всё это, мол, внутренние дела суверенного государства. Что ж, с точки зрения протокольной, другого и быть не могло. Но в дипломатии, кроме протокола, существуют и так называемые «знаки», когда соответствующая сторона как бы «невзначай» заявляет и о каких-либо своих интересах или позициях в том или ином государстве или прилежащем к нему регионе. Ну, а как можно было понять ответ МИДа Шеварднадзе как бы на запрос со стороны правящих кругов США «на въезд» госсекретаря Бейкера в Болгарию? Никак иначе, кроме «делайте, что хотите..».

Что ж, они и взялись за дело. Показательно, что открыто антикоммунистические лозунги и соответствующие им радикальные призывы впервые прозвучали в Софии как раз во время того визита Бейкера, под окнами гостиницы «Балкан-Шератон» в центре города, где он остановился.

* * *

Но оставим читателям право самим сделать свои заключения об общественно-политической роли, морали, облике, а может быть, и просто о состоянии душевного здоровья человека, в руках которого в крайне напряжённый, ответственный период последних десятилетий XX столетия оказались судьбы одного из самых могущественных государств и общественно-политических союзов во всей истории человечества, а также связанных с ним многих сотен миллионов людей по всему свету.

Наличие столь красноречивых, многочисленных «знаков» со стороны правительства Горбачёва тут же было подобающим образом оценено другой из «высокодоговаривающихся сторон», а также и всеми прочими враждебными социализму силами. Сразу последовала их повсеместная активизация и в плане внутренне-политическом, причём разворачивающаяся в условиях невиданного, беспрецедентного и исключительно бесцеремонного вмешательства извне. Прямым следствием столь мощного, координированного одностороннего натиска стало разрушение и полная реставрация капитализма как в ГДР, так и во всех странах недавней системы социалистического содружества Восточной Европы. Более того, распался и сам СССР. Часть его прежних союзных республик и все недавние союзники в Европе прямым образом оказались подключёнными к агрессивным военно-стратегическим планам и политическим конструкциям США, НАТО и ЕС. Народам этих «новозавоёванных стран», как они вполне официально именуются, например, в рабочих документах организаций типа Всемирного банка и Международного валютного фонда, ещё предстоит в полном объёме испытать на себе все последствия того, что в своё время так привлекательно было представлено в виде «отказа от доктрины Брежнева - так называемого «ограниченного суверенитета». Факты говорят, что в нынешней, уже натовской Болгарии, например, даже народные избранники в парламенте не располагают нужной информацией об основных условиях военно-стратегического присоединения страны к её нынешним «союзникам»...

* * *

К началу 1987 года наметился поворот «направо» и в области экономики. Так же, как и при аналогичных «переменах» в сфере политики, первым «результатом» и здесь явился, прежде всего, отказ от всех реформ и экспериментов начального этапа «перестройки», несмотря на вполне обнадёживающие результаты. Это происходило под воздействием факторов, способствующих уже полному переходу программы и курса центрального руководства в сторону откровенной переориентации экономики к капитализму.

Первое место среди них приходилось на продолжающиеся активные действия по ослаблению позиций и влияния КПСС в обществе и устранению её от прежней руководящей роли в деле хозяйственного развития страны. Во всё возрастающей степени эти процессы

подогревались и совершенно уже бесконтрольным засильем «второй экономики». Особенно активизировались её откровенно криминализованные секторы и группы, деятельность которых отличалась открыто антиобщественным и антисоциалистическим характером.

Другим фактором исключительного значения в том же направлении стали, конечно, находящиеся в руках антикоммунистических и антисоциалистических сил СМИ.

При наличии столь мощно действующих факторов в течение периода 1987-1988 годов процессы «перестройки» в экономической области приобрели уже совершенно иные формы и направления. «Зелёный свет» в этом плане дал принятый в 1987 году «Закон о государственных предприятиях». Строго говоря, сам его текст, одобренный на июльском пленуме ЦК того же года, ничем существенным, казалось, не отрицал систему единого экономического планирования. В нём не объявлялся и открытый переход исключительно к механизмам свободного рынка. И всё же узаконенное таким образом своеобразное двоевластие в экономической области привело к довольно чувствительным нарушениям всего ритма нормальной деятельности, да и самого существования социалистического уклада хозяйственной жизни.

Довольно красноречивым проявлением такого сбоя хозяйственной деятельности стало, например, положение Закона о прямом выборе директоров предприятий непосредственно работающими на них людьми.

Каковы бы ни были мотивы принятия подобного решения, самым широко распространённым последствием его явилась, пожалуй, практика безгранично щедрых обещаний о повышенных зарплатах всего персонала на случай «выборной победы» того или другого кандидата. А действующие директора, добивающиеся мандата на следующий период, и прямо вводили неоправданно высокие уровни зарплат ещё до созыва соответствующих собраний. Инфляционные последствия от этого вскоре стали принимать такие размеры, что данное положение закона срочно пришлось отменять. Продолжили, однако, действовать другие его положения. Комментируя их, Эльман и Канторович, например, вполне справедливо отмечают «полную немыслимость ситуации, при которой в какой бы то ни было стране мог существовать закон, формулировки которого не обязывали кого бы то ни было к чему бы то ни было». Как раз такая закреплённая законом неустроенность во многом способствовала возникновению общественно-пропагандистской обстановки, которая политически подготовила следующие меры по дальнейшему продвижению направо. И в этом, как часто происходило во время «перестройки», решающее значение сыграли крайне антисоциалистически настроенные средства массовой информации. Под прямым наблюдением, а зачастую и при непосредственном личном участии Яковлева и Горбачёва, ими была предпринята исключительно активная кампания в пользу предоставления большей «самостоятельности» предприятиям и другим формам хозяйственной жизни в расчёте на дальнейший переход всей экономики на рыночную

основу.

К тому же любые затруднения, любое преступление и злоупотребление экономического характера, несмотря на подлинные причины их возникновения, как правило, неизменно записывались на счёт существующей системы общественной собственности и якобы присущей ей «сверхцентрализации» планирования. Непрерывно разжигаемые таким образом общественные настроения открыто антисоциалистического характера в определённый момент привели к возникновению политических условий, необходимых для требований полной ликвидации самого института планирования как такового.

* * *

Также под давлением средств массовой информации в декабре 1991 года на самом высшем уровне партии и правительства была предпринята и другая мера прямо-таки рокового значения. По оценке Лигачёва, она являлась просто «фатальной ошибкой». Это было решение о резком сокращении объёмов государственных заказов и закупок необходимой продукции промышленности. Под натиском Яковлева и Горбачёва это сокращение составляло 50% всего общего объёма. Не были приняты во внимание даже возражения премьер-министра Николая Рыжкова (ранее поддержавшего их против Лигачёва), выступившего против этого слишком рискованного прыжка от полностью планируемой к вовсе ничем не регулируемой системе хозяйствования. В основе такого решения лежало ничем не обоснованное предположение или, вернее, пожелание о возникновении сразу, из ничего, какого-то нового, никем никогда ещё невиданного «оптового рынка» на основании остающихся 50% советской промышленной продукции. К тому же, исключительно в духе самого крайнего «неолиберализма», предполагалось, что цены товаров на нём будут определяться лишь колебаниями между спросом и предложением.

Вместо этого Лигачёв и Рыжков предлагали принять гораздо более осторожный экспериментальный план. Он предусматривал скупку со стороны государства 90% произведений продукции, предоставляя 10% действию механизмов спроса и предложения. Полагалось, что таким образом предприятия получат возможность постепенно набраться опыта экономической самостоятельности и умения успешно разбираться в практике свободных цен и рынков.

Последствия навязанного Яковлевым и Горбачёвым плана оказались откровенно разрушительными. Экономика оказалась охвачена полным хаосом. В 1988 году стал особенно заметным рост дефицита целого ряда товаров. Впервые после Второй мировой войны инфляция в стране достигла весьма серьёзных размеров.

По мнению Эльмана и Канторовича, основы советской экономики были подорваны ещё с момента устранения Коммунистической партии от процессов управления хозяйственной жизнью. Губительными оказались также и меры по периодическому урезанию полномочий и функций ряда центральных отраслевых министерств, которые предпринимались, хоть и

в несколько ограниченном виде, ещё в 1986 году. Гораздо более определёнными стали они в 1987 и 1988 годах. Причём речь шла не просто о сокращениях общей численности людей, занятых в отдельных министерствах, а об изменении всего характера взаимоотношений министерств с подведомственными им отраслевыми предприятиями.

К тому же дела, как правило, вертелись почти исключительно вокруг соображений «нового идеологического» характера, воспрещающих «отдачу команд» и утверждающих «полную самостоятельность отдельных предприятий. Фактическое превращение всесоюзных отраслевых министерств в лишённых какой бы то ни было власти безучастных наблюдателей оказалось чреватым крайне пагубными последствиями не только для нормальной деятельности, но и для самого существования системы народного хозяйства как таковой. Все взаимосвязи и балансы внутри её, как на отраслевых и региональных, так и на всесоюзном уровнях, на деле оказались возможными только в контексте деятельности соответствующих министерств. Ведь деятельность их отделов и прочих структур, как в Центре, так и на местах, далеко не сводилась всего лишь к «отдаванию команд», как любила твердить об этом перестроечная пропаганда. В действительности она была намного сложней и ответственней, осуществляя выработку точных оценок как текущих, так и прогнозных производственных возможностей соответствующих предприятий, обеспечение рабочей плановой дисциплины, соподчинённости между ними и пр.

Разрушая весь этот комплекс функциональных связей и взаимоотношений, Горбачёв и его советники наносили непоправимый вред как хозяйственной стабильности страны, так и самой атмосфере существующего доверия к проводимой в ней политике.

По заключениям Эльмана и Канторовича, весьма парадоксальным являлся также факт, что, при всём том, тогдашний генеральный секретарь и группа вокруг него «непрерывно и систематически подвергали постоянной дискредитации как свою политику, так и самих себя. Это получалось из-за, казалось, бесконечной вереницы ошибочных решений, к тому же зачастую принимаемых как бы нарочито нерешительным образом. Причём не так уж редко после принятия таких решений сами зачинщики их вдруг отказывались от них и даже выступали с публичным осуждением ряда их положений».

На наш взгляд, так могли поступать либо люди исключительно некомпетентные и политически близорукие, либо наоборот - настоящие профессионалы, строго преследующие заранее поставленные перед ними цели совершенно целенаправленного, преднамеренного разрушения.

* * *

Основной удар по плановой экономике был нанесён на уже упоминавшейся XIX партийной конференции. На ней был положен конец имеющему место до тех пор как бы «свободному дрейфу» направо и уже в форме безоговорочного приказа было вынесено решение о полном отходе

Коммунистической партии как от деятельности Советов и органов их власти на всех уровнях, так и от любого участия в управлении народным хозяйством.

Это решение следовало осуществить как в плане организационном, так и идеологическом. Вслед за тем на всесоюзную систему планирования буквально обрушился очередной «шквал» уже прямо уничтожительных мер. Исключительно важное место среди них отводилось упразднению, в общей сложности, 1064 отделов и 465 секторов Центральных Комитетов союзных и автономных республик, областных и районных организаций КПСС. Оно было проведено Горбачёвым осенью 1988 года. В процентном выражении это составляло 44% всех руководящих структур партии на всех уровнях. Незамедлительным последствием данных мер на состояние экономики явилось то, что вслед за уничтожением общего партийного руководства народным хозяйством, исчезла и связь, обеспечивающая оперативные взаимоотношения Центра в Москве с отдельными хозяйственными единицами и объединениями на местах. Тем самым в экономике был дан «зелёный свет» всевозможным центробежным настроениям, силам и тенденциям.

Весьма интересным в этом плане было развитие «официальных» отношений самого Горбачёва с «второй экономикой». Было время, когда дела выглядели таким образом, будто бы он действительно собирался обуздать и поставить её под контроль. Однако конечным итогом его деятельности стало то, что, по сути, сам генеральный секретарь фактически «расстелил ковёр» для «торжественного возврата» в экономику страны зарождающихся сил капитализма. Более того, их объявили даже «предтечами» советского «гражданского общества».

В этой связи научный исследователь из США С. Фредерик Старр выражает в своей статье «Полезное прошлое» (изданной в 1995 году в сборнике А. Даллина и Г. Лапидеса «Советская система - от кризиса к краху») мнение, что, очевидно, тогда и было «время решительного выбора для Горбачёва». С одной стороны, он всё ещё мог пойти по пути оздоровления и совершенствования экономики при помощи повышения контроля и улучшения системы планирования. Вместо этого он предпочёл привлечь на свою сторону «все те новые силы в экономике и обществе, утвердившие себя своими самостоятельными действиями, благодаря своей интеллектуальной связи с так долго подавляемой в России традицией либерализма».

Горбачёв говорил, что «вторую экономику» следует привлечь к нормальной жизни общества с тем, чтобы её прибыли облагались налогами». Как бы с этой целью он специальным законом разрешил существование фактически частных предприятий под видом номинально «кооперативных». Примерно так же он всячески превозносил «самостоятельность» добровольных содружеств «неформалов», подчёркивая при этом «необходимость» занять подобающее им «законное место» в советском обществе. По мнению Старра, по всей видимости, «политический гений Горбачёва состоял не столько в том, что он сам

создавал действующие силы перестройки, - он, скорее, открывал их в уже готовом виде в социальных слоях и структурах реально существующего общества».

Это мнение Старра поддерживает также и британская исследовательница Анн Уайт в своей книге «Демократия в России при Горбачёве (1985-1991) - зарождение «добровольного» сектора» (1999). Она считает, что «неформальными» являлись все виды деятельности, не организованные прямым образом партией. Значительная часть из них, особенно среди молодёжи, была преимущественно аполитичными объединениями общекультурной направленности». Другая их часть вела своё начало ещё с времён хрущёвской «оттепели». По данным Уайт, «к февралю 1988 года общая численность неформальных объединений в стране доходила до 30.000. В неё, наряду с «группами натиска», входили также и всевозможные другие организации. С течением времени, однако, по мере разворачивания курса «перестройки», среди них всё заметнее возрастали роль и значение вышеупомянутой первой разновидности».

С принятием так называемых «Закона о кооперативах» и «Закона о наймах», получили возможность уже совершенно свободного распространения и развития самые разные формы собственности явно прокапиталистического характера. Эльман и Канторович также подтверждают, что тексты указанных законов на деле разрешают официальное введение частной собственности под видом формально существующих кооперативов, хотя и приводят, правда, несколько «застенчиво», мысли Ленина о «преемственности кооперативов как форм социалистической собственности». К тому же кооперативы платили меньше налогов и, в принципе, радовались гораздо более благоприятному режиму финансовых льгот по сравнению с государственными предприятиями. В результате наметилась тенденция заметного укрепления деловых связей предприятий государственного сектора с так называемыми «кооперативными фирмами» - со всеми вытекающими из этого последствиями как непосредственного, так и долгосрочного характера.

Следующим этапом стала уже практика сдачи в наём «кооперативам» отдельных частей государственной собственности.

Она оказалась одним из первых, к тому же исключительно эффективных, способов осуществления фактической приватизации, тем более пользуясь при этом в качестве весьма удобной ширмы прикрытия всё ещё формально существующей, но всё больше выхолащивающей своё подлинное содержание и смысл общественной формой собственности.

* * *

Если обобщать период 1987-1988 годов, то прежде всего следует отметить, что за это время был совершён полный поворот в принятом до тех пор курсе «перестройки».

В кадровом плане этот процесс был ознаменован устранением

Лигачёва и других противников Горбачёва с занимаемых ими ответственных постов в Политбюро. Наряду с этим осуществлялось также и заметное ослабление влияния партии и выталкивание её с ряда занимаемых ей руководящих позиций в обществе и, главное, - в управлении народным хозяйством. На деле был положен конец нормальному функционированию системы единого экономического планирования. Почти полностью разрушенными оказались некогда столь могучие всесоюзные отраслевые министерства.

«Реформы» такого рода просто не могли не привести к резкому нарастанию и обострению экономических проблем. Последствия этого стали особо заметными в 1988 году. Возросли инфляция, дефицит бюджета и перебои в снабжении. Впервые за последние 40 лет были отмечены повсеместные прыжки цен по всей экономике. В следующем году рост инфляции достиг 20%. Товары ширпотреба просто исчезали из магазинов, чтобы до поры до времени «утонуть» в глубине складов. В таких условиях возникли чрезвычайно благоприятные условия для настоящего разгула спекуляции, что, в свою очередь, положило начало невиданному до тех пор процессу неуправляемого разграбления (перераспределения) общественного богатства и его новой концентрации в руках исключительно ограниченного числа частных лиц. По данным советской экономистки Татьяны Корягиной, приведённым в книге М. Гольдмана «В чём не удалась перестройка» (1991), в 1988 году общая сумма незаконно нажитых частных состояний составляла 200-240 млрд. рублей того времени.

Кризис экономики, в свою очередь, вызвал новый взрыв националистического сепаратизма. Призывы Горбачёва создавать «национальные фронты» в защиту «перестройки», при помощи которых он намеревался оказывать давление на противников его линии в партийных организациях союзных республик, на деле оборачивались полным переходом власти в руки сепаратистов. Всё явственнее намечающийся таким образом крах курса «перестройки», в свою очередь, в следующем 1989 году привёл уже к критическому экономическому спаду. Трудности, присущие тому периоду, были уже таких масштабов и размеров, что их никак нельзя было сравнивать с известными, на примере прежних лет, тенденциями некоторого спада темпов экономического роста.

Нараставшее вследствие этого широкое общественное недовольство властью Горбачёва не могло не ударить, однако, и по авторитету КПСС в целом. К тому же почти полный паралич её организационного состояния и идеологическая дезориентация, к которым привели её «реформы» тогдашнего генерального секретаря, дополнительно способствовали неблагоприятному развитию событий. На этом фоне всё явственнее набирал силу откровенно антикоммунистический популизм Бориса Ельцина.

Итак, в 1987-1988 годах Горбачёвым был сделан поворот, дальнейшим последствиям которого всё ещё предстояло полностью развернуться…

Глава 4. Кризис и крах 1989-1991 годов

Вот как характеризует тот период в своей книге «Крах одной однопартийной системы» (1994) Г. Джилы:

«В 1989 году нашли подтверждение самые худшие страхи и опасения тех, кто не ожидал ничего хорошего от решений, принятых состоявшейся в июне 1988 года XIX Всесоюзной конференцией КПСС. После неё и предпринятых по её постановлению «политических реформ» Горбачёва партия и её руководство больше не контролировали положение в стране. С конца марта 1989 года они, в основном, только реагировали на уже состоявшиеся события, пытаясь всего лишь как-то приспособиться к ним. А сами события тем временем продолжали развиваться и впрямь неподдающимися контролю масштабами и скоростью. К тому же они всё явственнее повиновались действиям и руководству политических сил и факторов, не имеющих ничего общего ни с партией, ни с её формальными лидерами».

А профессор Станислав Меньшиков пишет в своей книге «Советская экономика: катастрофа или катарсис?» (изданной в 1990 г. в Лондоне) следующее: «К тому времени уже почти нельзя было найти сектора общества и хозяйственной системы, не охваченного и фактически не подчинённого силами и структурами «второй экономики».

Даже Рой Медведев, один из ближайших сподвижников Горбачёва, признаёт в своей книге «Россия после советской эры» (изданной в 2000 году Колумбийским университетом США), что «в 1991 году массы добивались и ожидали прежде всего улучшения своего материального положения. Из-за этого они протестовали против фактического диктата и привилегий партийных бюрократов и выставляли требования о большей свободе и демократии. Вполне естественным было, чтобы сторонники Ельцина поднимали лозунги: «Долой Горбачёва!» или «Долой КПСС!» Нигде, однако, не появились лозунги типа: «Да здравствует капитализм!» и «Вся власть - буржуазии!»

Справившись со своими основными противниками в руководстве партии, за последние три года «перестройки» с 1989 по 1991 год Горбачёв совершил роковые перемены в структурах и целостном облике СССР, по крайней мере, в следующих пяти направлениях:

- прежде всего, он окончательно уничтожил прежнюю руководящую роль Коммунистической партии и превратил её в обычную парламентарную партию;

- была разрушена основанная на общественной собственности плановая экономика; КПСС оказалась полностью отстранена от руководства хозяйственной жизнью, был взят курс на полное установление «рыночной экономики»; была предпринята широкая приватизация государственных предприятий; всячески поощрялось и облегчалось распространение и наступление «второй экономики»;

- продолжалось полное одностороннее отступление перед США на

международной арене, предпринимались шаги к установлению открытого сговора и союза с империализмом;

- находящимся под контролем откровенно антисоциалистических и антикоммунистических сил средствам массовой информации была предоставлена возможность полностью перевернуть всю официальную идеологию, культуру и духовные ценности страны в примитивном прокапиталистическом духе «свободного рынка»;

- по-прежнему продолжались крайне рискованные, роковой важности для самого существования Союза нерешительность и колебания по национальному вопросу; с одной стороны, в этой области была предпринята попытка (или, может быть, демонстрация) определённого силового воздействия в отношении сепаратистских тенденций и действий в Прибалтике; после её неуспеха перешли к не менее бесплодным и ничего особо не сулящим переговорам о новой формулировке и содержании всесоюзного договора СССР.

При этом, очевидно, Горбачёв всё время прекрасно отдавал себе отчёт в том, каким образом партии удалось избавиться от Хрущёва осенью 1964 года. По всей видимости, у него сложилась твёрдая решимость не допускать подобного хода событий в отношении себя. Это предположение во многом объясняет его настойчивую активность в проведении задуманных им «политических реформ» в партии, которые, опять же по его замыслу, должны были стать «необратимыми». Вследствие их КПСС была сведена к уровню абсолютно бессильной организации, наделённой преимущественно «совещательными функциями» при определении направлений дальнейшего развития, а также «правом» представлять в парламенте часть населения страны, подавшую свой голос за неё на очередных выборах.

Общественно-экономические слои и политические группы, поставившие Горбачёва во главе правящей партии, определённо добивались замены существующего до тех пор государства советского типа так называемой «многопартийной системой» с присущими ей «плюралистическими» идеями, культурой и средствами массовой информации. Под предлогом обеспечения большей гибкости и динамизма экономики, она была подчинена частной собственности, эгоистическим силам и механизмам ничем не ограниченной, рыночной стихии и «частной инициативы», на деле оказавшихся неразрывно связанными с откровенно преступной деятельностью.

Наряду с этим Горбачёв всячески стремился к установлению возможно более тесных связей и отношений с Западом, возводя их чуть ли не в ранг «единственного средства», способствующего дальнейшему существованию СССР в качестве единого всесоюзного федерального государства. Что ж, ход событий показал, что в этом направлении - установления тесных связей - ему лично, кажется, удалось добиться наиболее заметных и «выдающихся успехов».

* * *

Таким образом, к 1989 году политика «перестройки» уже всё явственнее приобретала облик подлинной катастройки. К тому же она, как пишет Ш. Мильн в статье, вышедшей в лондонской газете «Гардиан» 16 августа 2001 года, обратилась бедствием не только для самой России. Спустя десять лет, как в ней самой, так и по всему свету, кажется, уже совсем немного остаётся людей, склонных разделять прежний энтузиазм, вызванный развалом Советского Союза.

А тогда страну неуклонно охватывал всё более нарастающий хаос. Разрушительной волной он прокатился по всему государству, пока под конец дело не дошло до полного разрушения всей советской социалистической системы. В том же 1989 году вся Восточная Европа была поглощена контрреволюцией. Через год после того исчезла ГДР, а уже «единая» Германия стала частью НАТО.

В этих условиях несколько неожиданно, но чрезвычайно стремительно и быстро получила своё «новое» развитие политическая карьера Бориса Ельцина. Примечательно, что в своё время Горбачёв лично вызвал Ельцина из Свердловска в Москву, причём на пост первого секретаря Московского горкома КПСС. Однако вскоре между ними стали складываться отношения серьёзного соперничества за влияние и власть в партии.

После ряда драматических перипетий на пленуме ЦК в октябре 1987 года Ельцина устранили из руководства. К тому же тогда шли разговоры о том, что у него очень серьёзная болезнь сердца. И вдруг, всего через год с лишним он, подобно библейскому «больному Лазарю», после как будто «чудотворного исцеления» чуть ли не на «белом коне» вновь вернулся в большую политику. На сей раз, однако, уже в качестве лидера лагеря так называемых «демократов», отрыто добивающихся полного отстранения Коммунистической партии от управления страной. Чрезвычайно важным успехом их стратегии явилось выдвижение Ельцина главой Российской Федерации, жизненно необходимой для нормального существования Союза.

По оценке Д. Дэнлопа в его книге «Возрождение России и конец Советской империи» (1994 г.), в начале 1990 года в СССР сложилась ситуация своеобразного двоевластия. Одним из центров власти являлась Россия, находящаяся под контролем Ельцина. Другой, всесоюзный центр находился в руках Горбачёва. Между тем в период 1989-1991 годов экономическое состояние страны непрерывно ухудшалось. Спад производства стал постоянным явлением, нарастало число дефицитных товаров. Появились также совершенно немыслимые до тех пор явления отказа от всевозможных платежей как частным, так и юридическим лицам.

По заключению Арчи Брауна в его книге «Фактор Горбачёва» (1996 г.), «всё это вызвало нарастающее недовольство людей». В придачу конец социализма в странах Восточной Европы нанёс дополнительный удар по советской экономике. В этой связи исследователь Джерри Хью из Брукинского института в Вашингтоне отмечает в своей книге

«Демократия и революция в СССР» 1985-91», что, по оценкам западных аналитиков, летом 1991 года советская экономика уже находилась в состоянии экономического кризиса, определяемом ими как «депрессия».

Вследствие этого в 1989-1991 годах страну в самом прямом смысле слова потрясли невиданные по своим масштабам стачки горняков. Всем становилось ясным, что именно «перестройка» привела к такому прямо катастрофическому состоянию вещей. Правительство искало выхода из положения, набирая огромные кредиты в западных банках. Однако условия, по которым выдавали те кредиты, были такими, что скорее приводили к последующим обострениям кризиса, нежели к его облегчению. Подобное состояние дел ещё более усиливало и без того возросшие тенденции в отдельных республиках к установлению национального суверенитета, вплоть до полного отделения от Союза. Как известно, в конечном итоге СССР перестал быть единым унитарным государством.

При анализе этих событий нельзя не отметить исключительную роль «перестроечных» средств массовой информации. Помощник последнего генсека Анатолий Черняев пишет по данному поводу в свой книге «Мои шесть лет рядом с Горбачёвым», что, по сути дела, горбачёвская гласность являлась «основным двигателем всей перестройки». По его оценке, так называемая «деидеологизация», т.е. устранение марксизма-ленинизма и коммунистического мировоззрения из процессов общественно-политической жизни и управления страной стало вообще возможным только «под непрерывным натиском гласности». Фактическое же содержание термина «деидеологизация» предполагало на деле широкое раскрытие всех дверей безраздельному распространению массированной пропаганды всевозможных антисоциалистических и откровенно антикоммунистических взглядов.

Даже если Горбачёв и считал, что ему действительно удастся играть какую-то особую роль во всех этих процессах, то всё равно к 1989 году он оказался от них отстранённым, а руководство страной на деле целиком перешло в руки Ельцина. В этом плане весьма показательным является то, о чём пишет Черняев в своей книге, вспоминая о том, как в своё время премьер-министр ещё существующего СССР Николай Рыжков чуть ли не «сквозь слёзы жаловался, что так называемые «советские» СМИ в действительности находятся под контролем официально находящегося в оппозиции «лагеря демократов» Ельцина».

* * *

В те последние годы «перестройки» самые тёмные силы в экономике и того же типа и настроя социальные слои тогдашнего советского общества всё настойчивее стали предъявлять свои претензии не только на полную легализацию их деятельности, но уже и на прямой доступ к власти. Группировки деятелей «чёрного рынка» и вращающиеся вокруг них круги полукриминального, а то и откровенно криминального контингента непрерывно множились, напоминая некую особо вредную

разновидность паразитарных насекомых. Всё более широко распространялись также разные виды лжекооперативов, являющиеся по сути дела частными фирмами.

В этой связи Вадим Волков, автор книги «Силовой бизнес. Роль насилия в процессе утверждения капитализма в России» (изданной в 2002 году университетом г. Итака, США), утверждает, что значительная часть организаций, созданных на основаниях, мягко говоря, не совсем точно названного «Закона о кооперативах», на деле занималась преимущественно рэкетом. Они чуть ли не в автоматическом порядке брали на себя «охрану» и «защиту», в согласии с тем же самым законом, формально кооперативных, а в действительности полностью частных предприятий. А нескольким годами позже, в 1992 году, уже при Ельцине, был принят даже специальный Закон «О частной, детективной и охранной деятельности в РФ». Хоть и не добившись столь широкой известности как «кооперативный закон» Горбачёва, на деле он окончательно утвердил «законность» сложившейся практики насилия.

Таким образом, курс «перестройки» последних лет её существования полностью расчистил дорогу всем самым эгоистическим и алчным прослойкам и секторам общества, стремящимся приватизировать государственную и общественную собственность. Вполне естественно, центральным звеном их программы стал полный переход экономики на рельсы никем и ничем не ограниченной системы хозяйства «рыночного» типа. Самым рьяным политическим выразителем этих идей был лагерь демократов, возглавляемый Ельциным. Он и утвердился в качестве «знамени» объединённого блока «рыночников», представителей «второй экономики» и обслуживающей их части партийной и государственной номенклатуры.

Как отмечает Джерри Хью в своей книге, близящаяся вполне реальная перспектива «регламентированного законом присвоения огромных богатств» собрала за такой платформой представителей самых разных секторов высших управленческих эшелонов тогдашнего общества. Здесь были как руководители больших хозяйственных отраслей и предприятий, так и высшие деятели партийной и государственной администрации, в том числе и определённые кадры военного сектора и структур внешней и внутренней безопасности. На деле получилось, что каждый присваивал прежде всего те части партийной и государственной собственности, которые держал под своим непосредственным контролем. Подобная модель, вероятно, распространялась и на общество в целом, охватывая практически все ступени социальной и административной лестницы.

Тем временем страна и её хозяйство, оставшиеся без своих привычных структур управления, переходили почти непрерывно из одного кризиса в другой, неуклонно приближаясь к состоянию комы. Положение самого Горбачёва также стремительно становилось таким, что подчас могло вызвать даже сожаление. На деле он уже не мог принимать никаких решений и предпринимать каких-либо действий. Его откровенно

ненавидели миллионы советских людей, считавших его непосредственно ответственным за потрясающие их личную жизнь и жизнь страны катаклизмы. Поспешно покидали его и недавние ближайшие сподвижники, перебираясь в другой, уже более перспективный лагерь. К концу 1991 года от него отказались даже ещё недавно «близкие друзья» из Вашингтона и Белого дома. К тому времени Горбачёв всё больше напоминал «мага» из цирка, вдруг забывшего каким-то образом тайны всех своих «фокусов».

Здесь следует ещё раз напомнить, что процесс его падения в действительности начался с его отказа от мировоззрения и политики коммунизма и перехода на позиции социал-демократии. К тому же сам способ, которым это было сделано, как становится ясно из его интервью журналу «Тайм» в мае 1991 года во многом был просто смехотворным. Прежде всего, потрясают масштабы иллюзий, с которыми он связывал эту свою «внутреннюю политическую революцию». Вот какие ответы даёт он, к примеру, на вопросы: «Что означает быть коммунистом сегодня?» и «Что будет означать на будущее?» (Роберт Кейзер, «Как вообще Горбачёв мог появиться»).

«На мой взгляд, быть коммунистом сегодня - означает не бояться нового, отвергать подчинение любой догме, иметь независимый способ мышления. Это означает подвергать свои мысли и поступки одновременно суду морали, а также, непосредственно через политику, помогать трудящимся осуществлять свои стремления и надежды в соответствии со своими способностями. Я верю в то, что быть коммунистом сегодня означает способность прежде всего быть по настоящему демократичным, уметь ставить универсальные общественные ценности превыше всего… Так что, разрушая систему сталинизма, мы не уходим от социализма, а идём к нему».

Формулировки эти, как видим, довольно замысловатые и сложные. Сложным выглядел, на первый взгляд, и общий ход событий, происходивших во время правления Горбачёва и его группы. В действительности же дела обстояли намного проще - на смену прежней политики борьбы пришёл курс компромиссов и отступлений.

Горбачёву, кажется, было присущим всегда и во всём отступать. Он обычно отступал, услышав в свой адрес критику за проявляемую нерешительность и робость. Отступал он и перед откровенно прокапиталистической, стремящейся к реставрации системы частной собственности коалицией Бориса Ельцина. Отступал и перед сепаратизмом антикоммунистического и антисоциалистического национализма. Роковыми последствиями для народов СССР и миллиардов людей труда по всему миру обернулось его отступление перед империализмом и милитаризмом США, добивающимися неограниченного господства над планетой. Причём, на что уже не раз обращалось внимание в нашей книге, отступления в данной сфере, как правило, проводились исключительно в одностороннем порядке, без сколько-нибудь равнозначной реакции с другой стороны.

За время последнего периода своего пребывания у власти Горбачёв, по всей видимости, так и не сумел до конца разобраться в причинах потери популярности и крушения возглавляемого им режима. Трудно сказать, отдавал ли он себе лично отчёт в том, что всё это началось с предпринятой по его инициативе кампании ослабления влияния и фактической ликвидации руководимой им КПСС. Понимал ли, что таким образом он оказывал самую решительную поддержку как сепаратистским действиям в отдельных союзных республиках, так и заведомо хищническим претензиям «второй экономики» и стоящих за ней криминальных группировок вместе с наиболее коррумпированными секторами партийной и государственной администрации? Доходило ли до его сознания понимание того, что парализация деятельности и фактическое устранение КПСС от управления страной расчищает дорогу перед домоганиями откровенно антисоциалистических, разрушительных сил блока Бориса Ельцина, на деле добивающихся полного развала СССР? И что всё это, в конечном итоге пойдёт на пользу исключительно империализму Запада, политические и военно-стратегические планы и конкретные действия которого никогда не строятся в расчёте на улучшение жизни и судеб какого бы то ни было народа на земном шаре?

Уже не раз упомянутый Джерри Хью в своей книге «Демократия и революция в СССР, 1985-1991» пытается дать ответ на вопросы такого типа. Причём, в отличие от значительной части западных аналитиков и обозревателей, он не считает, что перед Горбачёвым стояли практически неразрешимые проблемы и что он находился в положении «человека, вынужденного скакать на не поддающемся управлению тигре». По его мнению, за время своего правления Горбачёв не только не попробовал объездить и обуздать «тигра», но и сам всячески старался добавить ему «строптивости», заставляя его всё более бешено метаться и рваться куда-то... В то же время те немногие случаи за годы его пребывания у власти, когда государство всё же приступало к применению законного права силы, всегда указывали на исключительно хорошие результаты подобных действий.

* * *

Поэтому нам кажется уместным ещё раз специально обратить внимание на нерешительность и колебания, особенно сильно дававшие о себе знать во время последнего этапа правления Горбачёва. Трудно объяснимой и часто повторяющейся характеристикой его политического поведения того времени было, например, стремление всячески избегать применения активных и решительных действий, даже в случаях, когда они обещали хорошие результаты, в том числе и для его персонального положения как политика. Так, всей своей деятельностью на самом высшем посту в правящей партии и государстве он всячески способствовал переходу страны к «свободной», «рыночной» экономике. Однако в тот момент, когда эти идеи, кажется, уже полностью «привились» практически всей политической элите того времени, сам он так и не решился применить ожидаемую ею крайнюю меру так

называемой «шоковой терапии». Зато она пришлась по характеру Борису Ельцину, почему он и возглавил вполне закономерно побеждающие в то время рыночные тенденции и силы.

Здесь следует напомнить, что применяемое к хозяйственной жизни понятие «шоковой терапии» ведёт своё начало от одной уже почти полностью дискредитированной и изжившей себя садистской псевдомедицинской практики лечения из области нервно-мозговых заболеваний. Она состоит в периодическом применении к пациентам электрического шока с обещанием их последующего выздоровления и восстановления.

Статистика доказывает, однако, что в большинстве случаев «терапия» подобного рода приводит к ненужным страданиям людей, не дающим никаких существенных результатов. Некоторое облегчение состояния было зарегистрированы у столь ограниченного количества пациентов, что их спокойно можно было отнести к области статистической ошибки.

При таком положении вещей настаивать на «шоковой терапии» в экономике означало, во-первых, что сотни миллионов граждан прежних социалистических стран являлись «душевно больными». Во-вторых, меры, которые предлагаются и применяются при осуществлении подобной политики, не только не приводят к «излечению» хозяйственных проблем, но и вполне преднамеренно вызывают массовые страдания огромного большинства людей. Их лишают возможностей трудиться, иметь жильё, их дети остаются без образования. Система здравоохранения становится недоступной, исчезают социальное обеспечение и защита. Пенсии буквально «тают», а то и вообще становятся недоступными для последующих поколений трудящихся. Преступность беспрепятственно разрастается и охватывает практически все секторы общества.

Словом, практически, так называемая «шоковая терапия» является вовсе не хозяйственной политикой, а системой массового терроризма, направленной на целенаправленное обезличивание и деградацию целых стран и народов. Другой её основной целью и главным следствием её осуществления становится перераспределение общественного богатства, при котором оно делается достоянием определённого крайне ограниченного меньшинства населения.

К тому же данный процесс перераспределения не имеет практически никаких рациональных хозяйственных аргументов и оправданий. Ещё в меньшей степени у него могут быть какие-либо претензии и основания морально-этического или законного характера. Не выдерживают проверки временем и непосредственной практикой и широко распространяемые пропагандой «рыночников» соображения о якобы более высокой подготовке, профессиональной квалификации или личностных характеристиках присваивающих общественное достояние.

То, что произошло в СССР и странах Восточной Европы, было самым элементарным присваиванием со стороны отдельных лиц, прослоек и

группировок огромных активов, которые никак не могли им принадлежать. В других местах и при других обстоятельствах за подобными действиями сразу последовали бы самые безапелляционные санкции в соответствии с существующими везде уголовными нормами за подобный вид преступлений.

Особенность совершившейся в данных частях мира капиталистической контрреволюции состояла в том, что откровенно преступные деяния совершались здесь при активной поддержке соответствующих государственных механизмов и институтов и под покровительством специально принятых с этой целью «законов».

* * *

Как уже отмечалось, именно появление и деятельность Горбачёва на сцене общественной политики подготовили все необходимые условия и сделали вообще возможным столь откровенно разрушительное развитие событий. Поэтому действительно нелегко разобраться в подлинных причинах, помешавших ему лично проделать и последние действия подготовленной им и проходившей под его «режиссурой» драмы. Как и в прежние годы, он всё так же старался маневрировать, импровизировал и шёл на всякие повороты, ничуть не забывая при этом так же тщательно продолжать демонтаж всё ещё имеющихся и остающихся в его ведении структур некогда мощных политических, государственных и хозяйственных механизмов.

Это поле его деятельности, однако, всё время таяло, а с уменьшением его практических возможностей катастрофическим образом падала и популярность прежних его манёвров и приёмов преимущественно вербального и эпистолярного характера. Люди уже открыто насмехались над его длинными речами и выступлениями, исполненными, как и раньше, такими обещающими выражениями как «новый решительный поворот», «решительные испытания» и пр.

Как и впредь, он всё так же продолжал обещать прилагать все усилия к «стабилизации СССР и принятию нужных мер с тем, чтобы дела были поставлены «под контроль». В то же время его практические действия приводили к усиливающейся дестабилизации государства, всей политической и хозяйственной жизни. Парализуя государственную деятельность, да и само существование СССР, он каким-то странным и лишённым логики способом продолжал надеяться (или, по крайней мере, говорить), что ему удастся избежать разрушительных последствий его же деятельности.

Очевидно, он рассчитывал на то, что ему удастся укрепить политическую систему при помощи таких новых государственных структур, связанных преимущественно с исполнительной властью, как институт президентства и Съезд народных депутатов.

В Съезде, однако, довольно скоро взяли верх «демократы» из лагеря Бориса Ельцина и его сподвижников.

Вероятно, с тем, чтобы как-то «идти в ногу» с ними и их нарастающим влиянием, Горбачёв предпринял ещё некоторые шаги в сторону дальнейшего перехода к «рыночному» хозяйству. Не исключено, что сам он считал их существенными. Настоящим «рыночникам», однако, как уже отмечалось и раньше, всего этого было уже абсолютно недостаточно. Видимо, подчиняясь опять той же самой странной «логике», он до самого конца старался сохранить за собой пост генерального секретаря КПСС и даже добиться некоторого укрепления своих позиций в этом качестве, в то же самое время всячески стараясь ограничить влияние и возможности самой партии. Так, например, он пробовал привлечь на свою сторону некоторых из своих внутрипартийных противников, предоставляя им высокопоставленные должности даже в его «внутреннем круге». Когда в конце 1990 и начале 1991 года ряд архиревизионистов, таких, как Яковлев, Шеварднадзе и другие, стали покидать его, Горбачёв выдвинул на руководящие посты деятелей типа последнего руководителя КГБ Владимира Крючкова и некоторых других коммунистов. Вместе с тем он как будто старался сделать что-то и для предотвращения дальнейшего развала СССР, пытаясь вести переговоры по выработке нового всесоюзного Договора.

* * *

В чисто умозрительном плане можно было допустить, вероятно, что в силу характера своей личности и биографии, нехватки нужной профессиональной подготовки и опыта, Горбачёв мог просто оказаться не в состоянии реалистическим образом оценить все возможные последствия совершающихся во время его правления действий. Оправдания подобного рода, однако, уж никак не применимы к остальным основным деятелям «перестройки». В этой связи исследователь из известного Йельского университета США В. Одэм, автор книги «Конец советской военной машины» (1998) вполне определённо доказывает, что самому первому среди них, Александру Яковлеву, с самого начала было предельно ясно, в какую сторону они намеревались идти:

«Когда в июне 1994 года, - пишет Одэм, - я спросил у Яковлева, давал ли он себе отчёт в том, что реформы Горбачёва могли привести к развалу СССР и концу Советской системы, тот ответил, что всегда ясно понимал их разрушительное воздействие на «старый режим».

А затем, не стараясь скрыть нотки торжества в своём голосе, он добавил:

«Попросту, нам удалось всё это проделать до того, как наши противники сумели «проснуться» и помешать нам».

А в 1990 году Александр Яковлев, в своём качестве «основного двигателя» этой политики, пустил в ход свой очередной, уже хронологически последний, план разрушительного «преобразования». В нём Политбюро и ЦК КПСС открыто объявлялись «главными препятствиями на пути перестройки», которых следовало полностью убрать из политической жизни. В этих целях предлагалось созвать Съезд

народных депутатов, на котором принять решение перейти к системе президентского правления. План предусматривал также упразднить коллективизацию сельского хозяйства, общественную собственность на средства производства, равно как и само существование СССР в качестве единого союзного государства с централизованным управлением. Демагогическим образом перефразировался и представлялся в превратном свете даже известный призыв советской власти к народам России и всего мира после начала Октябрьской революции 1917 года. В редакции Яковлева он выглядел уже следующим образом:

«Земля - крестьянам, фабрики - рабочим, подлинную независимость - отдельным республикам».

А далее «советы» или, скорее, директивы «основного генератора идей перестройки» предусматривали переход к многопартийной системе, полное упразднение партийного аппарата и отстранение КПСС от власти, получение крупных займов от Запада. По свидетельствам Анатолия Черняева, опять же Яковлев просто давил на Горбачёва с тем, чтобы «предпринять и специальную военную реформу, при которой места буквально всех действующих генералов занимались подполковниками, а также осуществлялся полный военный и политический уход из стран Восточной Европы. Он настаивал на ликвидации всех промышленных министерств, выступал за полную свободу частного предпринимательства. Добивался также и увольнения председателя Совета министров СССР в то время Николая Рыжкова и Председателя Госплана Юрия Маслюкова». Как показал дальнейший ход событий, Горбачёв почти полностью последовал этим «советам» Яковлева…

В своей книге «Восхождение России и конец Советской империи» (изданной в 1994 году) историк Д. Дэнлопп из Университета Принстона в США называет состоявшуюся в мае-июне 1989 года сессию Съезда народных депутатов «событием, переменившим всё». Тогда Горбачёв принимает своё очередное трудно предсказуемое решение о трансляции по телевидению буквально всей работы Съезда. До этого такого не бывало никогда раньше как в самом СССР, так и нигде в мире. На протяжении 13 суток за работой всех заседаний Съезда почти непрерывно следили около двухсот миллионов телезрителей по всей территории Советского Союза. Вычисления, проведённые по данному поводу в книге Дэвида М. Котца и Фреда Виэра «Революция сверху» (1997), показывают, что за это время объём производства советской экономики снизился на 20%.

По оценке ряда наблюдателей, работа Съезда пошла во многом иным ходом, чем это предполагалось официальной повесткой дня самого Горбачёва и остальными «главными организаторами». Неожиданной оказалась, прежде всего, исключительная разнородность выступлений. Вместе с тем, однако, общее направление основной тенденции определённо было «правым». Даже правее, чем когда бы то ни было до этого.

Андрей Сахаров, например, открыто потребовал с трибуны изменения

6-й статьи Конституции СССР, закрепляющей законом руководящую роль КПСС в советском обществе. Ельцин, в свою очередь, с какой-то «мрачной торжественностью» счёл нужным предупредить о «нависшей опасности горбачёвской диктатуры». Известный в недалёком прошлом советский тяжелоатлет, многократный чемпион мира по поднятию тяжестей и офицер Советской армии Юрий Власов (позднее, в 1996 г. он по своей недальновидности согласился баллотироваться на пост президента России и, естественно, проиграл выборы), сделал предложение официально осудить то, что он определил как «историю совершённых КГБ преступлений». А оратор по фамилии Корякин потребовал вынести Ленина из мавзолея на Красной площади.

Ряд делегатов выступил против однопартийной системы, другие оспаривали идеи Карла Маркса и его «Капитала». Настаивали также и на прекращении действия (денонсировании) ряда договоров и соглашений советской внешней политики, начиная с договора с Германией 1939 года. (Напомним, что перед угрозой общего фронта империалистических государств против СССР его правительство оказалось вынужденным пойти на такой договор после фактического провала переговоров с Англией и Францией о заключении военного оборонительного союза трёх государств.)

Между тем, и во время Съезда и после него события, по образному выражению Дэнлоппа, стали переходить уже «от рыси к галопу».

* * *

Каждый последующий месяц после июня 1989 года стал приносить больше перемен, чем за весь предшествующий период с апреля 1985 года. Способ, которым был организован и проведён Съезд народных депутатов, до основания потряс КПСС как политический организм, расшатал её авторитет. В глазах миллионов советских людей подверглись сомнению моральные, рациональные и законные основания её власти и управления, даже само её право на существование. Под вопрос ставилась вся советская история, общественно-экономический строй страны, система и способ её функционирования. С официальной трибуны Съезда получали открытое одобрение и поощрялись всякого рода противники социализма.

Таким образом, пределы политически допустимого оказались отброшенными далеко назад, причём в такой степени, о которой раньше нельзя было даже подумать. Очевидно, уже прошли времена «управляемых, регулируемых реформ». Независимо от того, каковы были его планы и чего конкретно ожидал Горбачёв от Съезда народных депутатов, по окончании его работы ему лично не оставалось больше ничего другого, кроме как, «подобно некоему политическому «танцовщику на волнах», просто стараться удержаться как можно дольше на поверхности событий».

Ответ трудящихся Советского Союза как на работу самого съезда, так и на весь ход развития «перестройки» направо, последовал ещё в июле

того же 1989 года. Каменноугольные бассейны Кузбасса и Воркуты в России, Донбасса на Украине и Караганды в Казахстане были охвачены невиданным до тех пор стачечным движением. Они были организованными местными независимыми организациями рабочих, зародившимися после 1986 года. По Котцу и Виэру, «эти первые после 20-х годов массовые проявления трудовых протестов» вызвали настоящий шок и переполох во властных структурах Горбачёва. А Ельцин, со своей стороны, «очевидно, проявляя сильно развитое чутьё к популистским заигрыванием с настроениями масс, сразу стал пытаться привлечь бастующих горняков (шахтёров) на свою сторону, чтобы в дальнейшем использовать их действия в целях «демократов».

Не исключено, что подчёркнуто «иконоборческая» атмосфера прямых телетрансляций с заседаний Съезда народных депутатов вполне преднамеренно нацеливалась на побуждение именно таких ответных реакций со стороны рабочих. Но несомненно, что основной причиной для возникновения стачек стал процесс непрерывного обострения и углубления экономических трудностей.

Добыча угля оказалась среди тех отраслей народного хозяйства, на состоянии которых особенно зловредно сказалось навязанное Горбачёвым и Яковлевым решение о «шоковом» сокращении объёмов государственных заказов на промышленную продукцию. По мнению Лигачёва, положение там дополнительно осложнялось ещё тем, что горные предприятия должны были покупать всё необходимое для своего производства по рыночным ценам, а сбывать свою собственную продукцию - уголь, - только по ценам, фиксированным правительством.

Во время забастовок 1989 года горняки первоначально выдвигали в основном только экономические требования. Однако в какой-то момент к ним начали добавляться и призывы политического характера. По всей видимости, они были «заимствованы» у некоторых из набирающихся сил формирований «правой» ориентации, а может быть, «правые» просто «приклеивали» их к требованиям шахтёров. Так, например, наряду с требованием права для горных предприятий самим определять цены на уголь, призывали также упразднить контроль со стороны центральных министерств. Очевидно, по внушению «демократов» был внесён в список требований и лозунг об отмене 6-й статьи Конституции СССР. Однако лишь в отдельных местах открыто оспаривалось управление страной Коммунистической партией.

Забастовка шахтёров испугала и привела в смятение центральное руководство в Москве. Ею ведь оказалась охвачена одна из основных отраслей экономики страны, в которой был занят миллион человек! На протяжении десяти дней высшие органы власти - Политбюро, ЦК партии, Верховный совет и Совет министров СССР - обсуждали вопросы о том, какими путями и способами ответить на требования бастующих. В районы, охваченные стачкой, были отправлены серьёзные дополнительные поставки разнообразных продуктов и других товаров.

Тем временем Ельцину удалось обеспечить себе значительную

поддержку среди горняков, причём как раз накануне выборов на пост президента Российской Федерации, к которому он стремился. Это и стало одним из обстоятельств, вызвавших начало новой забастовки в апреле 1991 года. Несмотря на то, что она тоже начиналась в угольной отрасли, на сей раз забастовка проводилась больше как общая и политическая, нежели стачка шахтёров.

На протяжении двух месяцев ею было охвачено значительное число основных секторов уже и без того серьёзно ослабленной советской экономики. Требования, которые выдвигались теперь, самым прямым образом отражали политическую платформу Ельцина. Бастующие призывали даже к отставке правительства СССР. Весьма показательным стало то обстоятельство, что стачку прекратили сразу после того, как Ельцину удалось добиться перевода угледобывающей промышленности от Всесоюзного правительства в ведение правительства Российской Федерации.

Ещё красноречивее была реакция самого Горбачёва на ход развития всех этих событий - под их воздействием генсек всё более поддавался давлению набирающегося сил лагеря «демократов» Ельцина. Эта податливость доходила подчас до открытой сдачи всего, что они требовали.

* * *

В своей книге Дэнлопп подробно прослеживает разные этапы становления так называемой «демократической оппозиции», пока наконец в период 1988-1989 гг. она не вошла открыто в большую политику, располагая уже своими легальными партиями оппозиционистической направленности, домогающихся реальной власти на всех уровнях государства. Совсем недавно, ещё в 1987 году, они существовали исключительно в виде «неформальных» организаций, которых, впрочем, тогда насчитывалось уже немалое количество. Исключительно разнообразными были они и по своему характеру, поскольку среди них были как самые разные «дискуссионные клубы» и «исследовательские кружки», так и «земляческие содружества», общества и пр.

По мере своего укрепления, однако, большая часть «неформалов» всё определённее стала менять свой характер. Зачастую в нерусских республиках, например, они приобретали форму так называемых «национальных фронтов», исповедующих и борющихся за сепаратизм. А в самой России их эволюция нередко шла в направлении организации всевозможных «народных фронтов», как правило, придерживающихся политической линии «демократов». Само понятие «демократ», кстати, до середины 1988 года воспринималось преимущественно неким нарицательным именем сторонников Горбачёва в их борьбе против Лигачёва. Однако впоследствии определённая часть из кругов интеллигенции стали критиковать уже и самого Горбачёва из-да его недостаточной «демократичности». Тем временем в мае 1988 года в

Москве был учреждён уже «демократический фронт», официальными основателями которого стали некоторые из так называемых «диссидентов» 60-70-х годов. На деле это была первая политическая партия, открыто противостоящая КПСС.

По существу, огромную, трудновычислимую поддержку «демократам» оказал способ проведения подготовки, да и самой работы состоявшегося в мае-июне 1989 года Съезда народных депутатов. Во время прямых передач его заседаний по официальным каналам советского телевидения ряд известных представителей советской интеллигенции уже открыто призывали к оппозиции самому Горбачёву, объявляя себя борцами за «подлинную демократию». А несколько позже, в июле того же года, под руководством Андрея Сахарова и Бориса Ельцина (всё ещё формально являющихся членами КПСС) была создана «Межрегиональная группа». В ней состояло 380 из всех 2250 депутатов. Группа также открыто призывала уже к «переходу от тоталитаризма к демократии», за «радикальную децентрализацию государственной собственности» и за «экономическую независимость отдельных республик и регионов». На деле это означало, что как раз в тех новосозданных государственных институтах, со стороны которых Горбачёв надеялся получить широкую поддержку своей политике, уже сложилась сильная и особо активная антикоммунистическая оппозиция, которая, к тому же, пользовалась всеми возможностями парламентской и государственной власти.

В январе 1990 года была создана и так называемая «Демократическая платформа» в КПСС. По данным её представителей, в неё входило около 55.000 членов партии. Её официально объявленной целью являлось превращение КПСС в «нормальную социал-демократическую партию», что, по их замыслу, должно было произойти на тогда ещё предстоящем XXVIII съезде партии.

Ещё более амбициозной была программа созданной тоже в январе партии «Демократическая Россия», провозгласившей себя наследницей идей скончавшегося в декабре 1989 года Андрея Сахарова, которого лагерь «демократов» поспешно канонизировал в ранг своего «главного святого». «Демократическая Россия» была образована из членов «Межрегиональной группы» Съезда народных депутатов. Заигрывая с обществом преднамеренно выбранными «аргументами» из истории и идей русского национализма, они призывали Съезд принять новую, составленную ими же Конституцию Русской советской федеративной социалистической республики РСФСР, утверждающую её государственный суверенитет.

Своей программой и действиями «Демократическая Россия» заходила дальше всех в направлении открытой реставрации капитализма и уничтожения Советского Союза. Далеко не случайно именно она стала основной политической базой Бориса Ельцина.

На состоявшихся в марте 1990 года в Российской Федерации выборах «демократам» удалось добиться значительного большинства в Москве и Ленинграде. Это дополнительно способствовало дальнейшим процессам

«коррозии» как внутри КПСС, так и всего СССР как единого, общесоюзного государства. А с образованием Верховного Совета Российской Федерации впервые за всё время после 1917 года в стране сложилась уже обстановка подлинного двоевластия. Но если в 1917 году его сторонниками были буржуазное Временное правительство, партия большевиков и советы революционных рабочих и солдат, то в 1990 году друг другу противостояли лагерь «демократов» и КПСС.

* * *

Весьма показательным было признание в качестве лидера «демократов» недавнего высокопоставленного представителя партийной номенклатуры Бориса Ельцина. По иронии судьбы его политическая карьера в КПСС пошла вверх лишь после прихода Горбачёва к власти в 1985 году. Причём его перевели в Москву по рекомендации как раз «твёрдокаменного» коммуниста Лигачёва.

Злую шутку при этом сыграли, вероятно, общие сибирские корни обоих деятелей, поскольку до 1985 года они являлись партийными руководителями соседних Новосибирской и Свердловской областей. Профессиональная карьера начальника ряда строительных организаций полностью соответствовала инженерному образованию Ельцина. Однако, несмотря на его пресловутое пристрастие к спиртному, у него были далеко идущие планы и намерения политической направленности. Они стали осуществляться с приходом Горбачёва к власти, когда на состоявшемся весной 1986 года XXVII съезде КПСС по предложению генерального секретаря он был избран кандидатом в члены Политбюро. Но, даже находясь на столь высоком партийном посту, он продолжал, однако, придерживаться линии исключительно острой критики в адрес КПСС и её политики, быстро уловив веяния времени. На том же самом XXVII съезде, например, он вошёл в конфликт даже со своим личным благодетелем Лигачёвым из-за различия в мнениях насчёт целесообразности предоставления функционерам партии некоторых дополнительных привилегий. Попытка применить тот же приём критики в 1987 году, на сей раз в адрес самого Горбачёва, кончилась его выводом из состава Политбюро и снятием с поста первого секретаря Московской городской организации КПСС.

По возвращении в свой родной Свердловск в конце 1987 - начале 1989 года он как бы полностью исчез с арены политической жизни. Его возвращение в большую политику, как ни странно, оказалось связано опять с Горбачёвым и его инициативой создания новых органов государственной власти. В марте 1989 года Ельцин был избран делегатом на Всесоюзный съезд народных депутатов, а годом позже - и на съезд народных депутатов РСФСР. 29 мая 1990 года Ельцин стал председателем Верховного Совета РСФСР.

Официально он вышел из КПСС в июне 1990 года во время её XXVIII съезда. В июле 1991 года был избран президентом РСФСР. Способ выдвижения на такую позицию бывшего московского секретаря порождал

немало толков и сомнений по поводу закулисных переговоров и сделок. Во-первых, результатом сделки с Горбачёвым было само учреждение в апреле 1991 года поста президента РСФСР. Тогда взамен Ельцин обязался поддержать проект создания нового Всесоюзного договора. На самих выборах выдвинутая против Ельцина кандидатура сначала была снята, потом вновь представлена…

Так или иначе, впечатляющее большинство, полученное Ельциным в ходе выборов, давало уже ему преимущество прямого мандата, которого у Горбачёва не было, что впоследствии и оказалось очень важным козырем в намечающейся между ними битве за личную власть. Очевидной была и перемена тактики со стороны Ельцина в этой их битве. На своём пути к верховной власти в стране он явно разыгрывал так называемую «русскую карту», а после её приобретения, ничтоже сумняшеся, приступил к полному восстановлению в стране капиталистических порядков.

Тут, на наш взгляд, имеет смысл приступить к более подробному анализу ответов на вопрос: «А почему именно Ельцину удалось утвердиться в качестве лидера капиталистической контрреволюции?»

В связи с этим, во-первых, никак нельзя отвергнуть проявленную как со стороны его советников, так и его лично, значительную дозу находчивости, выносливости и даже определённой политической смелости. Так, например, во время большой забастовки горняков в июле 1989 года, Ельцину, довольно успешно делая ставку на своё сибирское происхождение, удалось наладить личные связи и укрепить свой авторитет сначала в Кузбассе, а затем и в других бастующих каменноугольных бассейнах страны.

Обеспечив себе поддержку весьма мощных в силу своей огромной концентрации и воли к борьбе слоёв рабочего класса, чувствующих себя при этом особо ущемлёнными в правах, Ельцин сделал удачный политический реверанс и в адрес интеллигенции. Она, кстати, тоже проявляла признаки нарастающего недовольства, прежде всего, из-за лишённой практической направленности деятельности Горбачёва, у которого слова постоянно брали верх над делами. Как бы идя навстречу общественным настроениям такого рода, Ельцин выдвинул идею о радикальной перестройке. Она, хоть и не была наполнена каким-либо конкретным практическим содержанием, на деле оказалась исключительно удачной в пропагандистском и политическом плане.

Вместе с тем он обещал поддержку и претензиям русского национального сепаратизма в деле образования отдельного от Союза «государства великороссов», демонстрировал стремление к восстановлению «русского суверенитета» и символики русского национализма, поощряя, наряду с этим, сепаратизм в нерусских союзных республиках. Демонстративно поддерживал восстановление религии. Однако наиболее масштабной и безоговорочной была его поддержка «рыночной экономики» и всего того, что способствовало полному восстановлению капитализма. В этом плане он решительно превосходил всё, что обещал и делал Горбачёв. По сравнению с ним, Ельцин проявлял

несравненно большую щедрость в отношении как секторов и отраслей «второй экономики», так и «партнёров» из деловых кругов Запада, проявляющих всё нарастающий интерес к советскому народнохозяйственному комплексу. Одновременно с этим возрастала и их поддержка его кандидатуры. О видимой стороне такого изменения отношения можно было судить хотя бы по содержанию и тону программ радио «Свобода» и других важных пропагандистских центров США и их западных союзников.

Именно безоговорочная готовность Ельцина принести в жертву единое общесоюзное государство СССР и довести «радикальные реформы» в России до их логического конца - до полной реставрации капитализма, - делала его признанным лидером контрреволюционных сил как в самой стране, так и за рубежом…

* * *

Кризисные явления в экономике всё сильнее обострялись в результате поддержки «второй экономики» политикой Горбачёва, которая, по сути дела, всё определённее ложилась на курс полного отказа от системы общественной собственности и централизованного хозяйственного планирования.

Борис Кагарлицкий в своей книге «Реставрация в России» указывает на всю иронию сложившейся при этом ситуации, когда мощнейшая кампания в поддержку «приватизации» в 1990 году происходила исключительно по каналам СМИ, всё ещё полностью находящимся под контролем Коммунистической партии. Однако, несмотря на всю пресловутую «гласность», ровно никакого доступа к СМИ не имели люди, выражающие хоть какие-то сомнения в отношении этого так превозносимого «всесильного рецепта в экономике», подчёркивает Кагарлицкий в своей книге.

Монополия над средствами массовой информации в то время, по сути дела, из советской уже стала капиталистической. В изданной в 1995 году книге «В чём не удалась перестройка?» советолог М. Гольдман из Колумбийского университета США утверждает, что спад советской экономики наметился задолго до 1989 года. «Удар по экономике был нанесён ещё в середине 1987 года, - пишет он. - Дело в том, что результаты первых двух лет новой экономической политики, начатой после 1985 года, не были настолько значительными, как это всем хотелось бы. Это приводило к потере авторитета власти, особенно в хозяйственной области».

Впоследствии та же самая власть предприняла меры, которые дополнительно усугубили существующие кризисные тенденции и явления. К середине 1988 года положение настолько ухудшилось, что срывы происходили уже почти автоматически. Разваливались на глазах уже самые важные экономические структуры.

Наряду со стратегической и военной переориентацией тогдашней

внешней политики, самое непосредственное влияние на процессы разрушения социализма в странах Восточной Европы оказал ряд решений, принятых руководством Горбачёва во внешнеэкономической области. На протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны между этими странами и Советским Союзом существовал такой тип хозяйственных отношений, по которому они получали на льготных условиях нефть, природный газ и некоторые другие виды сырья. Кроме того, продукции их промышленности и сельского хозяйства был обеспечен облегчённый доступ к практически неограниченному рынку Советского Союза. Схемы подобного взаимовыгодного и взаимодополняющего сотрудничества существовали практически во всех областях жизни, начиная от военно-стратегической до области культуры.

По мнению Джерри Хью из пользующегося исключительным доверием со стороны властных кругов США Брукинского института, вся эта уникальная, отлаженная система международных экономических отношений оказалась разрушенной после того, как советское руководство приняло чрезвычайно резкое решение приостановить экспорт сырья в страны Восточной Европы на прежних льготных условиях. Столь крутая перемена, в свою очередь, имела эффект своеобразной «шоковой терапии» в отношении экономики этих стран и толкнула их к поиску связей с рынками Запада.

Одновременно в 1990-1991 годах стало ясно, что потеря торговли с Восточной Европой привела к потрясениям и в экономике Советского Союза. Дополнительно обострился ряд социальных проблем. Д. Хью приводит, например, данные, показывающие, как внезапное исчезновение импорта лекарственных средств и другой медицинской продукции из стран Восточной Европы самым отрицательным образом сказалось на состоянии системы здравоохранения Советского Союза.

Другой «роковой ошибкой», по определению Лигачёва, явилось навязанное в 1987 году сторонниками Горбачёва резкое сокращение государственных заказов на промышленную продукцию. В книге «Революция сверху» её авторы Дэвид М. Котц и Фред Виэр подробно рассматривают последствия этого решения. Одним из них явилось, например, повышение дефицита целого ряда товаров, появление длинных очередей за ними и необходимость карточной системы распределения.

* * *

Эти явления и сопутствующие им тенденции разрастания «чёрного рынка» до положения чуть ли не доминирующего фактора, как правило, выдвигаются на передний план всегда, когда речь заходит об экономическом положении Советского Союза в последующие 1988-89 годы.

Производство большей части товаров широкого потребления за это время не снизилось, но, как отмечает Д. Хью, «повышение зарплат и недостаточный контроль за субсидиями на пищевые продукты сделали возможным наращивание потока больших масс свободных денег в сторону

населения». Результатом крайне неблагоприятного сочетания большого количества денег и дефицита товаров явился скачок инфляции. В этой связи В. Москофф отмечает в своей книге «Трудные времена. Обеднение и протест в годы перестройки» (1993), что в 1988 году наблюдался спад сельскохозяйственного производства, который привёл к нехватке продовольственной продукции и соответствующему росту цен. Последующая потеря авторитета центральных экономических институтов, сложившаяся, не в последнюю очередь, вследствие ряда прямо парадоксальных решений высшего руководства, вызвала спад доверия к стабильности самой системы снабжения. В результате индивидуальные потребители стали запасаться товарами. Ещё важнее было то, что отдельные республики, города и районы страны также начали делать слишком большие запасы, зачастую сверх меры. Сначала это касалось только продуктов питания, но затем процесс охватил и все другие товары.

Пустые полки в магазинах всегда являются признаком дефицита, обладающим свойством быстрого отклика среди самых широких слоёв общества. С течением времени такой отклик всё более приобретал вид недовольства нарастающего масштаба, причём чреватого далеко идущими последствиями политического, психологического и экономического характера. Страну буквально захлестнул психоз накопления запасов всевозможных товаров. То есть потеря доверия к экономической стабильности уже становилась фактором, способствующим наращиванию дефицитов ещё до того, как спад самого производства стал реальностью. Промышленные предприятия больше не получали нужной им информации о спросе на те или иные товары, что дополнительно усугубляло трудности цикла производства и приводило к новым срывам выпуска продукции.

Таким образом, дефицит из явления преимущественно психологического характера всё больше приобретал вполне реальные практические измерения, а «заколдованный круг» признаков кризиса становился всё явственнее.

Полное отстранение структур Коммунистической партии от процессов управления хозяйственной жизнью страны обернулось основным фактором, способствующим резкому наращиванию экономических трудностей в период после 1989 года.

За первые восемь месяцев 1990 года наметился спад производства на 20%. Ему сопутствовала быстро нарастающая инфляция, отмечают Эльман и Канторович в своей книге «Разрушение советской экономической системы» (1993). В дальнейшем дела пошли ещё хуже, так что в начале 1990 года Горбачёв открыто обратился за помощь к немцам со страниц массового западногерманского издания «Штерн». Он попросил 500.000 тонн мяса, 500.000 тонн подсолнечного масла, 100.000 тонн разных макаронных изделий.

Тем временем рост инфляции за год в стране достиг 80%. К середине 1991 года мнения аналитиков уже сходились на том, что СССР охвачен экономической депрессией. А в июле того же года Горбачёв просто потряс

мир просьбой о приёме Советского Союза в члены Международного валютного фонда. Это уже выходило из всех рамок, поскольку вряд ли кто-нибудь мог бы себе представить, чтобы одно из двух сверхгосударств мира таким унизительным образом упало бы на колени перед своим соперником, которому успешно противостояло десятилетия подряд.

В общем плане 1990-1991 годы стали периодом полного засилья правых тенденций в обсуждениях и формировании экономической политики страны. В какой-то мере это было связано с тем, что в 1988 и в первую половину 1989 года проблемы экономики находились вне поля зрения советского руководства тех дней. Внимание Горбачёва тогда казалось полностью поглощённым внешнеполитическими делами. Ведь здесь, на международной арене, благодаря многочисленным односторонним уступкам, на него лился казавшийся так нужным ему поток нескончаемых похвал и превозношений со стороны пропаганды Запада. Однако развитие обстановки внутри страны к концу 1989 года поставило со всей остротой проблемы экономики в центр политической жизни.

* * *

Такой возврат к экономической проблематике происходил наряду и с другой, качественно важной переменой. Самым впечатляющим образом она нашла отражение в двух книгах академика Абела Аганбегяна, последовательно изданных в 1988 и 1989 годах. Напомним, что в своё время он был главным экономическим советником Горбачёва в первые годы «перестройки». Его идеи тогда всё ещё были связаны в основном с реформами экономики, намеченными в период правления Андропова. Об этом он писал в книге «Экономический вызов перестройки», изданной в 1988 году университетом штата Индиана в США. В корне отличалась от предыдущей следующая его книга, «Перестройка изнутри: будущее советской экономики», изданная всего через год после первой в Нью-Йорке. В ней уже полностью поддерживалась идея о введении ничем не ограниченных «механизмов рынка». Факторов как внешнего, так и внутреннего порядка, активно способствующих столь резкой перемене взглядов маститого академика, было немало. Мы считаем необходимым особо выделить хотя бы два из них.

Во-первых, это были политические перемены в самой КПСС, вызванные, главным образом, прямо-таки самоубийственными для неё решениями её тогдашнего руководства.

Другим важным фактором являлось неимоверное разрастание масштабов, силы и общественного влияния «второй экономики».

Экономисты М. Алексеев и В. Пайл в своём труде «Заметки об измерениях неофициальной экономики в бывших советских республиках» (включённом в сборник трудов института В. Дэвидсона Бизнес-школы Мичиганского университета США за июль 2001 года) приводят таблицу подробных данных на этот счёт. Они отражают удельный вес «второй экономики» в общей стоимости ВВП (валового национального продукта)

большей части прежних советских республик времён Горбачёва по сравнению с ситуацией при Ельцине. Хоть у нас и есть некоторые возражения в адрес применяемых ими методов вычисления, мы всё же считаем, что цитированные данные дают представление о размерах «второй экономики» в отдельных республиках и о темпах их роста.

(Здесь следует отметить, что сама терминология анализируемых явлений всегда создавала определённые проблемы, а с течением времени в каком-то плане стала даже условной. Как правило, научные обозреватели, говоря о «второй», подразумевали «частную» экономику в Советском Союзе. В принципе, однако, она была производной и вторичной по отношении к основной, «первой» общественно-плановой экономике, поскольку существовала и разрасталась исключительно за счёт использования её людских, энергетических и всех прочих ресурсов.)

А к началу 1995 года «вторая экономика» в некоторых из прежних советских республик фактически уже стала «первой», т.е. главной и господствующей экономической реальностью. Так, её удельный вес в России, например, равнялся почти половине всего ВВП, тогда как на Украине и Кавказе она и впрямь стала первой. Что касается некоторого незначительного уменьшения её в Эстонии и Узбекистане, то его следует принимать, скорее всего, как признак сохранения в них её прежних позиций.

<kirkn008.gif>

«Вторая экономика» в отдельных республиках

Период с 1989 по 1991 год стал временем стремительного стихийного развития всё ещё находившегося на своей эмбриональной стадии советского капитализма. Пресловутый Закон о кооперативах на деле открыл все возможности для разворачивания частной хозяйственной деятельности.

В этой связи Рой Медведев отмечает, что как частные предприниматели «второй экономики», так и многие из государственных предприятий поспешно принялись за оформлением своей собственности и активов как «кооперативных». Вследствие этого число кооперативов возросло буквально на десятки тысяч. Организовались они преимущественно в торговле и строительстве, но некоторые из них прямо или косвенно касались и области непосредственного производства. Шли разговоры, что немало из них создавались по предписанию и даже с участием самых высокопоставленных лиц. Иногда упоминалось даже имя председателя Совета Министров Николая Рыжкова. Таким образом, форма «кооперативов» способствовала превращению в большие деньги огромных долей недвижимости и других видов собственности, стоимостью многие миллиарды рублей. А отмена государственного контроля на внешнюю торговлю, в свою очередь, дала возможность этим деньгам поспешно «уплыть» за границу.

Несколько позже люди класса новобогачей и олигархов с настоящей ностальгией будут делиться воспоминаниями о том, что во времена

Горбачёва процесс накопления больших состояний удавался гораздо легче, чем при Ельцине. «Бизнесменами» становились многие из прежних партийных и государственных функционеров. По данным Стивена Сольника в его книге «Контроль и крах советской системы», 1998, значительную часть из них составляют бывшие комсомольские активисты, которые организовывали первые в стране торговые банки и товарные биржи. Молодые миллионеры энергично «брались» за дело и преуспевали в развлекательном шоу-бизнесе, в коммерческом распространении видеоматериалов, в игровом бизнесе, во внешней торговле.

Вопросы, связанные с процессами становления и состава класса новобогачей как в Советском Союзе, так и в других, недавно социалистических странах, являются исключительно важными и серьёзными. Хоть о них говорится и пишется немало, по-настоящему значимая информация в этом плане остаётся всё же крайне ограниченной. В конечном итоге сложилось заключение, что класс новоявленных капиталистов сложился преимущественно на базе трёх основных социальных групп и прослоек, состоящих:

- из некоторых членов бывшей государственной, партийной и комсомольской номенклатуры;

- из представителей откровенно криминальных групп уголовного мира;

- из наследников владельцев крупных состояний времён досоциалистического периода (иногда их называют «реститутами», от латинского слова «реституция», означающая «возвращение собственности»).

В этом плане вопрос как будто бы выяснен и особых возражений или дебатов не вызывает. Однако за плотным занавесом продолжает оставаться почти всё, имеющее отношение к не менее логическому и естественному вопросу о том, какими способами, на основании каких критериев и с помощью каких механизмов одним членам вышеуказанных социальных прослоек удалось «преуспеть», а другим - нет?

Совершенно очевидно, что далеко не всё из нескольких десятков миллионов членов КПСС и пятнадцати миллионов комсомольцев стали «новобогачами». Не превратилось в капиталистов и значительное число так называемых «номенклатурных» кадров партии, государства, сил безопасности и армии. Однако некоторые ими стали. При более углублённом исследовании подобное разделение становится заметным и в группе наследников зажиточных классов досоциалистического периода. Некоторым из них и вовсе не удаётся, несмотря на все шумные разговоры о «неприкосновенности священной частной собственности», добраться до вроде бы унаследованного по нормам нынешнего законодательства имущества. Другие, однако, вполне «законно» присваивают себе заведомо чужую собственность. Подобным образом обстоят дела и с выбившимися «в люди» представителями преступного мира.

* * *

То есть вполне закономерно напрашивается вопрос: а что связывает в действительности эту столь разнородную группу преуспевающих ныне людей? Что настолько явственно выделяет их среди остальных «сородичей» из общественно-социальных групп, выходцами из которых они являются?

Как правило, официальные ответы на вопросы подобного рода, в той мере, в какой они вообще имеются, вертятся вокруг утверждений, будто бы люди такого типа преуспели исключительно в силу своих «профессиональных и личных качеств». Но в действительности те же самые качества у многих из тех, кто оказался выброшенным «за борт», часто многократно превосходят подчас весьма сомнительные «достоинства» преуспевших. Каким же способом, на основании каких критериев происходил тогда подбор и сам процесс выдвижения наверх одних и устранения других?

Ответа на вопросы такого рода нет как у нас, так и в серьёзной научно-исследовательской литературе за рубежом. А в нём как раз и содержится многое из того «тайного», что на самом деле происходило за последние одно-два десятилетия на территориях как бывшего СССР, так и остальных стран социалистического содружества стран Восточной Европы.

Что ж, попробуем дать свой ответ и на эти вопросы.

На наш взгляд то, что одинаково приобщает к классу капиталистов представителей как «старых», так и «новых» богачей, а также откровенно криминального контингента, является общая для всех них склонность и способность присваивать результаты чужого труда и, по сути дела, никогда не принадлежащее им чужое имущество, материальные и другие ценности. Довольно распространённой «общественной тайной» являлось и то, что за откровенно криминальными элементами стояла довольно значительная часть «теневой экономики». Как раз ей-то и предоставили уже официальный статус законодательные меры Горбачёва. По данным исследователя организованной преступности в СССР тех лет Стивена Гендельмана, около 60% всех зарегистрированных на их основании «кооперативов» находились под управлением доказанных и активно действующих преступников. Он же подчёркивает в своей книге «Товарищ Криминал: новая мафия России» (1995), что даже к концу 1991 года, когда большая часть частных фирм и предприятий уже вполне свободно работали на «законных основаниях», по крайней мере, 15% общего объёма товаров и услуг по стране всё ещё проходило по каналам «чёрного рынка».

Претензии к полному установлению неограниченной власти «рынка» возрастали по мере усиления процессов уничтожения КПСС и системы централизованного планирования народного хозяйства. Напомним, что в основе принятого в 1987 году решения о «радикальной политической реформе» была предпосылка о том, будто так называемая «командно-

административная система», т.е. общественно-экономические, организующие и политические функции партии и структур центральной государственной власти являются «основными проблемами» страны и причинами «всех её неблагополучий».

По мере разворачивания процессов парализации, уничтожения и расформирования структур партии и центральных министерств, которые непосредственно занимались организацией, координацией и руководством производственно-экономической деятельности, «рыночники» всё определённее и недвусмысленнее брали курс на «шоковую терапию» экономики. На деле это означало переход к установлению режима такого типа, при котором сверху всеми возможными способами откровенно навязывается ничем не ограниченная власть частной собственности, наживы и прибыли любой ценой. Осуществляется это при помощи всякого рода хозяйственно-финансовых, как правило, крайне спекулятивных «монетаристских» трюков и механизмов, вместе с пропагандистско-политическим и прямо силовым давлением всех видов власти, служб и органов.

Такому безоглядному «слепому прыжку» к капитализму неограниченного «свободного рынка» в то время всё ещё открыто противостояли некоторые высокопоставленные руководители партии и государства, в том числе и председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков. В силу его профессиональной подготовки и биографии, да и по занимаемому им месту в государственной иерархии, его считали олицетворением главной экономической инстанции в стране. Исследователь Джерри Хью приводит в своей книге «Демократия и революция в СССР: 1985-1991» (1997) слова Рыжкова о том, что, в отличие от китайских реформаторов, Горбачёв проводил курс на ослабление и даже на разрушение партии и государства, причём именно тогда, когда необходимость в них становилась всё явственней.

«Сначала я думал, что Горбачёв просто недопонимает всю сложность проблемы, - считал Рыжков. - Однако с течением времени, когда уже неоднократно разговаривал с ним, особенно во время заседаний Политбюро, на которых обсуждалась эта тема, я постепенно убеждался в том, что он вполне сознательно проводил такую линию. А так называемые «сверхрадикалы» и вовсе настаивали на полном упразднении всего, имеющего хоть какое-нибудь отношение к плановому началу в экономике. По их мнению, сами непосредственные производители, действуя исключительно по своей инициативе и вполне самостоятельно, должны быстрее ориентироваться, разбираться во всём и устанавливать взаимовыгодные отношения между собой. Считалось, что в ходе этих процессов как-то «сами собой» будут решаться все проблемы и задачи общегосударственной важности и масштабов. На этом особенно настаивали Яковлев, Медведев и Шеварднадзе, а Горбачёв их поддерживал».

Тенденция эта усиливалась по мере того, как Горбачёв, со своей «радикальной политической реформой», переходя уже к полному

разрушению партии, очевидно, и вовсе перестал рассматривать её в качестве своей политической базы и средства обеспечения своей поддержки. Видимо, он всё определённее делал ставку на находящиеся в процессе учреждения новые государственные структуры. Его самоуверенность, убеждение, что он располагает уже «гораздо большей» свободой самостоятельных личных действий, заметно возросли, когда в марте 1990 года он занял только что созданный пост президента СССР.

Наряду с этим общее состояние государственного руководства и существующей в стране системы социалистической плановой экономики всё больше оказывались под давлением и ряда других, подтачивающих их основы и стабильность факторов. Среди них были, например, стачки горняков в июле 1989 года. Одновременно являясь как следствием, так и причиной нарастающей экономической нестабильности, они вызвали настоящую панику среди значительной части властных деятелей и структур в Москве. Поэтому совсем неудивительно, что вскоре после этого в общественно-политической жизни страны стали происходить вещи, которые ещё совсем недавно считались немыслимыми.

* * *

Ещё одним фактором, во многом способствующим сравнительно спокойному восприятию ревизионизма со стороны общества, включая десятки миллионов трудящихся, явились исключительно умелые пропагандистские представления идей Ленина о нэпе в таком преднамеренно искажённом виде, что они выглядели, не более и не менее, как способ возвращения обратно к «нормальной рыночной» экономике капитализма. Подробно об этом говорится в изданном в 1991 году одновременно в Нью-Йорке и Лондоне под редакцией симпатизирующих Горбачёву исследователей А. Джонса и В. Москоффа сборнике «Большие дебаты в советской экономике о роли рынка. Антология». Исключительно важное место в усилиях ревизионистов-перестройщиков уделялось разработкам, специально противопоставляющим идеи и политику нэпа системе централизованного планирования экономики.

Преднамеренно внушались также взгляды о якобы «сходстве» между проблемами нынешнего времени и проходившей больше полувека тому назад дискуссией в партии об индустриализации. Большинством членов партии тогда была отвергнута так называемая «платформа Бухарина» и одобрен выдвинутый Сталиным курс на ускоренную индустриализацию страны, рассчитывающий на экономическую систему общегосударственной и общественной собственности и единого хозяйственного планирования. Всё, что было достигнуто и построено в СССР за последующие шесть десятилетий, осуществлялось на основе этой системы и благодаря ей. В предельно короткие сроки советской экономике удалось достичь, а по ряду основных показателей и превзойти уровень самых развитых стран капиталистического мира.

Как отмечает современный исследователь Сергей Кара-Мурза в своей

книге «Советская цивилизация. От начала до Великой победы», в годы перестройки (в 1989 г.) было проведено моделирование варианта Бухарина современными математическими методами. Расчёты показали, что при продолжении нэпа был бы возможен рост основных производственных фондов в интервале 1-2% в год. При этом нарастало бы отставание не только от Запада, но и от роста населения СССР (2% в год). Это предопределяло поражение при первом же военном конфликте, а также внутренний социальный взрыв из-за нарастающего обеднения населения. Поэтому тогда был взят курс на форсированную индустриализацию.

Что касается «программы Бухарина», то она так никогда и не была исполнена. Никому не пришлось увидеть, к чему бы она привела, будь применена на практике. Однако от неё остался миф о том, что в случае её принятия, быть может, она смогла бы обеспечить «гораздо более лёгкий» и «более успешный» путь развития страны. Она ведь впрямь обещала подобные вещи при условии продвижения по пути… «рыночной» экономики и широкого сотрудничества с Западом. Но об этом мифе всё время находилось кому вспомнить, особенно в периоды, когда стране приходилось решать очередные важные проблемы своего развития. Так произошло и во время горбачёвской «перестройки» 80-х лет XX столетия. В отличие от прежних случаев, однако, как подчёркивают в своей книге Джонс и Москофф, на сей раз дискуссия шла не о том, по какому из двух возможных путей следовало идти стране, а исключительно о том, «как, на какой скорости и посредством каких точно способов следовало бы проделать возврат к системе «рыночной экономики» (т.е. к капитализму).

В том же направлении, кстати, осуществлялся и весьма сильный нажим на деятелей перестройки из-за рубежа. С советами хозяевам страны насчёт «ценовой реформы» в Москву приехал сам государственный секретарь США Джеймс Бейкер. В то же время, по наблюдениям Джерри Хью, Запад вёл настоящую игру вокруг получения Советским правительством иностранных займов. В то же время вдруг исключительно сильное развитие получили контакты западных и «советских» экономистов. Проводились самые разнообразные «рабочие встречи» и совместные конференции, на которых всячески расхваливались будто бы «универсальные» принципы, механизмы и подходы ничем не ограниченной «свободной рыночной экономики», способной якобы оказывать «исцеляющее» воздействие «всему и от всего». В таком виде, по крайней мере, представлялись дела перед оказавшимися вдруг слишком наивными слушателями с Востока. На проводившихся в Москве многочисленных семинарах проходили подготовку деятели и пропагандисты приобретающей всё более отчётливые очертания «новой» «рыночной» экономики. Специально подобранных экономистов и «экспертов» с советской стороны приглашали на специально организованные лекционные турне по Соединённым Штатам. Для некоторых из гостей они оборачивались исключительно прибыльными, доходными предприятиями.

* * *

На протяжении всего 1989 года известный миллиардер и финансовый спекулянт из США Джордж Сорос поддерживал в Москве тайную группу советников и аналитиков, у которых был доступ к наиболее высокопоставленным деятелям руководства страны. В духе идей Сороса о так называемом «открытом обществе» они подвергались обработке с целью внушения мыслей о «необходимости» создания некоего «открытого сектора» экономики в качестве своеобразного «моста» для дальнейшего перехода к полному установлению порядков капитализма. (Сам термин этот был произвольным образом заимствован из трудов Карла Поппера и впоследствии активно применяется Соросом и его многочисленными структурами по всему свету в целях непосредственного распространения свободно-рыночных, неолиберальных экономических и политических моделей и практики современного капитализма США). Вся эта широкомасштабная подготовительная кампания определённо пользовалась поддержкой и покровительством Горбачёва.

Он лично, однако, воздерживался от решения о полном введении ничем не ограниченной свободной рыночной системы. Вероятно, он отдавал себе отчёт в спаде его популярности в стране и опасался, что применение «шоковой терапии» в экономике приведёт к дополнительному усилению позиций его более радикальных противников из набирающего всё больше сил лагеря «демократов».

Гораздо решительнее в отношении «шоковой терапии» в экономике и всего общества была позиция возглавляемого Ельциным правительства Российской Федерации. В этом оно определённо опережало всесоюзные власти.

Так, например, в ноябре 1989 году назначенный заместителем Председателя Совета министров СССР академик Леонид Абалкин представил шестилетний план дальнейшего развития народного хозяйства, в котором предусматривались как «приватизация», так и заметный рост цен. Но уже летом 1990 года пришлось вносить новый, порядком перестроенный вариант плана. В нём выдвигались ещё более экстремальные меры по введению принципов и механизмов «свободного рынка» в разных отраслях народного хозяйства. Рыжков, его сподвижники, помощники и эксперты старались как-то нейтрализовать давление со стороны властей Российской Федерации, настаивающих на проведении «шоковой терапии» и «молниеносного» перехода к неограниченной экономике «свободного рынка», т.е. к капитализму, но это у них получалось не слишком хорошо.

В то время как усилия Рыжкова были направлены преимущественно на утверждение более осторожного подхода к «реформам», Ельцин всё более наращивал свою политическую власть. Вследствие этого в июле 1990 года Горбачёв отстранил Рыжкова от занимаемой должности и прямо пошёл на сделку с Ельциным, которого тем временем уже выдвинули на пост председателя Верховного Совета (т.е., по сути дела, главы государства) РСФСР.

Вместе с Ельциным они назначили ответственным за подготовку «совместного предложения программы перехода к «рыночной экономике» как основы экономического раздела нового союзного договора» экономиста-либерала Станислава Шаталина.

* * *

Выдвинутый Шаталиным так называемый «План 500 дней» был сделан так, чтобы максимально учитывать самые радикальные требования «демократов» в контексте персональной схватки между Горбачёвым и Ельциным вокруг содержания нового Союзного договора. «План» предусматривал одновременно как «полную приватизацию», так и «монетарную стабилизацию», причём всего лишь в течение первых «ста дней». По оценке Джеэрри Хью, само по себе это уже являлось примером «просто смехотворного расхождения с экономическим реализмом».

Предусматривался также резкий рост цен на самые необходимые товары повседневной жизни и потребления. К тому же, по плану Шаталина все права взимать налоги и сборы предоставлялись отдельным союзным республикам, а уже им потом следовало решать, какую часть поступлений перевести на счета Союзного правительства. Устанавливался также и принцип «примата» республиканского законодательства над общесоюзным.

На сей раз даже Горбачёву стало очевидным, что план Шаталина, по сути, был нацелен на «безболезненное» упразднение СССР и общесоюзных структур. По всей видимости, уже ощущая непосредственную угрозу своей собственной политической карьере и будущему, Горбачёв отверг предлагаемый проект. Несколько позже, в ноябре 1990 года, он поручил своему первому экономическому советнику Абелу Аганбегяну выработать совместно с Шаталиным, Абалкиным и Н. Петраковым новый экономический план. Таким образом, в созвучии со своими политическими взглядами и конкретной политической тактикой, он, судя по всему, пробовал занять кажущуюся довольно выгодной роль «центриста».

План, выработанный этой группой от имени президента СССР, подобно остальным предшествующим проектам, также предусматривал повышение цен. Однако этот пункт отказалось принять ельцинское правительство Российской Федерации. По его инициативе был принят закон, наложивший запрет на повышение цен.

Политическая демагогия Ельцина, хоть и была очевидной, в данном случае вполне срабатывала. Кроме того, у его советников и у него определённо имелось довольно развитое чувство постепенности, последовательности и соподчинённости стоящих перед ними конкретных политических задач.

Делом первостепенной важности для них становился развал самого Советского Союза, поскольку таким образом открывалась дорога к беспрепятственному и неограниченному восстановлению

капиталистических порядков на огромной территории в 1/6 части земного шара. Для того, чтобы это осуществилось, было необходимо устранить с политической арены самого Горбачёва, так как он, очевидно, был заинтересован в сохранении своего положения в качестве президента СССР.

Очевидно, шаталинский «План 500 дней» был сделан в расчёте на то, чтобы способствовать решению обеих этих задач. А действия властей Российской Федерации по запрету повышения цен, предложенного уже союзным правительством, по сути дела, стали ударами против лично Горбачёва. Советники Ельцина вряд ли могли не знать, что системе господства частной собственности, «рынка» и стремления любой ценой добиться прибыли, к установлению которой они так рвались, уж никак не обойтись без головокружительных прыжков и шоковых цен.

Давали себе отчёт в этом, конечно, и в лагере Горбачёва. Всё ещё остающиеся рядом с ним люди его окружения прекрасно понимали, что его отказ от «плана Шаталина» с политической точки зрения выглядел отказом от программы ориентации на капитализм и развал Советского Союза. И тут уже пути членов «внутреннего круга перестройки» явно расходились. Для Яковлева, Шеварднадзе, Медведева, Шахназарова и Черняева, очевидно, сохранение поста президента всесоюзного государства не имело такого смысла и значения, как для самого Горбачёва. Все они поддерживали «план 500 дней», и после того, как он был отвергнут Горбачёвым, под разным предлогам стали покидать своего патрона. Недавний министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе вообще вернулся в родную Грузию и возглавил её правительство.

Что касается самого Горбачёва, то он, как бы парадоксально это ни выглядело, стал искать себе поддержку среди противников полной «рыночной» ориентации. Из таких людей были, например, новоназначенный министр юстиции, директор ТАСС, первый заместитель министра внутренних дел. Этот действительно удачный подбор кадров не сопровождался, однако, столь же значимым поворотом в области проводимой им политики.

За последние годы правления Горбачёву так и не удалось довести до конца ни одного из начатых им проектов или программ, какого бы характера они ни были. Ельцин успешно блокировал любую инициативу, не исходящую от него самого. Тем временем состояние экономики продолжало ухудшаться.

* * *

Месяцы, предшествующие августу 1991 года, также отличались дальнейшим ухудшением экономического положения страны. Наряду с этим становилось всё яснее, что у самого Горбачёва не было никакого плана, ни идеи, как выходить из всё более ухудшающейся ситуации.

Эта «тайна» была уже хорошо известной и людям из его непосредственного окружения в партийном и государственном

руководстве. Как уже было сказано раньше, значительная часть из них была выдвинута на эти позиции самим генсеком. Тем не менее, в сентябре и декабре 1990 года он снова стал объектом открытой сильной критики, теперь уже со стороны и этого, выбранного им самим руководства. Д'Агостино в своей книге «Революция Горбачёва» отмечает, что в апреле 1991 года в ходе голосования в ЦК предпринималась попытка устранить его с занимаемой должности. То же повторилось и в июне, на сей раз уже на уровне союзного парламента. Более подробный анализ отдельных этапов развития политического кризиса 1991 года содержится в книге Джерри Хью «Демократия и революция в СССР, 1985-1991 гг.».

В то время у значительной части руководства КПСС и СССР сложилось убеждение, что Горбачёв за их спиной пытается заключить очередную сделку с Ельциным, на сей раз в связи с содержанием нового Союзного договора СССР. Подобная сделка явилась бы, скорее всего, капитуляцией, поскольку Ельцин настаивал на редакции, по сути дела, лишающей органы союзной власти права собирать налоги. Кроме того, Ельцин и так уже самостоятельно запретил существование организаций КПСС в армии и прекратил переводы в союзный бюджет средств от налогов на нефтяные месторождения на территории России. Горбачёв даже был согласен упразднить созданный по его же инициативе Съезд народных депутатов СССР. Однако, как считает Д. Хью, то, что Ельцину удавалось выигрывать каждую из начатых им битв и непрерывно расширять свой личный вес и влияние в управлении политической жизнью и государством, не совпадало с интересами союзного руководства.

Несмотря на то, что первоначально все они, по сути, были людьми Горбачёва и сторонниками перестройки, под влиянием столь неблагоприятного хода событий у них постепенно созревало убеждение в необходимости срочных мер чрезвычайного характера по прекращению дальнейшего развала государственных структур СССР и дискредитации органов его государственной власти. Так вызревало в кругу достаточно близких к Горбачёву людей то, что осталось в истории под названием «Государственный комитет чрезвычайного положения» (ГКЧП).

На наш взгляд, события, связанные с его организацией и непосредственными действиями, складывались, по меньшей мере, несколько странным образом. В поздний полдень 19 августа 1991 года пять лично знакомых Горбачёву высокопоставленных функционеров вдруг неожиданно для него приезжают в его резиденцию в Форосе на берегу Чёрного моря, где он отдыхал вместе с семьёй. Это были первый заместитель председателя Комитета обороны СССР Олег Бакланов, председатель Промышленной палаты СССР Александр Тизяков, член Политбюро КПСС Олег Шенин, командующий сухопутными войсками СССР генерал Валентин Варенников, помощник Горбачёва Валерий Болдин и начальник личной охраны президента СССР Юрий Плеханов.

Они предлагают Горбачёву официально передать все властные полномочия вице-президенту СССР Геннадию Янаеву. Тот должен был объявить военное положение с тем, чтобы приостановить процесс развала

государства и восстановить предусмотренный законом конституционный порядок. При этом Бакланов прямо заявил Горбачёву: «От вас лично ничего требоваться не будет. Мы сделаем всю чёрную работу». По свидетельству Джерри Хью, «некоторые из членов этой группы действительно считали, что Горбачёв согласится с их предложением. В действительности, однако, реакция с его стороны оказалась исключительно враждебной и агрессивной».

Кроме вышеупомянутых лиц, в событиях вокруг ГКЧП приняли участие: председатель Верховного совета СССР Анатолий Лукьянов, председатель Совета Министров СССР Валентин Павлов, министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр внутренних дел Борис Пуго, председатель Аграрной партии Василий Стародубцев, председатель КГБ СССР Владимир Крючков, его первые заместители В. Грушко и Г. Агеев, а также генерал КГБ В. Генералов. Неофициально считалось, что Крючкову принадлежала наиболее важная роль в деле организации ГКЧП. Из всех его членов, однако, после неудачи с ГКЧП с жизнью простился лишь министр внутренних дел Б. Пуго. Произошло это 21 августа ночью при так и не выясненных до конца обстоятельствах. Официальная версия - «самоубийство». Такое же объяснение дали также и загадочной смерти Маршала Советского Союза и советника Президента СССР по военными вопросами С.Ф. Ахромеева, вроде бы покончившего собой утром 24 августа в своём рабочем кабинете. «Странным до нелепости было это самоубийство, - пишет в своей книге «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств 1945-1991» А.П. Шевякин, - повесился сидя, с двух попыток. Это случилось после того, как маршал подготовил текст своего выступления на Верховном Совете, призывая депутатов остановить развал государства». А несколько позже, 26 августа, почему-то «выбросился из окна» своей квартиры на пятом этаже управляющий делами ЦК КПСС ещё с андроповских времён, член ЦК КПСС, народный депутат СССР Н. Кручина, читаем на следующих станицах той же книги.

Далее в книге содержатся интересные данные о том, как «при загадочных обстоятельствах» умирали советские разведчики и сотрудники спецслужб, которые «слишком талантливо выполняли свои обязанности, чересчур глубоко копнули и предоставили в КГБ сведения об иностранной агентуре влияния в СССР». Исключительно любопытным является также наблюдение автора о том, как к началу политического курса перестройки чуть ли не в «организованном порядке» вдруг вымерла от той же самой, «острой сердечной недостаточности» целая группа высокопоставленных военных СССР и стран тогдашнего Варшавского договора. 20 декабря 1984 года скончался министр обороны СССР маршал Д.Ф. Устинов, 15 января 1985 года - министр обороны ЧССР Мартин Дзур, 2 декабря 1985 года - министр обороны ГДР Ганс Гофман, а 15 декабря 1985 за ним последовал и его венгерский коллега, министр Иштван Олах.

Причём если в отношении первых двух из них всё-таки можно сказать, что они были уже «в возрасте», то Дзур взял да скончался «скоропостижно» в возрасте всего лишь 65 лет, а Олах - на 59-м году жизни. Бывает, конечно, всякое, но почему бы и не призадуматься над

столь большими «случайными совпадениями».

* * *

Утром 19 августа советское телевидение сообщило о том, что в связи с заболеванием Горбачёва власть временно переходит в руки Государственного комитета чрезвычайного положения (ГКЧП), а функции президента будет выполнять вице-президент Геннадий Янаев.

От имени Комитета в ряде общественных мест Москвы были размещены войсковые подразделения и танки. По всей видимости, это следовало бы воспринимать как проявление силы.

События последующих дней показали однако, что у машин фактически не оказалось полагающегося боекомплекта как горючего, так и боеприпасов. У солдат не было патронов даже для личного оружия.

Если у Комитета действительно были серьёзные намерения, то подобная нерешительность с его стороны остаётся просто трудно объяснимой. В конечном итоге она, очевидно, и стала основным фактором, вызвавшим неудачу всего начинания. Кроме того, жизнь самих танкистов и солдат подвергалась просто смертельной угрозе, когда в последующие дни набравшиеся смелости при виде такой нерешительности ударные группы боевиков-«демократов» стали буквально засыпать неподвижные машины и находящихся в них и вокруг них людей бутылками с зажигательной смесью, неизвестно откуда появившиеся у них.

19 августа ТАСС распространила от имени Комитета «Слово к советскому народу». Основное место в нём уделялось патриотизму и необходимости восстановления предусмотренного Конституцией и законодательством страны правопорядка.

«Намечается активизация экстремистских сил, стремящихся к ликвидации Советского Союза, разрушению государства и захвату власти любой ценой», - указывалось в «Слове». Далее в нём подчёркивалось, что крайне неудовлетворительные попытки «реформировать» экономику являются делом авантюристов. Они привели лишь к подрыву уровня жизни преобладающего большинства населения и к расцвету спекуляции и «теневой экономики». Подрывается авторитет и престиж Советского Союза. ГКЧП брал на себя обязательство «очистить улицы от преступников, положить конец ограблению богатств народа», восстановить трудовую дисциплину и правопорядок. Указанный документ объявлял также, что будет проведена всенародная дискуссия о содержании нового Союзного договора.

Вечером 19 августа от имени Комитета была дана пресс-конференция для иностранных и советских журналистов. Общее впечатление от неё осталось странное, организована она была довольно неумело, а принимающие в ней участие представители Комитета проявляли нервность и нерешительность. Таким, в целом, выглядело и общее поведение Комитета. За все три дня его существования все западные информационные агентства - от СНН до Радио «Свобода» - вполне

беспрепятственно распространяли свои комментарии и видение происходящих событий и даже открыто выступали в поддержку Ельцина.

Что касается самого Ельцина, то по отношению к нему всё это время не было предпринято абсолютно никаких мер. Более того, ему и его сторонникам была дана возможность сконцентрироваться и укрепиться в здании русского парламента. Высшим военным разрешалось разговаривать по телефону и вполне свободно встречаться с ним в том же здании парламента Российской Федерации.

Всё время Ельцин и остальные лидеры «демократов» беспрепятственно делали всё более сенсационные заявления для СМИ Запада. Им не только дали возможность укрепиться в здании парламента и соорудить баррикады вокруг него, но также и организовать активную поддержку себе со стороны некоторых военных частей и подразделений. Против них не было предпринято ровно ничего.

Непосредственно наблюдавшие за ходом событий специалисты из стран Запада, например, автор книги «Конец советской военной машины» Вильям Е. Одэм, выражают искреннее удивление в связи с тем, что «как днём, так и ночью с 19 на 20 августа на здание парламента так и не было предпринято никакого наступления, организованного кем-то из высшего военного командования». Несколько лет спустя, «демократ» Ельцин, уже в бытность президентом «независимой» Российской Федерации не поколебался подвергнуть артобстрелу из танков прямой наводкой то же самое здание Верховного совета, в котором заседало большинство депутатов во главе с его председателем Хасбулатовым. Как известно, они выражали несогласие с политикой Ельцина.

Исключительно показательно при этом то, что «демократический» обстрел здания парламента вызвала недвусмысленное одобрение со стороны, очевидно, настолько же «демократических» лидеров стран так называемого «свободного мира».

* * *

Решающим моментом для исхода августовских событий была ночь с 20-го на 21-е августа. И по сей день идут разговоры о том, что якобы имелся какой-то план захвата здания парламента. Однако, если он и был, то к нему так и не приступили. К тому же на следующее утро люди, занимающие наиболее авторитетные позиции в Комитете - Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков, - противно всякой логике для начинаний подобного рода, снова отправляются на берег Чёрного моря. Вместо того чтобы оставаться на своих местах и работать, используя всю находящуюся в их руках огромную власть, стараться овладеть положением, они вновь безрезультатно пытаются уговорить Горбачёва. Для чего? Чтобы вместе с ним противостоять Ельцину. По мнению многих, действия ГКЧП доказывали всего лишь то, до чего мало усилий действительно требовалось, чтобы восстановить законный порядок. Однако на сей раз Горбачёв и вовсе отказался с ними встретиться.

Вместо того в два часа ночи 22 августа в сопровождении вице-президента Российской Федерации Руцкого (в то время являющегося союзником Ельцина) он прилетает на президентском самолёте в Москву. Вместе с ним летит и Крючков. По Джону Б. Дэнлоппу, он согласился на это взамен на обещание, что ему будет предоставлена возможность делать заявления наравне с Горбачёвым. Но после приземления самолёта Крючкова тут же арестовали.

По возвращении в Москву Горбачёв формально восстановил свою власть. В действительности, однако, она всё больше ускользала из его рук и на деле переходила к Ельцину. В 9 часов утра 22 августа Министерство обороны СССР отдало приказ о выводе из Москвы и без того оказавшиеся бесполезными войсковые подразделения. Это и был конец всей развернувшейся трёхдневной «драмы», оказавшейся настолько невероятной как по своему замыслу и сценарию, так и по непосредственному исполнению.

Как уже отмечалось, многие обстоятельства вокруг неё так и осталось невыясненными до конца. И всё же прошедшее с тех пор время дало возможность внести хотя бы несколько уточнений. Так, например, уже с точностью выяснилось, что участники в ГКЧП первоначально считали, что Горбачёв на их стороне и их поддержит. Соответствующим образом они пытались убедить в этом и Ельцина.

Когда же Горбачёв, образно говоря, вытащил этот «коврик» из-под их ног, они буквально впали в панику, поскольку у них самих вовсе никакого намерения и плана взять власть не было. Также, оказывается, не было и готовности арестовать Ельцина и его основных сподвижников, принять меры по нейтрализации лагеря «демократов» и приступить в дальнейшем к каким-либо более решительным и целенаправленным действиям. Но, поскольку у непосредственных участников данного начинания не было как соответствующего плана, так и нужной воли к успеху, в конечном итоге вполне естественно было ожидать и его неудачу.

Сами события августа 1991 года ещё в то время вызвали довольно много запутанных и противоречивых оценок и мнений. В мире было немало истинных демократов (на этот раз без кавычек), которые были искренне против объявленного тогда военного положения. Они всё ещё находились под прежним впечатлениям, что начавший «перестройку» Горбачёв был «хорошим», а его противники - «плохими». На основании такой весьма широко распространённой общественно-психологической установки, правительства Запада и их средства массовой информации выработали как свою официальную позицию, так и пропагандистскую версию о происходящих событиях как о «путче» и «попытке переворота». На таком общем отрицательном фоне нарочито рельефно и внешне впечатляющим образом на передний план выводилась фигура Ельцина. Стоящий во весь рост на броне танка (как В.И. Ленин у Финляндского вокзала), с мегафоном в руке, окружённый «преданными защитниками» Российского парламента, непосредственно руководящий «сопротивлением народа» против «поправших законность» «узурпаторов» - таким «сущим

героем демократии» предстал в те дни Ельцин перед миром в «зеркале» буржуазной политики и буржуазных СМИ.

Однако за время после упомянутых событий ряд известных историков предпринял несколько серьёзных исследований по этой теме. В 1996 году, например, Эми Кнайт издала в Принстоне книгу «Шпионы без прикрытия». В ней основательным сомнениям подвергается достоверность всех получивших очень широкое распространение версий, преимущественно пропагандистского типа, в стиле популярной в США телепередачи «Канал для истории». Вступая в полемику со всеми известными взглядами на этот счёт, она прежде всего обращает внимание на такое существенное обстоятельство, что государственным переворотом, по сути дела, является незаконное силовое смещение легитимно существующего, в соответствии с действующей конституцией, правительства. Каким бы очевидным оно ни казалось на первый взгляд, о нём почему-то всё время забывали и замалчивали. Но оно говорит как раз о том, что, в соответствии с данным обстоятельством, ГКЧП, выходит, вовсе не собиралось свергать правительство СССР (поскольку он сам являлся этим правительством).

Другой приём, получивший особо широкое распространение в западной пропаганде, состоялся в распространении представлений о руководителях ГКЧП как о бездарях и трусах. Однако, несмотря на то, что в ходе событий августа 1991 года с их стороны было допущено множество ошибок, у всех них были, несомненно, исключительно богатые и часто драматичные политические биографии, не дающие никаких оснований воспринимать их как людей слабохарактерных, слабонервных или глупых. Многим из них не раз приходилось прибегать, к тому же не без успеха, к применению военной силы.

По Дэнлопу, это были «люди серьёзные, имеющие вполне ясные и не терпящие компромиссов намерения». К примеру, Крючков, работал под руководством Андропова в советском посольстве в Венгрии в 1956 году и имел непосредственный опыт подавления контрреволюции. Кроме того, как это документально доказано в книге Эми Найт, сама идея введения военного положения принадлежала не только членам ГКЧП. В продолжение всего 1991 года, предшествующего событиям августа, сам Горбачёв несколько раз говорил о варианте введения военного положения. Кроме того, идеи, выдвигающиеся Комитетом, пользовались исключительно широкой поддержкой среди советского общества тех дней.

Это подтверждают и такие ведущие специалисты США по вопросам «путча», как тот же, не раз упомянутый нами, автор книги «Возрождение России и конец Советской империи» Джон Дэнлоп. По его данным, даже члены окружения Ельцина считали, что, по крайней мере, 70% всех местных кадров управления самой Российской Федерации, независимо от того, являлись они коммунистами или нет, на деле были против него. Две трети общего числа райкомов партии открыто заявили о поддержке ГКЧП, а оставшиеся предпочли занять выжидательную позицию - «поживём-

увидим». Действительно отрицательное отношение к Комитету было замечено лишь в трёх прибалтийских республиках, в Молдове и Киргизстане. Результаты опросов общественного мнения, проведённых Академией общественных наук при ЦК КПСС за неделю до 19 августа, показывали, что огромное большинство людей выступали за сохранение СССР и государственного контроля над экономикой.

* * *

На таком общем фоне событий весьма показательное значение приобретают появившиеся доказательства того, что и сам Горбачёв далеко не был таким «неосведомлённым» об их подготовке и проведении, каким его представляют или сам он старался себя представить впоследствии. По свидетельствам Анатолия Лукьянова, бывшего тогда председателя Верховного Совета СССР, давнего приближённого и даже приятеля генсека, Горбачёв выразил согласие с идеей и планом ГКЧП при условии их одобрения Верховным Советом.

Историк Антони Д'Агостино, автор изданной в 1998 году книги «Революция Горбачёва», считает, что такие утверждения Лукьянова «нельзя легко опровергнуть». Мнение военного специалиста Вильяма Одэма также сводится к тому, что «версию о причастности Горбачёва к августовским событиям никак нельзя полностью отвергнуть». Тот же Джон Дэнлоп, в ходе своих подробных исследований «путча», приходит к выводу, что имеется «слишком много трещин и брешей в его более поздних попытках оправдаться». Многие другие исследователи тоже приходят к заключению о наличии значительного числа фактов, подтверждающих тезис о причастности Горбачёва к организации августовских событий.

Эми Найт в США считают известным специалистом по деятельности КГБ. Она - сотрудница научно-исследовательского центра при Конгрессе, а также университета Джона Гопкинса, к услугам которого часто обращаются разные внешнеполитические ведомства США. Ей принадлежит версия о том, что Горбачёв определённо стремился превратить КГБ в «искупительную жертву» всего, что происходило в государстве. По её мнению, его планы и расчёты по отношению к ГКЧП, с одной стороны, сводились к тому, что если при помощи широкой поддержки со стороны общества ему удастся установить контроль и положить конец распаду Союза, сам он вновь останется на гребне событий. В случае же неудачи он намеревался возвратиться в Москву и всех арестовать.

Во всяком случае, для него, кажется, было важнее всего оказаться «чистым» при любом развитии ситуации.

По мнению Джерри Хью, «ни в коем случае не следует пренебрегать и возможностью, что сам Горбачёв мог создать впечатление о том, будто желает осуществления «путча». Хью склонен считать, будто «непосредственные руководители ГКЧП были убеждены: Горбачёв, пользуясь своими полномочиями, придаст законную форму тому, что ими

было сделано. Из-за этого они и действовали таким образом, чтобы, по возможности, избежать каких-либо жертв, которые, без сомнения, привели бы к дополнительным осложнениям процессов возможного дальнейшего примирения».

Кроме того, очевидно, Горбачёв и сам был заинтересован в том, чтобы действия «заговорщиков» были с начала и до конца как раз такими «примирительными», что уже никак не вязалось с их ролью зачинщиков «военного переворота». Он никак не хотел, чтобы его блистательная репутация «демократа и миротворца» на Западе оказалась хоть как-то запятнанной и пострадала, если вдруг выйдет, что именно он стоит за инициативой о введении военного положения. А его поведение в летней черноморской резиденции в Форосе, равно как и его прямо «чудесное» возвращение в Москву на собственном президентском самолёте, к тому же в сопровождении тогдашнего заместителя Ельцина, буквально через два дня после начала «переворота», наглядно указывает на то, что в действительности он не только не находился в обязательной для «свергнутого» государственного деятеля изоляции, но, по всей видимости, был прекрасно информирован, похоже, из самых первых рук, обо всех подробностях и нюансах происходящего.

Исключительно показательным является также и то, что к разным вариантам возможного введения «военного положения» возвращались ещё несколько раз после событий августа 1991 года и ареста «заговорщиков» из ГКЧП. В этой связи Вильям Одэм приводит слова министра обороны СССР того времени маршала авиации Е.И. Шапошникова, который утверждает, будто в начале ноября того же года Горбачёв заявил ему, что военный переворот явился бы «возможно, наилучшим выходом из сложившегося положения». А в декабре Горбачёв уже открыто обращается непосредственно к военным с призывом поддержать его против Ельцина. И эта его попытка, как и все другие, так и не привела ни к каким существенным результатам. Однако само наличие подобного образа мышления, по крайней мере, для научных исследователей, является довольно веским доводом в поддержку возможной причастности Горбачёва к августовским событиям 1991 года.

* * *

Может быть, когда-нибудь всё же выяснится более определённо, в чём эта причастность состояла, и какие цели она в конечном итоге преследовала.

А пока попробуем всё-таки продолжить далее наши рассуждения на основании имеющихся ныне данных. Их суть в основном сводится к тому, что даже если они и были осуществлены всего лишь с молчаливого согласия тогдашнего Президента СССР, то и тогда действия ГКЧП, даже в плане чисто юридическом, довольно трудно можно было определить как государственный переворот, поскольку они являлись действиями самого правительства.

Но здесь возникает весьма существенный вопрос: «А зачем,

собственно, Горбачёву понадобилось сначала сделать так, чтобы члены Комитета поверили в то, что он их поддержит, а затем - уже официально - отказаться и отойти от них?»

Это важно выяснить, поскольку такое поведение Горбачёва, с одной стороны, определённо подталкивало, а с другой - очевидно обрекало действия Комитета на провал.

По мнению Хью, вторую часть действий Горбачёва легко можно объяснить большой зависимостью его политической позиции, да и личной судьбы как политика, от отношения Запада. В самом СССР общественная поддержка его личности и его политического курса таяла на глазах и в плане статистическом скатывалась до минимальных величин. К августу 1991 года поддержка со стороны Запада осталась уже чуть ли не единственным ресурсом как его политики, так и его собственного положения. Как только выяснилось, что отношение западных правительств к ГКЧП резко отрицательное, вполне естественным было ожидать и того, что Горбачёв сразу постарается умыть руки и изменить свою позицию на прямо противоположную.

Гораздо более запутанной, но и более богатой с точки зрения информационной является, однако, первая половина действий Горбачёва во время августовских событий, о которой уже была речь. О ней СМИ Запада предпочитают хранить молчание. Однако нам кажется уместным поставить вопрос о том, смогли бы ГКЧП положить конец процессам разрушения государства, если бы его руководителям удалось обеспечить необходимую законную основу предпринятым им действиям.

Такие соответствующие закону обоснования образования ГКЧП и принимаемых им решений на деле были уже почти полностью достигнуты, и фактом этого никак нельзя пренебречь. Так, военный аналитик Вильям Одэм прямо отмечает, что успешное доведение «переворота» до конца являлось вопросом очень короткого времени.

И всё же - мог ли Комитет всё же приостановить разруху и предотвратить распад Союза?

Попытку дать ответ на вопросы такого рода делает Джон Б. Дэнлоп. По его оценке, непосредственные организаторы и деятели ГКЧП являлись «настоящими коммунистами, действительно добивающимися возврата политики перестройки страны к целям, методам и намерениям её начального периода 1985-87 гг.». Однако политические убеждения и стремления самого Горбачёва в 1991 году, очевидно, уже полностью отличались от первоначальных. Таким образом, даже если в какой-то момент он и примкнул бы к ним, то их пути, несомненно, разошлись бы вскоре после этого.

На наш взгляд, с тем, чтобы остановить процессы уничтожения общесоюзного государства, в первую очередь следовало бы:

1) вырвать средства массовой информации из-под контроля яковлевских антисоциалистических и антикоммунистических сил;

2) устранить из политической жизни Ельцина и его «демократов», открыто добивающихся реставрации капитализма и развала Союза;

3) отменить экономические реформы Горбачёва, прокладывающие дорогу как криминальной «второй экономике», так и всяких мастей сепаратистам и реставраторам капитализма.

А в августе 1991 г. дела уже реально обстояли таким образом, что, по крайней мере, в некоторых частях СССР осуществление подобных целей или даже одна их постановка были просто немыслимыми без готовности применения силы, в том числе, и с риском развязывания настоящей гражданской войны. Истина, однако, обязывает дать себе ясный отчёт в том, что в силу ряда причин и обстоятельств, часть которых мы попробовали выяснить в ходе предыдущего изложения, в стране к данному моменту просто не оказалось нужного числа обладающих силой и властными возможностями людей, способных принять решения такого типа. Вместе с тем, кроме одной силы, для их успешного разрешения были нужны также и многие другие качества, а также тонкое политическое чутьё и даже наличие таланта быстро ориентироваться и действовать в конкретно сложившейся ситуации. За прошедшие десятилетия, в той или другой степени, такие качества обнаруживались у немалого числа советских руководителей времён Ленина, Сталина, Андропова и даже Брежнева на более ранних этапах его правления.

Так, например, если бы деятели ГКЧП не тешили себя напрасными иллюзиями и не теряли драгоценное время на полностью бесполезные, а под конец и вовсе вредные переговоры с Горбачёвым, а прямо обратились к армии, её подразделениям и к трудящимся с призывом поддержать восстановление конституционного правопорядка и авторитета советской власти, то такие цели вполне могли бы оказаться достижимыми, к тому же практически бескровным способом.

В целях приостановить набирающий силы процесс хаотического распада государства и установить контроль за ходом событий также можно было, вероятно, прибегнуть в данный момент к известной тактике Ленина о предоставлении возможности «отмежевания на определённых условиях» республик Прибалтики. Вместе с тем, с остальными членами Союза, где сепаратистские тенденции всё ещё были незначительными, следовало бы спешно оформить и принять новый Союзный договор.

ГКЧП также мог бы принять специальную срочную антикризисную экономическую программу, с тем, чтобы восстановить систему централизованного планирования народного хозяйства и обеспечить немедленный выход из финансового кризиса, приносящего массу материальных трудностей и проблем и огромные ежедневные страдания десяткам миллионов трудящихся по всей стране.

Как известно, ничего подобного на деле не было осуществлено. Вместо того августовский кризис предоставил вполне реальную возможность Ельцину полностью установить свою власть в России. После этого он приговорил к уже официальной ликвидации и так давно

агонизирующую КПСС, на счёт которой списали также и организацию провалившегося августовского «путча». Теперь у Ельцина была уже беспрепятственная возможность приступить к осуществлению главной цели «демократии» - полному уничтожению Советского Союза. Это и был настоящий государственный переворот.

* * *

Здесь хочется привести примечательные итоги событий августа 1991 года, которые приводит в своей книге «Конец Советской военной машины» В. Одэм, непосредственно присутствующий в то время в СССР и наблюдавший за их ходом и развитием. «До кризиса руководители ГКЧП занимали наиболее ответственные и важные позиции в стране, - пишет он. - После августа 1991 года в системе центральных структур больше не оставалось ни одного поста или личности, обладающих какими бы то ни было полномочиями и возможностями, которыми можно было воспользоваться в целях укрепления СССР и его сохранения от окончательного разрушения и развала.

Заговорщиком и «путчистом» в действительности был Ельцин. К тому же - путчистом успешным», - таково недвусмысленное заключение Одэма.

Весьма примечательную дополнительную, хоть и несколько неожиданную информацию в этом плане даёт пространное интервью тогдашнего президента Болгарии д-ра Желю Желева программе «Навигатор» Первого канала Болгарского национального телевидения (БНТ) накануне посещения Болгарии президентом Бушем младшим 6 июня 2007 года.

Утром 19 августа 1991 года он собирался на работу, когда вдруг ему сообщили, что в Москве «что-то происходит».

«Я быстро побрился и пошёл в дом президентской администрации. Связи не было никакой, точной информации о происходящем тоже», - вспоминает Желев. - В 12.00 у меня был назначен обед с командующим Шестым (Средиземноморским) флотом США, который в то время (совершенно случайно!) был в Болгарии… Когда я возвратился после этого на работу, у меня уже сложилось твёрдое убеждение о том, что в Москве происходит антиконституционный переворот коммунистических сил», - не без гордости сообщает «первый демократическим образом выбранный» президент Болгарии, как обычно его принято величать.

«Связи с Москвой по-прежнему не было никакой», - продолжает Желев. Тогда знакомый местный олигарх (у которого, как говорят, имеются сильные связи с влиятельными сионистскими кругами) вдруг дал ему какой-то хитрый телефонный номер, по которому, как оказалось, он мог говорить… прямо с Ельциным.

По объяснениям Желева, такой номер был как-то сделан «накануне переворота без извещения об этом КГБ».

Хочется обратить внимание читателей на некоторые довольно

многозначительные обстоятельства всей этой истории. Так, например, выходит, что президент, так сказать, суверенного государства вполне может остаться без связи с каким-нибудь другим государством. А вот такая, к тому же вполне надёжная и постоянная связь вдруг, оказывается, есть у человека, от государственных дел вполне постороннего… Но если допустить, что в государстве «поменьше» ещё не такое возможно, то как объяснить подобную возможность в одной из самых могущественных «сверхдержав», где, как видим, тоже неизвестно кто и, очевидно, без ведома властей может держать постоянную связь с ответственными политическими деятелями по всему свету…

Но оставим читателей самих разбираться в реальной внутренней и международной обстановке, в которой разворачивались события в Москве в августе 1991 года. В той обстановке, кстати, сложилась и позиция тогдашнего президента Болгарии, безапелляционно осудившего «переворот» и выразившего безоговорочную поддержку Ельцину.

«Мы первые в мире пошли на это, - имеет все же основания гордиться этим Ж. Желев. - Все остальные государства, даже самые большие и могущественные, какое-то время как-то мешкали и предпочитали твёрдой позиции не занимать».

Дальше события уже пошли заданным ходом. Очевидно, не без дополнительного умысла, 6 ноября 1991 года, как раз накануне очередной великой годовщины, Ельцин продолжил свою «революцию», запретив деятельность КПСС и КПРФ на территории России и указом узаконил их роспуск.

(Подобные акты формально юридического характера, кроме всего прочего приводили за собой и действия по присваиванию их имущества и других активов.)

А 25 декабря 1991 года Горбачёв подал в отставку и официально прекратил, на сей раз окончательно, своё уже бессмысленное пребывание у власти и в политике. В тот же самый день в руки Ельцина перешёл и пресловутый «ядерный чемоданчик» президента, т.е. контроль над стратегическими и всеми прочими вооружениями СССР. Таким образом, он присвоил себе Вооружённые силы Советского Союза, структуры безопасности и остальные государственные институты ключевого значения, поменяв их названия и поставив их под шапку находившегося уже под его руководством «только русского» государства.

31 декабря 1991 года СССР прекратил своё существование. Это, по оценке Николая Рыжкова, одного из последних председателей его Совета министров, явилось «величайшей трагедией XX столетия».

Эпилог

В изданной в 1992 году книге Фреда Холлидея «Самый невероятный крах. Советский Союз, натиск рынка и конкуренции», - читаем следующее:

«Необходимо найти объяснение такого факта: как мог вообще

оказаться возможным развал столь могучей международной общности государств без явного признака наличия непосредственной угрозы извне в общепринятом понимании данного термина.

Она не была разорена в войне. Ей также не было брошено сколько-нибудь значимых политических вызовов и снизу, за исключением, может быть, определённого развития событий в Польше, которые, однако, тоже оставались всего лишь частным и, в общих чертах, изолированным случаем.

Несмотря на наличие множества проблем экономического и социального характера, эта система всё же ничем не показала, что является неспособной удовлетворять основные интересы и потребности своих граждан. Стало быть, она не рухнула и не развалилась в общепринятом смысле этих слов.

Тогда что же всё-таки произошло в действительности?

Прямо катастрофическое развитие событий в ней явилось, скорее всего, результатом действий собственного руководства этой самой могущественной страны социалистического содружества. Оно попросту решило направить далее развитие своего государства и системы в целом в совершенно другом направлении, в корне отличающемся от всего того, что было раньше. Так что происшедшие перемены вовсе не явились следствием нежелания населения находиться под прежней властью или результатом какой-то очевидной невозможности правящих кругов «продолжать управлять по-старому» (как гласит известное ленинское определение революционного кризиса)».

Существует множество взглядов насчёт причин и факторов, вызвавших разрушение Советского Союза. С большой долей уверенности можно заявить, что они, в принципе, выражают практически все имеющиеся нюансы и оттенки как политического, мировоззренческого и идеологического характера, так и точки зрения отдельных людей. Объяснения варьируются к тому же от прямо-таки фантастических полётов воображения до, иной раз, предельно сухих и трудных для понимания теоретических моделей, от безграничного оптимизма до полного отчаяния. Ряд этих концепций ничем не способствовал расширению уже имеющихся знаний по данным вопросам, другие внесли в них довольно весомый вклад. На основании конкретного изучения многочисленной литературы по этой проблематике нам кажется возможным предложить следующую классификацию её, в зависимости от степени чёткости обособления одних или других факторов исследуемых событий в качестве определяющих и основных.

На наш взгляд, такими являются следующие шесть разновидностей концепций, в основе которых соответствующим образом заложены взгляды и идеи:

1) о наличии в самой системе социализма определённых «трещин», слабостей и проблем;

2) о складывающемся в недрах самой системы широком недовольстве

народа, направленном против неё;

3) о факторах внешнего воздействия;

4) о контрреволюции, совершённой классом бюрократии;

5) о «недостаточной демократии» и «сверхцентрализации» советской системы;

6) о решающей роли «фактора Горбачёва».

Неоценимый вклад в работу по составлению представленной выше классификации принадлежит материалам и объяснениям к ним, содержащимся в книге Девида Котца и Фреда Виэра «Революция сверху. Разрушение советской системы».

Нам хотелось бы верить, что сам угол рассмотрения, подхода и окончательной формулировки каждой из этих концепций, равно как и имеющейся критики в их адрес, могут существенным образом дополнить общую картину подлинного хода происшедших событий.

* * *

На следующих страницах нашей книги мы попробуем подвести некоторые итоги насчёт того, чем конкретно проделанные нами исследования и обобщения расширяют объём знаний в этом направлении. Вместе с тем мы не намерены пристрастно оспаривать или подвергать голословным сомнениям правомерность существования любой из уже существующих концепций.

1. Сторонники первой из указанных выше категорий взглядов и теорий, как правило, считают, что причинами разрушения и развала социалистической системы являются ошибки «генетического плана», связанные с самим моментом её зарождения. По их убеждению, социализм в СССР появился якобы на «незаконной» основе. В силу этого он так никогда и не смог существовать и функционировать полнокровным образом, поскольку изначально противостоял самой природе человека и экономическим механизмам т.н. «свободного рынка».

Так, например, профессор Колумбийского университета и бывший посол США в СССР с 1987 до 1991 года Джон Мэтлок пишет в своей книге «Аутопсия одной империи» (1995) следующее: «Социализм, как его видел и определил Ленин, был обречён ещё с самого своего начала, поскольку строился на ошибочном понимании самой сути природы человека». В разных вариациях подобные взгляды разделяют такие исследователи, как Мартин Маллай, Ричард Пайпс и др. (в сборнике под редакцией Уолтера Лаккера «Неудавшаяся мечта», 1994 г.), Александр Даллин в «Причинах краха СССР» (напечатанной в 8-м выпуске за 1992 г. обзорного издания «Постсоветские проблемы»), Дмитрий Волконогов и др.

Разумеется, как у любой реально существующей и действующей системы, у советской тоже были проблемы и недостатки, требующие верных решений своего исправления. Некоторые из них действительно

были связаны с системой централизованного экономического планирования. К 1985 году такими являлись, например, недостаточное количество и качество некоторых видов товаров широкого потребления, спад производительности труда и рационализаторства, замедление темпов внедрения компьютеров и других достижений науки и техники, рост и распространение коррупции и незаконных частных способов наживы денег.

Другая разновидность проблем была связана с политическими аспектами системы. Так, некоторые её подходы и методы, которые оказались исключительно эффективными во время захвата и удержания власти, постепенно, когда речь шла о практике их успешного применения на протяжении длительных периодов времени, начинали выглядеть всё более проблематичными. Например, случаи известного дублирования одних и тех же функций в деятельности как партийного, так и государственного аппарата. С течением времени это всё ощутимее становилось помехой большей инициативы со стороны верхов, а деятельность низовых и местных организаций сводило преимущественно к советнической, консультантской и вообще вспомогательной. Таким же было положение и у профсоюзов и других массовых общественных организаций.

Кроме того, всё явственнее давали о себе знать и некоторые проблемы, связанные с явно устаревшей для условий развитого социалистического общества громоздкой, в несколько уровней, системой цензуры и контроля за печатными изданиями и материалами радио- и телепередач.

Ненужному отчуждению руководящих кадров партии и государственной власти от масс способствовали и далеко не всегда убедительно обоснованные привилегии материального характера.

Значительная часть всех этих проблем и их последующее обострение была связанной с реальностями ожесточённой «холодной войны». Она накладывала необходимость направлять огромные ресурсы на усиление обороноспособности страны и обеспечение поддержки многочисленных союзников за рубежом. Принимались и специальные меры и усилия по поддержанию высокого революционного духа и сознания широких народных масс, партии и государственного аппарата, для совершенствования норм и методов партийной жизни, по повышению уровня марксистской идеологии и системы партийного политического образования и просвещения в соответствии с требованиями современности. И всё это - наряду с никогда не прекращающимися усилиями по нейтрализации явно нарастающих бюрократизации и формализма разных секторов и уровней работы. Тем не менее, все эти проблемы ни в какой мере не могли вызвать какого-то более или менее осязаемого кризиса, не говоря о разрухе или крахе.

Так же трудно представить себе всю историю Советского Союза неким «неотвратимым» движением к всесторонней и всеобъемлющей разрухе, якобы вызванной, согласно постулатом данной теории, «роковой

оторванностью» его общества от неких «основополагающих характеристик человеческой природы» и будто бы «обязательной для всех» общественно-экономической системы западного образца, построенной на частной собственности и «свободном рынке».

Во времена Рейгана эти взгляды приобрели статус чуть ли не государственной политики, хоть вряд ли бы нашлось даже несколько серьёзных историков, готовых поставить свою подпись и имя под концепцией исторического детерминизма и «предопределённости» развития общества, основанной на таких особенностях природы человека.

Кроме того, теоретическая конструкция данного типа обнаруживает полную беспомощность, когда приходится объяснять, каким образом советский строй, например, смог успешно справиться с такими широкомасштабными проектами, как ускоренная индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, не говоря о победе над фашистской Германией в годы Второй мировой войны. И всё это - лишь для того, чтобы вдруг так неожиданно развалиться от несравненно менее значительных и маловажных вызовов и проблем к концу 80-х годов XX столетия.

* * *

2. Вторая, пользующаяся довольно широким распространением теория полагает, что советский социализм рухнул под натиском «народного недовольства» и общественной оппозиции.

Говоря по правде, сторонники этих взглядов во многом напоминают хватающегося за соломинку утопающего, поскольку среди многочисленных авторов научных исследований по данной тематике не найти буквально ни одного, склонного считать или берущегося доказывать тезис о том, что распад советского строя и государства произошёл в результате целенаправленных и широкомасштабных действий народного протеста и недовольства.

В действительности, данная концепция складывается преимущественно на основании впечатлений ряда публицистов, исследователей и общественных деятелей, скорее, о некоем собирательном, совокупном выражении нарастающего чувства разочарования среди интеллигенции, отдельных протестов рабочих, активизации деятельности националистов и победах, одержанных некоммунистическими кандидатами на выборах в ряде районов страны. К заключениям такого рода склоняются в своих произведениях Рой Медведев и Джульетто Кьеза («Время перемен. Взгляд изнутри на перемены в России», 1989); Элизабет Тийг («Судьбы рабочего класса» - в сборнике «Советский коммунизм - от реформы к краху», 1995); Стивен Вейт («Борьба национальных меньшинств за суверенитет», - в том же сборнике); Ицхак Брудный («Новое открытие России. Русский национализм и советское государство, 1953-1991, 1998; Элен д'Анкосс, («Конец Советской империи и триумф наций», 1994).

Без сомнения, у некоторых авторов из числа советской интеллигенции давно имелись определённые настроения разочарования и неприятия ряда важных, по их мнению, элементов и сторон существующей системы. По наблюдениям ряда исследователей, которые жили в то время в СССР, ещё в 80-е годы значительная часть экономистов, официально считающихся тогда ведущими, действительно относилась с сочувствием к идеям более широкого применения механизмов «свободного рынка». Майкл Эльман и Владимир Канторович считают, что вклад этих представителей интеллигенции в дело разрушения советской системы и государства неимоверно возрос после того, как их взгляды на роль частной собственности и «свободного рынка» оказались замечены некоторыми из ближайших сподвижников Горбачёва и стали важной составной частью его политики.

Разрушению советской системы, несомненно, способствовали также и кровавые беспорядки на межэтнической основе в столице Азербайджана Баку, вооружённый конфликт между Азербайджаном и Арменией за область Нагорного Карабаха, на которую у обеих республик были свои претензии, националистические волнения в Прибалтике, забастовки шахтёров.

Существенным фактором последующей антисоциалистической дестабилизации страны явилось также и образование так называемого «Блока либеральной оппозиции» в рамках Всесоюзного съезда народных депутатов (советского парламента).

Общей слабостью и основным недостатком фактов, якобы «подтверждающих» данную концепцию, было то, что все они в действительности происходили не с самого начала, а скорее всего - к концу горбачёвских «реформ». Иными словами, даже если недовольство народа в определённой мере действительно имело место, то оно было как раз следствием проводимой Горбачёвым и его окружением политики, а не причиной, вызвавшей необходимость её проведения. Таким образом, по весьма красноречивому замечанию одного наблюдателя, если «гласность» предоставила советским гражданам возможность критиковать, то «перестройка» дала им и причины для этого. По крайней мере, до 1985 года, когда Горбачёв пришёл к власти, в стране вообще не обнаруживалось сколько-нибудь существенных признаков народного недовольства.

Разумеется, что у советских граждан, как и повсюду в мире, была разная степень неудовлетворённости, а также жалобы на качество или количество определённых видов товаров, на случаи коррупции или на привилегии у вышестоящих. Наряду с этим, по данным социологических исследований того времени, большая часть населения Советского Союза не выражала недовольства общим положением и состоянием дел в стране. (По мнению исследователей Майкла Эльмана и Владимира Канторовича, степень положительных оценок и установок советских граждан была сходной с такой же оценкой отношения средних американцев к их стране). При этом граждане СССР, даже в период 1990-

1991 годов, когда уже поворот руководства страны к частной собственности, «механизмам рынка», к этническому и межнациональному разобщению страны стал явью, всё так же продолжали высказывать мнения в поддержку системы общественной собственности, контроля цен и сохранению целостности единого общенародного государства.

Так что имеются все основания ещё раз повторить вывод о том, что даже если к тому периоду и отмечалось определённое народное недовольство, то оно, скорее, было производным самой политики Горбачёва, нежели некой самостоятельной величиной или фактором, вызвавшим её появление в свет.

* * *

3. Согласно третьей из перечисленных выше теорий, разрушение Советского Союза явилось результатом «холодной войны» и следствием нарастающей «глобализации» мировой экономики.

Наиболее крайние взгляды в этом направлении сводятся к тому, что предательство по отношению к советскому социализму стало возможным по причине проникновения агентов ЦРУ в ряды советского руководства.

Такое проникновение и присутствие в действительности было гораздо значительнее, чем это могут себе представить не очень посвящённые в данную тематику наблюдатели извне. Исключительно интересными в этом плане являются данные, опубликованные в газете «Нью-Йорк таймс» 26 декабря 2001 года о том, что непосредственно перед 1985 годом со стороны ЦРУ, ФБР и других секретных ведомств США была осуществлена самая масштабная за всю историю их отношений с СССР акция по внедрению шпионов во все его структуры узлового значения. Вследствие этого как КГБ, так и ГРУ (Главное разведывательное управление Генштаба Вооружённых сил СССР) того времени во многих отношениях оказались «проеденными молью», т.е. заполненными агентами США.

Не исключено, что в будущем эта теория получит и дальнейшее развитие, особенно если обнаружатся документы, свидетельствующие о непосредственной причастности Яковлева, самого Горбачёва или кого-нибудь другого из их ближайшего окружения к агентурной сети США.

Однако, следуя внутренней логике нашего исследования, мы попробуем указать и на некоторые другие факторы внешнего воздействия, присутствие которых в конечном итоге сказалось не менее губительным образом на развитие дел в СССР, чем даже повышенная активность ЦРУ или ФБР.

В первую очередь здесь следовало бы напомнить о том, что, особенно при администрациях Картера и Рейгана, находящиеся под непосредственным контролем США части мировой экономики были «отмобилизованы» таким образом, чтобы максимально наращивалось давление на состояние народного хозяйства СССР и целенаправленно обострялись экономические проблемы и трудности, которые переживала

страна в то время.

Таким целям их политической стратегии в немалой степени способствовали, конечно, и возможности наметившегося к тому времени перехода узловых секторов капиталистической экономики на новую технологическую основу.

По этому поводу экономист Андре Гундер Фрэнк, автор исследования «Что конкретно не сошлось на социалистическом Востоке?» (опубликованного в «Гумбольдском журнале общественных отношений»), обращает внимание на то, что в поисках выхода из намечающегося мирового экономического кризиса администрации Картера и Рейгана стали на путь очередного значительного наращивания военных расходов. Это, со своей стороны, вынуждало также и СССР выделять больше средств на нужды обороны. Кроме того, кризис дополнительно обострял проблемы тех социалистических стран Восточной Европы, которые уже брали займы у банков Запада.

А исследователи проблем так называемого «информационного общества» Маннуэль Кастельс и Эмма Киселова считают, что наиболее важной причиной крушения СССР вполне могла оказаться его неспособность своевременно и эффективно ответить на требования и вызовы. («Конец советского коммунизма. Точка зрения «информационного общества». Университет Бэркли в Калифорнии, 1995 г.)

Наряду со всеми этими дополнительными трудностями экономического и технологического характера основным фактором внешнеполитического воздействия на развитие дел в СССР в выгодном для Запада направлении оставалась исключительно обострившаяся к началу 80-х годов прошлого столетия «холодная война» против него.

В действительности советскому обществу никогда за всю историю его существования так и не удалось даже на самое короткое время порадоваться «роскоши» свободного от угрозы внешней агрессии развития. Соответствующим образом расходы на оборону и на помощь союзникам за рубежом поглощали значительную часть средств страны, которые иначе могли бы пойти на удовлетворение большего числа потребностей и проблем населения.

По существующим вычислениям за время до 1980 года СССР ежегодно предоставлял своим союзникам за рубежом помощь в размерах 44 млрд. долларов. За тот же период на долю фактических расходов на оборону приходилось в среднем около 25-30% годовых экономических ресурсов страны. Правда, надо сказать, что некоторые западные эксперты тех дней считают, что официально обсуждаемые расходы СССР на оборону на деле являлись в 2-3 раза меньше действительных. Всё это наверняка и не могло быть иначе, поскольку к концу правления администрации Картера и с вступлением Рейгана в должность президента США случилось резкое обострение хода «холодной войны».

Обсуждая этот вопрос, автор с откровенно консервативными убеждениями Питер Швейцер в своей книге «Победа. Тайная стратегия

администрации Рейгана, ускорившая развал Советского Союза» (1994 г.), и исследователь с левыми взглядами Шон Джервази («Правда о дестабилизации Советского Союза», периодическое издание «Подпольные операции», 1990 г.) сходятся в заключениях на том, что Рейган, по сути дела, начал «вторую холодную войну», целью которой было расшатывание устоев СССР и его окончательное уничтожение, не гнушаясь при этом никакими способами и средствами. Центральное место в этой стратегии отводилось скачкообразному росту в два раза военных расходов США. «Будем заставлять их тратиться до тех пор, пока не обанкротятся», - примерно так понимал Рейган внешполитический смысл действий своей администрации, делая ставку на то, что и СССР окажется, в свою очередь, вынужденным предпринять соответствующие ответные шаги в области обороны. Начатыми во время Рейгана «новыми фронтами «холодной войны» являлись также программы типа «стратегической оборонительной инициативы» («Звёздные войны»), повсеместного наращивания помощи антикоммунистическим силам в Афганистане, Польше и везде в мире, организованного искусственного снижения цен на сырую нефть. Последнее особенно чувствительно ударило по финансовым интересам и планам СССР, поскольку он являлся одним из основных производителей и поставщиков нефти на мировом рынке. США в этой операции выиграли вдвойне, поскольку они большую часть нефти ввозят. Кроме названных, в ход было пущено и множество других мер экономического и психологического характера, не считая деятельность откровенно диверсионного направления.

Без сомнения, все эти крайне активные кампании внешнеполитического воздействия не могли не сказаться самым ощутимым образом на жизни советского общества. Последствия их также сильно поспособствовали разрушению социализма в СССР и в странах Восточной Европы.

Не случайно уже цитируемый здесь Питер Швейцер расточает похвалы в адрес тогдашнего президента США. «Крах Советского Союза неотделим от деятельности и политики Рейгана, явившегося победителем в «холодной войне», - пишет он по этому поводу в другом его исследовании, изданном в 2002 году в Нью-Йорке под названием «Война Рейгана». Однако ещё один американский автор Френсис Фитцджеральд весьма убедительно опровергает стремления приписывать подобную роль Рейгану («Неожиданная развязка: Рейган, «Звездные войны» и конец «холодной войны». 2000 г.). По его мнению, анализ хода событий в СССР тех лет не предоставляет абсолютно никаких доказательств в подтверждение того, что между последствиями факторов внешнего воздействия, и развитием явлений внутреннего кризиса имелась какая-либо связь.

Фитцджеральд доказывает, что даже такой резкий рост военных расходов США, как было сказано выше, в действительности не мог заставить советское руководство тоже встать на путь подобных разорительных в финансовом отношении ответных мер. Дело в том, что как тогда, так и позже действия Москвы в этом направлении, как правило,

основывались на гораздо более дешёвых мерах «асимметричного характера». Их основная идея состоит в том, чтобы не следовать «вслепую» за выдвигаемыми со стороны США проектами и программами в военной области, а стараться «опережать» их, заранее обессмысливая их практическое осуществление, например, путём дополнительного усиления степени уязвимости американской территории и т.д.

Многие высокопоставленные советские деятели того времени тоже склоняются в своих мнениях и оценках к тому, что ход «реформ» Горбачёва, а тем более - крах СССР не могли быть вызваны такой мерой внешнего воздействия, как повышение военных расходов США. На сей счёт Майкл Эльман и Владимир Канторович приводят в своей книге «Разрушение советской системы. Взгляд человека «изнутри» (1998 г.) слова высокопоставленного сотрудника советской военной разведки о том, что «идея, провозглашающая «перестройку» Горбачёва вроде бы следствием некоего особо успешного разворачивания военных программ США вроде «Звёздных войн» Рейгана и им подобных, с самого своего начала была состряпана на Западе. Лишь затем были предприняты уже исключительно энергичные усилия по её дальнейшему распространению во всём мире. Любому человеку, хоть мало-мальски знакомому со способами, которыми действительно принимаются решения в области советской политики, сразу становится ясным, что утверждения подобного рода являются полным абсурдом».

Ответственный сотрудник Института США и Канады АН СССР, играющий существенную роль в формировании внешнеполитической линии советского руководства, также подчёркивает, что ни «стратегическая оборонительная инициатива» («Звездные войны»), ни весь процесс гонки вооружений как таковой, не могли быть среди факторов, имеющих непосредственное отношение к самому акту развала Советского Союза».

Это, конечно, вовсе не означает, что таким образом дискуссию о роли и значении фактора гонки вооружений можно считать законченной или исчерпанной. И всё же нам кажется, что у большей части как аргументов, так и контраргументов её участников, так и остаётся до конца невыясненным основной её смысл и предназначение. Дело в том, что как бы действительно ни усиливался за последние годы внешний натиск со стороны США, он всё-таки вряд ли мог идти в сравнение с той степенью угрозы, какой являлись многочисленные акции экономических санкций и бойкотов, саботажей и открытой военной интервенции, которым СССР неоднократно подвергался за годы своего существования. Кроме того, какие бы формы ни принимал данный натиск извне, он никак не мог предопределять реакцию и контрмеры советского руководства в ответ на него.

Таким образом, в порядке заключения можно сделать вывод о том, что не столько проблемы внутреннего характера или какой-нибудь из факторов внешнеполитического, экономического или стратегического давления, сколько, скорее, способ реакции на них со стороны Горбачёва и

его окружения обернулся решающим фактором крушения всего государства и его общественно-экономического строя.

* * *

4. Четвёртая теория о крахе СССР связывает причины этого события, прежде всего, с имевшим место, по мнению её сторонников, процессом бюрократической контрреволюции. Эта концепция во многом напоминает взгляды Льва Троцкого 30-х годов.

Как известно, он считал советскую систему всего лишь «переходным периодом». В своём сочинении «Преданная революция» Троцкий развивает тезис о том, что если социалистическая революция окажется не в состоянии освободить себя от власти бюрократии, то сама бюрократия станет основой возвращения капитализма и даже превратится в «новый класс собственников».

Наверняка найдутся читатели, которые на основании непосредственного опыта своей жизни будут склонны считать, что явления и тенденции такого рода действительно имели место. Однако из них Троцкий и троцкисты делали неправомерные и неоправданные выводы о «невозможности» существования социализма в одной отдельно взятой стране. Взгляды такого рода в условиях уже одержавшей политическую победу социалистической революции на деле оборачивались ударом в спину и предательством самой революции и её дела.

В этой связи показательно также и то, что после политического устранения Троцкого и троцкизма за время правления Сталина в СССР так и не появилось никаких признаков какой бы то ни было антисоциалистической контрреволюции, будь она «бюрократического», «демократического», «либерального» или какого-либо другого подобного характера. Очевидно, Сталин и его руководство, кроме всего прочего, проявляли также и завидную способность каким-то образом учитывать в своей непосредственной практике идеи и взгляды своих политических противников и делать из них соответствующие выводы.

Условия для становления и засилья антисоциалистических тенденций сложились намного позже, по причине вполне сознательного и целенаправленного предоставления ничем неограниченных возможностей для деятельности враждебных социализму внешних сил и их всевозможных подсобников внутри страны.

В наше время идея о том, что бюрократия в советской системе превратилась в «новый класс собственников» путём проделанной «революции сверху» находит развитие в трудах Дэвида Котца и Фреда Виэра «Революция сверху» и конец советской системы». (1997 г.), Джерри Ф. Хью, «Демократизация и революция в СССР, 1985-1991 гг.». (1997 г.), Стивена П. Сольника «Украденное государство. Потеря контроля и крах советских институтов» (1998 г.). К ним можно добавить также и современного марксиста Бахмана Ассада и его труд «Факторы,

способствующие разрушению социалистического государства в СССР». Однако, в отличие от остальных, Ассад не рассматривает новое общественное формирование как отдельно обособленный класс.

Разумеется, взгляды каждого из перечисленных выше авторов требуют гораздо более подробного рассмотрения.

Книга Котца и Виэра «Революция сверху» содержит, кроме всего прочего, ряд убедительнейших доказательств достижений Советского Союза и подлинно демократических характеристик советского образа жизни. Наряду с этим, она даёт довольно подробное представление о том, каким образом Горбачёвым и его окружением было положено начало процессам возникновения и становления новых общественных групп и коалиций, связывающих своё существование и интересы с заменой системы социализма капитализмом.

Во главе откровенно антисоциалистического блока этих сил стал Ельцин. Пользуясь поддержкой значительной части «партийной и государственной элиты», ему удалось устранить со своего пути две основные группировки соперников - так называемых «социал-реформаторов» Горбачёва и всё ещё остающейся «старой гвардии» КПСС. Сам распад СССР как субъекта многонациональной Федерации в значительной степени стал возможным в условиях непрерывных конфликтов между блоками Ельцина и Горбачёва. Основной оплот антисоциалистических сил Ельцина находился, прежде всего, в самой России, в то время как Горбачёв и его «реформаторы» делали ставку преимущественно на структуры всесоюзного масштаба.

Подобное соотношение сил предполагало, что блок Ельцина сможет сохранить и расширить свою власть и осуществить полное восстановление порядков капитализма только при том условии, что ему удастся полностью оторвать Россию от СССР. А это, со своей стороны, не могло быть ничем иным, кроме начала распада всего Союза.

У идей и тезисов, которые Котц и Виэр развивают в своей книге, немало исключительно сильных сторон и попаданий, так сказать, в самую точку. Они, например, помогают понять и объяснить такую загадку: почему среди наших капиталистов и высокопоставленных чиновников, управляющих сегодняшней Россией, так много бывших членов КПСС и людей, занимающих ответственные руководящие посты в прежнем СССР? Каким образом могла произойти столь удивительная на первый взгляд трансформация?

А дело в том, что ещё в перестроечные времена довольно значительная часть так называемой «партийно-государственной элиты» просто восприняла лозунги и планы Ельцина о полной реставрации капитализма как руководство к действию, поскольку они давали больше гарантий для сохранения занимаемых ими позиций и привилегий, по сравнению со всеми остальными имеющимися платформами. Более того, переход страны к капиталистической системе обещал им перспективу стать «полноправными» собственниками, о чём нельзя было даже и

подумать в условиях социализма и СССР.

Быстрый провал попытки «Государственного комитета по чрезвычайному положению» (ГКЧП) в августе 1991 года внести свои коррективы в складывающуюся в стране кризисную ситуацию также можно рассматривать в качестве ещё одного доказательства массовой переориентации прежней элиты в сторону Ельцина и капитализма. А то, что в такой критический момент и «низы» и «верхи» (каждый из них по собственным причинам) отказали в поддержке и Горбачёву и руководителям августовского «путча», предопределило в конечном итоге политический крах как тех, так и других.

Видимо, этим можно объяснить сравнительно быстрый и относительно мирный процесс восстановления капиталистических общественно-экономических отношений в бывшем СССР. Но в этом же заключаются и причины того, что новоявленному капитализму на территории нынешней России так и не удалось стать более или менее эффективной и создающей хоть что-то системой.

У тезиса о бюрократической «революции сверху» есть и недостатки. Так, в обстоятельном исследовании Эльмана и Канторовича, основанном на интервью с рядом членов прежней партийной и государственной элиты, нет никаких данных, подтверждающих теорию, что советская система якобы была свергнута самими высшими функционерами партии и государства во имя замены их прежней власти и привилегий новым статусом, основанным на частной собственности и личном богатстве.

Конкретные исследования этого вопроса, скорее, указывают на весьма любопытное обстоятельство, что данный вид руководителей являлся просто неспособным к каким-либо коллективным действиям, будь они в защиту существующей системы или ради ускорения её краха… Эта «высшая бюрократия», если её вообще можно было воспринимать некой обособленной группой общества, всегда была слишком социально неоднородной и разбросанной по всей системе, чтобы сыграть роль некой организованной, объединённой политической силы.

Кроме того, если принять, что именно прослойка высокопоставленных служащих явилась решающим фактором, направившим ход развития страны к капитализму, как можно тогда объяснить такой факт, что и «перестройка» Горбачёва, и меры Ельцина, направленные на легализацию частной собственности и «свободного рынка», одинаково сильно ударили по интересам и положению союзной бюрократии, численность которой в то время неоднократно сокращалась.

Здесь следует напомнить, что на Западе понятие «бюрократия» воспринимается и применяется исключительно в качестве синонима чиновничьего управленческо-административного аппарата. В России же под «бюрократией», как правило, понимают плохой и неэффективный образ функционирования этого аппарата.

Данные о численности кадров управления в условиях прежней социалистической системы показывают, что они были в несколько раз

ниже соответствующих цифр больших компаний или государственного аппарата западных стран. Различия эти выглядят ещё масштабнее, если учесть, что данный аппарат при социализме обслуживал буквально всю экономику и общественно-политическую жизнь всей страны и всего её населения, а не только ограниченные интересы отдельных корпораций и непосредственно находящийся у власти класс капиталистов и владельцев крупной частной собственности.

По данным книги Котца и Виэра, общая численность «высшей бюрократии» и советской партийной и государственной элиты составляла примерно 100 тыс. человек. Если допустить, что они могли бы действовать некой организованной и независимой группой в защиту своих собственных интересов, то каким образом тогда можно объяснить столь очевидный парадокс, когда они с одинаковой готовностью поддерживали марксистско-ленинскую политику Андропова, ревизионизм Горбачёва и «неолиберальную шоковую терапию» Ельцина? Неужели все эти, в корне отличающиеся одна от другой идеологии, могли бы одинаково обслуживать собственные интересы бюрократии?

Кроме того, процесс разграбления активов государства его бюрократической элитой даже к 1987 году всё ещё находился всего лишь в зачаточном состоянии, несмотря на то, что уже имелись все признаки вполне преднамеренного активного разрушения КПСС. Феномен присваивания государственной собственности набрал силу только в 1990-1991 годах, когда было уже ясным, что у причин разрухи совершенно иные источники и что они не из среды аппарата партии и управления государством. Этот аппарат, скорее, пытался приспосабливаться к происходящим событиям, чем сам вызывать их или ими руководить. Была, конечно, и часть элиты, которая, стремясь к сохранению своей власти и привилегий, приняла самое активное участие в деле разграбления государственного имущества. Это, однако, не означает, что сама она была среди главных зачинщиков и организаторов данного процесса.

Основная идея книги Котца и Виэра не выдерживает также критики и ещё по нескольким направлениям. С одной стороны, она определённо недооценивает и умаляет значение внешнего давления империализма как фактора разрушения советской системы и государства. С другой - у авторов её немало иллюзий в отношении самого Горбачёва и его политики.

Так, например, несмотря на все уже имеющиеся неопровержимые факты, они по-прежнему продолжают называть его деяния революцией, а не контрреволюцией, как будто бы между этими двумя понятиями не существует коренного различия ни в их определении, ни в содержании. Нет практически никакой критики с их стороны и по поводу односторонних уступок Горбачёва перед прокапиталистическими силами внутри страны и мировым империализмом на международной арене. Уход из Кубы и Никарагуа, поддержка США и их союзников во время «войны в Заливе» и т.д. были далеко не тривиальными знаками в области внешний политики. В конечном итоге напрашивается заключение о том, что сама

постановка вопроса о якобы центральной роли бюрократической элиты в деле разрушения советской системы, как это представлено в сочинении Котца и Виэра, в действительности служит оправданием и доказательством невиновности роли самого Горбачёва в данном процессе.

Бахман Ассад в своей книге также поддерживает идею об антисоветской контрреволюции, организованной «бюрократической» элитой. Однако вместе с тем он также подвергает анализу целый ряд тендендций и событий политической истории СССР, во многом, по его мнению, подготовивших и сделавших возможным приход к власти Горбачёва и осуществление его разрушительного курса. Таким образом, сама идея о «бюрократической контрреволюции» у него постепенно уходит на задний план, уступая место исследованию других причинных факторов.

Ассад рассматривает основные периоды развития и главные достижения социализма в СССР - от «военного коммунизма» (1918-21 гг.) до «новой экономической политики» (1921-28 гг.), ускоренной индустриализации последующих лет, периода Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Настоящие проблемы, как он считает, начинаются с приходом к власти Хрущёва. Выдвинутая во время его правления на XX съезде КПСС в 1956 году модель «быстрого нарастания потребностей» и тенденции выравнивания трудовых вознаграждений за разное количество и качество труда обернулись впоследствии причинами появления дефицитов, спада темпов роста экономики и процветания «чёрного рынка» и коррупции.

Вдобавок к этому, на состоявшемся в 1959 году XXI съезде КПСС был принят тезис Хрущёва о том, что Советский Союз перешёл к «развёрнутому строительству коммунистического общества», что породило множество лживых иллюзий и неоправданного оптимизма. К тому же периоду дополнительно усилились и тенденции к неправомерному уравниванию оплаты труда и экономическому застою.

В свою очередь, одобрение со стороны XXII съезда КПСС в 1961 году идеи о превращении советского государства в «государство всего народа», а КПСС - в «партию всего народа», явилось недвусмысленным знаком дальнейшего ослабления руководящей роли Коммунистической партии как сознательного авангарда трудящихся и наращивания в ней влияния бюрократии и интеллигенции. Короче, по мнению Ассада, ошибки, допущенные во время Хрущёва, впоследствии привели к дальнейшему обострению проблем СССР и в конечном итоге - к возможности прихода к власти группы Горбачёва. Ассад считает, что Горбачёв и его политика являются «репликой» ошибок времён Хрущёва и следствием «сложившегося на протяжении почти 25 лет своеобразного «вакуума», когда, по сути дела, по разным причинам или предлогам снова и снова откладывалось осуществление ряда нужных обществу и ожидаемых им перемен».

Однако Ассад не идёт далее по пути самостоятельного анализа «явления Горбачёва» и его политики с тем, чтобы показать, каким

конкретным образом он усугубил и расширил ошибки, раньше допущенные Хрущёвым. Вместо досконального и скрупулёзного исследования причин и факторов, способствующих разрушению системы советского социализма, объяснения у него постепенно сводятся к следующему, довольно упрощенческому изображению происходящих процессов. Так, у Ассада подчиняющаяся Горбачёву государственная бюрократия просто-напросто, присвоив программу Андропова о качественном преобразовании экономики и общества, выхолостила её сущность и содержание, а потом и прямо перешла к предательству социализма и восстановлению капитализма.

На наш взгляд, как мы это уже неоднократно высказывали, основным фактором в данном процессе являлась не бюрократия, а преимущественно незаконные сектора и группировки «второй экономики». Именно её представителям с течением времени удалось коррумпировать и приобщить к этой системе значительную часть партийного и государственного аппарата. Именно «вторая экономика» была в основе становления той значительной прослойки мелкобуржуазного мировоззрения, образа жизни и мышления, которая совместно с определёнными частями партийно-государственной бюрократии сумела, в конечном счёте, обеспечить необходимую общественную базу поддержки Горбачёва.

* * *

5. Пятая теория о крахе СССР связывает такой ход развития с недостаточной степенью демократизации и якобы имеющей место «сверхцентрализацией» административной системы. У данной концепции довольно много общего с взглядами о чуть ли не «врождённых» недостатках и слабостях социализма, вызвавших в конечном итоге его крушение, о чём уже шла речь ранее.

Основная разница между этими двумя теориями состоит в том, что, согласно второй из них, все виды социалистических обществ, где бы и когда бы они ни появлялись, заранее обречены. Однако по постулатам первой обречён лишь социализм советского типа, к тому же исключительно из-за «недостаточной демократии» и «чрезмерной централизации» его системы. Сторонники этих взглядов утверждают, что корни данного состояния ведут к Сталину, а может быть, - и к Ленину. В плане общественно-политическом подобный образ мышления распространён преимущественно среди левых социалистов и так называемых «еврокоммунистов». Из числа научных исследователей в данном направлении работали известный историк Стивен Ф. Коэн, советский перестройщик Рой Медведев, а также представители некоторых коммунистических партий.

«Привлекательность» данной теории для определённой категории людей вполне могла бы состоять в том, что она как бы «освобождает» своего сторонника от любого чувства ответственности или обязанности, пусть даже теоретически, чем-нибудь отстаивать или хотя бы

высказываться в защиту советского социализма. Иными словами, человек может оставаться «верным» какому-либо варианту социалистического идеала, не ощущая себя при этом в чём-то «запятнанным» или «обременённым» ходом развития в СССР. На данной основе складывается весьма специфический способ мышления, основные содержания и «логику» которого коротко можно передать следующим образом.

«Реальный ход истории в действительности лишён особого значения. Не имеет значения и практический опыт той или другой из реально существующих социалистических стран. Смысл имеет только «незыблемость» социалистического идеала, его «чистота и незапятнанность», равно как и сам способ восприятия его со стороны той или иной из социалистических или коммунистических партий.

Всё, что происходит в Советском Союзе, остаётся лишь «там» и «тогда». Для нас важно то, что имеет место «здесь» и «теперь».

Советские коммунисты «там», по правде говоря, заварили немало «каши». Однако мы во многом отличаемся от них и являемся «умнее» их. У них всё как-то складывалось и шло слишком бюрократизированным, слишком недемократическим и сверхцентрализованным образом.

Мы, во всяком случае, «не такие», то ли вследствие того, что всё это нам было известно с самого начала, или просто мы смогли вовремя поучиться на их ошибках.»

Без сомнения, теория такого рода может оказаться весьма удобной для людей, проявляющих интерес всего лишь к отдельным состоявшимся или предстоящим событиям и действиям и не задумывающихся об их общем ходе, тенденциях и направлениях. Ясно, что возможности такого образа мышления к анализу и объяснению являются определённо ограниченными. Как ни странно, но среди наибольших, хоть и относительных достоинств данной теории, находится её… неточность. Сознательно или непреднамеренно, но её постулаты, как правило, построены таким образом, как будто их основное предназначение состоит в том, чтобы максимально лёгким образом «ускользать» от любой критики, не утруждаясь при этом поиском каких-либо более или менее убедительных аргументов своей истинности.

И действительно, какова цена, например, утверждения, что крах Советского Союза был вызван «сверхцентрализацией» или «недостаточной демократией» его системы? Содержится ли в нём идея о том, что социализм в СССР рухнул из-за отсутствия в нём политических и экономических структур и способов работы, присущих, скажем, некоторым западным странам социал-демократической направленности, например, типа Швеции? Или же потому, что в Советском Союзе не было «либеральной демократии» и «смешанной экономики»?

Или, может быть, неблагополучный ход дел в СССР являлся следствием недостаточной степени зрелости и развития того до тех пор никому не знакомого и нового вида социалистической демократии и также не известной никому другому из исторически существующих типов

общества экономической системы хозяйствования? Советская система, поскольку она была действительно реально существующим строем, в принципе, тоже была «смешанной». В отличие от экономик и обществ социал-демократического типа, это её качество, однако, не означало практически нескончаемого воспроизводства и нового утверждения основных принципов капитализма, а являлось, по сути дела, необходимым переходом к подлинно бесклассовому, социально справедливому общественному устройству - коммунизму.

Однако данная теория не ставит себе подобные вопросы. Более того, она вовсе не проявляет интереса к конкретному ходу исторических событий, а, скорее, пытается подменить их некой полностью идеалистической конструкцией, согласно которой они «верны» или «неверны», «существуют» или «не существуют» - в зависимости только от того, «соответствуют» они или «не соответствуют» определённой заранее выношенной идее.

Кто знает, может быть, старик Гегель отнёсся бы с гораздо большим сочувствием к подобным попыткам вновь возвысить над материальными факторами подобного рода «чистый дух» и «чистую идею».

Однако современные научные исследователи, вне зависимости от того, являются они марксистами или нет, обязаны ставить в качестве объекта своей работы единственно и исключительно конкретный ход реального развития событий, их внутреннюю логику и противоречия. Подобное понимание смысла и предназначения исследования истории полностью исключает любые попытки объяснения методов таких исследований с помощью привнесённых извне шаблонов из произвольно подобранных идей, критериев и стандартов.

Кроме того, сторонникам идеи о «развале» Советского Союза якобы вследствие отсутствия у него социал-демократической системы европейского типа, придётся дать ответ хотя бы ещё на один вопрос. Сам Горбачёв, как известно, разделял именно такой способ мышления и всячески старался толкнуть Советский Союз в сторону «либеральной демократии» и «смешанной экономики». Почему тогда эти идеи и усилия, в конечном итоге, привели страну в состояние такой политической и экономической дезорганизации и разрухи, из которых она и по сей день не может выбраться?

Однако такие вопросы, очевидно, создают неразрешимые трудности практически для всех сторонников теории о крахе СССР из-за «недостаточной демократизации» и якобы имеющейся «сверхцентрализацзии».

Вместе с тем, теоретики данного рода всё время как бы «забывают» о том, что процессы зарождения и развития демократии «либеральной» и демократии социалистического типа в корне отличатся друг от друга. Также различны они по своему содержанию и способам действия.

Первое, на что здесь необходимо обратить внимание, - могут ли вообще в плане историческом капитализм и ещё меньше «либерализм»

иметь какие-либо серьёзные претензии как на само понятие, так и на явление «демократии». Напомним только, что до второй половины XX века под демократией подразумевалась исключительно власть нижестоящих или угнетённых слоёв и классов общества. Соответствующим образом, все до тех пор утвердившиеся теоретики и мыслители в области политики - от Аристотеля до «отцов-основателей» США, - как правило, неизменно высказывались против демократии. Видимо, мало кто знает, что даже в XIX веке слово «демократ» в Америке ещё считалось бранным и служило консерваторам ярлыком для политических соперников всех мастей. Слово «демократия» вызывало в народе противоречивые чувства, и вы не найдёте его ни в одном важнейшем документе, написанном во времена зарождения американской государственности.

«Либерализм», в свою очередь, отстаивает «право на выбор» и «свободную конкуренцию». Выбор предусматривает присутствие разных политических партий на политической арене, а конкуренция - разных видов товаров на рынке.

Как в США, так и в других республиках либерального типа, сам разговор о демократии начался довольно поздно и происходил достаточно медленно и постепенно. К тому же сам смысл понятия и понимания «демократии» был совершенно иным. Оно воспринималось не как власть низших и угнетённых классов, а как возможность их участия в избирательном процессе. Причём права такого участия «делегировались» в определённых масштабах и постепенно исключительно со стороны господствующих классов.

В плане историческом в США, например, даже формальный доступ к выборам предоставлялся сначала некоторым категориям малоимущих или вовсе не имеющих никакой недвижимости граждан, потом - недавним рабам, а ещё позже - женщинам и молодёжи.

В силу как своих традиций, так и непосредственной истории, у социализма гораздо больше оснований претендовать на «демократию», чем у либерализма. Если либерализм признаёт и применяет ценности демократии лишь частично и постепенно, то социализм с самого своего зарождения воспринял её основное классическое содержание как власть угнетённых, нижестоящих классов общества.

С течением времени социализму приходилось развивать принципиально новые, невиданные до тех пор ни в каком другом обществе формы и механизмы участия рабочих и крестьян в непосредственном управлении общественной системой.

По оценке К.Б. Макферсона в его книге «Мир подлинной демократии» (изданной в 1972 году одновременно в Нью-Йорке и Оксфорде), важное место в этих процессах отводилось, например, увеличению удельного веса рабочих и крестьян в рядах правящей Коммунистической партии, повышению роли и совершенствованию деятельности Советов как органов непосредственной власти на всех уровнях, повышению активности и значения профессиональных союзов и других массовых организаций. Хотя

процесс становления социалистической демократии в СССР так и не был закончен, там успел сложиться и уже функционировал ряд по-настоящему уникальных политических механизмов и институтов, с помощью которых широкие массы трудящихся могли действительно активно участвовать в управлении страной. Значительная часть этого опыта применялась, развивалась и обогащалась в соответствии с местными условиями и в остальных странах социалистического содружества.

Также существенно отличалась от всей знакомой до тех пор практики роль печати в общественной жизни Советского Союза. Она была не только поставщиком своевременной информации и новостей, но выступала также и надёжным заступником соблюдения гражданских прав советских людей. Всё, что выносилось в прессе в качестве пожелания или рекомендации, на деле приобретало обязательный характер для руководителей всех уровней, имеющих отношение к данному факту. В условиях западной демократии подобные функции должен выполнять всего лишь один-единственный человек, так называемый «омбудсмен». Пусть читатели сами решат, какая из этих двух моделей представляла больше возможностей гражданам высказывать свои мнения и при какой из них можно было ожидать более ощутимых реальных последствий в смысле осуществления положительных перемен.

Кроме того, в условиях советского социализма у профсоюзов была вполне реальная власть принимать решения по обеспечению прав трудящихся, активно участвовать в деле определения трудовых норм и распределения разных видов общественных социальных фондов. Конкретное присутствие и участие трудящихся в органах и деятельности власти осуществлялось также и в ходе их работы в системе Советов, в разных видах производственных комитетов.

Необходимость перевода общества на военные рельсы в годы Великой Отечественной войны, естественно, притормозила на какое-то время развитие всех этих процессов. Однако уже к 50-м годам они вновь стали набираться сил. Несмотря на некоторые проявления формализма, общая тенденция к расширению возможностей непосредственного участия трудящихся в управлении страной продолжала утверждаться и развиваться и во время Брежнева.

По данным исследования группы советских авторов, опубликованного в 1978 году под заголовком «Реальный социализм взглядом рабочего класса», среди 260 миллионов населения страны к тому времени обнаруживались следующие политически активные группы: «16,5 млн. членов Коммунистической партии, 121 млн. членов профсоюзов, около 38 млн. членов Всесоюзного Ленинского союза молодёжи (комсомола)».

Число народных депутатов в разных видах выборных органов власти на местном, автономном, республиканском и всесоюзном уровнях превышало 2 млн. 35 млн. человек регулярно в добровольном порядке оказывали помощь депутатам. 9,5 млн. принимали активное участие на общественных началах в деятельности Народного контроля, имеющей исключительно широкие правомочия. 5,5 млн. человек являлись членами

так называемых «Общих комиссий по производственным вопросам» на разных предприятиях промышленности.

Возможно, некоторые читатели могут сказать, что нередко перечисленные выше формы общественной деятельности функционировали довольно формальным образом. Формально или нет, но все они имели место в существующей тогда общественно-политической, социальной и экономической системе. А то, в какой мере они срабатывали эффективно, в немалой степени зависело и от самой активности людей, от их профессиональной подготовки, качеств и морали.

В сложившейся после 1989 года системе капитализма для подобных форм широкого общественного участия в деятельности органов власти и управления не было уже вовсе никакого места, пусть даже в формальном виде, не говоря уж о реальном.

Разумеется, что и в данной сфере, равно как и во многих других областях жизни советского общества, существовали определённые, специфические для его реальной действительности проблемы. Тем или другим образом, в той или другой разновидности присутствовали они и сопровождали его развитие едва ли не с самых первых дней его возникновения. Однако показательно и то, что немалая часть этих проблем являлась следствием критики реального процесса социалистического строительства на основании сравнения его… с представлениями о «полном и законченном социалистическом идеале».

Такими являются, например, взгляды и ожидания о его воплощениях на самой высшей, коммунистической стадии общественно-экономического строя социализма. В них идёт речь о полностью бесклассовом обществе, основанном на общественной собственности на средства производства и преодолевшем все общественные противоречия и социальное неравенство между городом и деревней, между отдельными регионами страны и разными видами общественного, коллективного или индивидуального труда. В этом плане, как известно, идеал предусматривал, по известному определению Маркса, возникновение «свободной ассоциации свободных производителей», дающей возможности для полного и непосредственного участия широких народных масс в решении абсолютно всех вопросов внутренней и внешней политики.

Вполне естественно, чтобы у людей социалистического и коммунистического мировоззрения был такой идеал. Гораздо более странным является другое - то, что ещё в момент принятия решения о революции в октябре 1917 года почти сразу нашлись люди, противостоящие реальному движению к социализму с позиций… как бы «того же самого» социалистического идеала! Как известно, такие видные в то время деятели большевистской партии, как Каменев (Розенфельд) и Зиновьев (Апфельбаум) не только выступили против решения партии о взятии власти, но и опубликовали сведения о принятых решениях в буржуазной прессе. Причём в плане формальном «аргументы» в поддержку таких позиций и действий почти целиком строились на

заимствованиях из разных источников теории марксизма, согласно которым Россия, будучи относительно самой отсталой среди больших капиталистических стран того времени, не была готова к переходу к социализму.

Примерно таким же образом и впоследствии, на протяжении всех десятилетий существования советской власти, едва ли не каждое действие и решение с её стороны неизменно вновь и вновь оказывалось под огнём подобного рода критики, якобы исходящей из позиции и установок идеала. Ленина, например, почти сразу после Октября 1917 года объявили «изменником» делу международной солидарности и мирового пролетариата из-за заключённого Брест-Литовского мира с армией кайзеровской Германией, против которой в то время новорождённой Республике Советов просто нечем было противостоять.

Интересно, что критика этих действий Ленина иной раз появляется даже сегодня, хотя ещё тогда, всего за считанные месяцы после подписания Брест-Литовского мира, положение на Восточном фронте, да и в мире целом, в корне изменилось, и невыгодные для Советской России пункты договора просто потеряли свою силу.

Несколько позже, опять как бы с точки зрения «идеала», Ленин подвергался критике за якобы «несоциалистическую» политику, когда в послереволюционные годы принимались срочные меры для непосредственного спасения населения от голода и холода. После этого история повторилась, когда под его руководством был взят курс на длительное и прочное восстановление страны от послевоенной разрухи. Самое интересное, что наряду с обвинениями в «отступлении» перед капитализмом и буржуазией, его тут же прямо парадоксальным образом клеймили и за так называемый «красный террор», с помощью которого советской власти приходилось справляться с непосредственной военной угрозой и заговорами.

По той же самой формуле через некоторое время уже Сталин подвергался критике со стороны Троцкого и ряда других группировок в партии и вне её, за его концепцию о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, находящейся к тому же в полном вражеском окружении, за проводимый под его руководством курс на коллективизацию сельского хозяйства и ускоренную индустриализацию всей страны… За что только не критиковали руководителей страны и партии подобные «идеалисты»!

Правда, имеются неопровержимые доказательства прямой связи определённой части критиков подобного рода с враждебными социализму внешними силами. Ситуация в таких случаях предельно ясна и, как говорится, в особых комментариях не нуждается.

Гораздо сложнее обстоят дела, когда настрой на критику существующего социалистического общества сквозь призму «идеала» складывается в среде обычных граждан, непосредственно в нём живущих и пользующихся его вполне реальными благами и возможностями. Не

исключено, что в таких случаях вопрос зачастую приобретал насколько идеологическую, настолько и психологическую окраску. Так или иначе, явления такого рода неизменно сопутствовали развитию советского социалистического общества практически на всех этапах его существования.

Не то, чтобы в реальной жизни вовсе не было действительных причин для критики или, скорее, - поводов, способствующих появлению и распространению подобных настроений. Существовала, например, хоть и в ограниченных масштабах, система привилегированного, так называемого «спецснабжения и обслуживания» определённых групп партийных и государственных руководителей, семей и некоторых секторов административного и партийного аппарата.

Усилению чувства нарушения социалистических норм и принципов о равенстве в немалой степени способствовало и разрастание «второй экономики» и её коррупционного присутствия на всех уровнях партийной и государственной иерархии.

Иначе говоря, у процессов утверждения и развития социалистической демократии были, очевидно, как свои сильные, так и слабые стороны, как достижения, так и нерешённые проблемы. Сильная руководящая роль партии, например, оборачивалась и такой, определённо неблагоприятной «другой стороной», когда Советы зачастую приобретали преимущественно совещательные функции. Или, ещё хуже, превращались в своего рода «контору», где просто ставили соответствующую подпись под уже принятыми решениями.

Но, что особенно важно, в силу какой-то, ещё полностью не изученной «расширяющейся логики» массовых настроений, они, как правило, направлялись не столько против непосредственных их «раздражителей» и нарушителей существующих общественных норм, а «оседали» каким-то более или менее тайным и продолжительным ощущением несогласия… с самой системой социализма, его принципов и механизмов.

Таким образом, в конечном итоге постепенно складывалось и крепло странное явление, при котором десятки миллионов трудящихся и рядовых граждан страны всё больше были склонны если уж не сами рубить ту «ветвь дерева», на которой сидели, то, по крайней мере, пассивно созерцали, как это делает кто-то другой.

Исследователь Альберт Шиманski был, может быть, первым, сделавшим попытку начать серьёзное изучение этого и других подобных явлений в своём исследовании «Классовые основы политических процессов в СССР», опубликованном зимой 1978/79 года в прогрессивном издании «Наука и общество».

Разумеется, подобный углублённый подход к данной теме никак не мог понравиться всем тем, кому было легче, да и выгоднее, вовсю трубить о том, будто бы социализм в СССР рухнул из-за «нехватки демократизма» в его системе. К сожалению, анализ такого рода не оказался в центре внимания тех, кому действительно были дороги и близки судьбы

социализма и первого государства, в котором он победил.

Возможно, поэтому и сегодня, когда мы определённо отвергаем несостоятельные попытки «лёгких объяснений» столь серьёзных событий, перед нами всё так же продолжают стоять вопросы: «Почему всё-таки вообще стал возможным такой ход событий, при котором настолько могучее общество и система вдруг неожиданно распались - без наличия какого бы то ни было признака широкого недовольства народа, внутреннего кризиса экономики или прямой интервенции и агрессии извне?» Тем более непонятно и труднообъяснимо, что всё это могло произойти в стране, в которой десятки миллионов её граждан принимали активное участие в самых разных, реально существующих и действующих политических организациях и целом ряде других структур, составляющих систему управления государством.

Ещё более несостоятельным, чем идеи о «недостаточной демократии», является взгляд о якобы имеющейся «чрезмерной централизации» - как основной причине развала советской системы и государства. Советский Союз стал первой и единственной страной за всю историю человечества, где вся экономика работала на основе преимущественно общественной и государственной собственности на средства производства и централизованной государственной системы планирования экономики. Численность негосударственных или не полностью социализированных предприятий была крайне незначительной. То же самое касалось и ограниченного применения некоторых рыночных механизмов.

Только сильная централизованная власть с экономикой, основанной на системе единого централизованного планирования, могла добиться основных целей социалистического общества, начиная с обобществления экономически значимой собственности и кончая успешной защитой достижений революции от посягательств как внутренних, так и внешних врагов. Только в этих условиях можно было осуществить ускоренную индустриализацию и электрификацию страны, повышение уровня образования и обеспечение общедоступного бесплатного здравоохранения для всего населения, развитие самых отсталых, угнетаемых при старом режиме национальностей и этнических групп по всей стране.

Нигде и никогда в мире до СССР не было сколько-нибудь испытанных образцов или примеров надёжной практики социалистического развития. Не было никаких гарантий того, что намеченные планы сработают. Вся история Советского Союза, по сути дела, являлась чем-то вроде вереницы уникальных экспериментов и испытаний самых разнообразных механизмов и систем в сферах планирования, формирования цен, норм труда и трудового вознаграждения. Был заложен и осуществлён ряд невиданных до тех пор начинаний и проектов. Складывалась уникальная практика налаживания оптимальных соотношений между тенденциями централизации и децентрализации в реально существующих условиях общей государственной собственности на средства производства и

системы единого хозяйственного планирования. И, конечно, было вполне естественно, что в ходе всей этой по-настоящему новаторской и гигантской работы первопроходцев появлялось множество проблем. Однако это вовсе не означало, что проблемы являлись следствием самой централизации как таковой. Утверждать это - то же самое, что утверждать, будто «проблемы социализма находятся в самом социализме».

Но именно такой и оказалась в конечном итоге политика Горбачёва, который стал на путь уничтожения этой уникальной системы единого экономического планирования и открыл двери для хозяйственной практики частной собственности.

По мнению сторонников теории «отсутствия демократии» в советской системе, наиболее веским доводом в её поддержку является то обстоятельство, что большинство советских граждан, в том числе рабочего класса и членов самой Коммунистической партии, по сути дела, не противостояли сколько-нибудь активно процессам фактического свержения КПСС, уничтожения социализма и восстановления порядков капитализма.

Они считают также, что это порождает и ряд других вопросов по поводу жизнеспособности системы социалистической демократии. В какой мере, например, она действительно выражала интересы рабочего класса? Являлась ли Коммунистическая партия на самом деле его авангардом, раз рабочие так и не поднялись в защиту её власти, да и сама она оказалась не в состоянии организовать эффективное сопротивление силам и процессам реставрации капитализма?

А раз не было сопротивления со стороны как рабочего класса, так и самой Коммунистической партии и коммунистов, то, по заключениям сторонников данной теории, очевидно, что-то определённо не ладилось в системе советской демократии.

Однако действительная история событий в период процессов непосредственного разрушения Советского Союза в значительной мере опровергает такой тип логики. В 6-м разделе данной главы содержится ряд документальных доказательств того, что сопротивление со стороны рабочего класса имело место, и его значение ни в коем случае нельзя недооценивать или умалять.

И всё же и по сей день всё столь же трудным остаётся объяснение, почему сопротивление это так и не приобрело масштабов, необходимых для того, чтобы остановить и предотвратить уничтожение социализма.

Даже Стивен Коэн, один из самых компетентных историков, изучавший этот период, поражается прежде всего тому, как могло оказаться возможным, чтобы столь огромное большинство граждан давно уже сложившегося развитого индустриального общества позволило себе просто пассивно созерцать, как незначительное меньшинство превращает в своё личное достояние огромнейшие активы общенародной собственности, толкая таким образом всё общество в сторону

демодернизации и отсталости и обрекая на бедность большую часть его населения. Такое, по заключению Коэна, «происходило впервые за всю историю человечества». (С. Коэн. «Неудавшийся крестовый поход. Америка и трагедия посткоммунистической России»).

Без сомнения, подобное молчаливое, хоть и с явным нежеланием, принятие всем народом определённой политики, идущей вразрез с его интересами, не может не вызывать глубокое беспокойство. Однако надо сказать, что явления такого рода гораздо в большей степени распространены в условиях капиталистических стран, чем об этом привыкли думать большое число их жителей.

Определённо разочаровывает также и выявившаяся неспособность советского социализма создать такой массовый тип общественно активных граждан, которые были бы способны в нужный момент вырваться из липкой инерции повседневности и манящей склонности закрывать уши и глаза на всё, происходящее вокруг, во имя сохранения собственного благополучия, личного спокойствия и места работы.

Хотя, в конце концов, это тоже не слишком удивительно. Механизмы и явления, обрекающие на общественную пассивность и прозябание преобладающую часть людей, давно и хорошо известны и даже получили исключительно широкое распространение в так называемых «либеральных» демократиях Запада. Можно только сожалеть, что подобное могло произойти и при демократии советского социалистического типа, к тому же в чрезвычайно ответственный, решающий момент её существования и развития.

Это в лишний раз обязывает нас попытаться разобраться в том, как же конкретно мог произойти подобный ход событий. И в таком случае уж никак нельзя обойти стороной то обстоятельство, что в период после 1985 года деятельность практически всех существующих в советском обществе политических механизмов и институтов была либо парализована Горбачёвым и действующей от его имени кликой, либо они вовсе оказались упразднёнными и ликвидированными. Это касалось как прессы и других средств общественной информации, так и работы Советов, да и самой Коммунистической партии, причём на всех уровнях.

Суть происходящего состояла в том, что большинство советских людей было против приватизации государственной и общественной собственности, отмены контроля за ценами и уничтожения СССР, однако в их распоряжении больше не оставалось никаких политических механизмов и институтов, чтобы выразить своё мнение и применить свою политическую волю.

Не работали в этом направлении и недавно учреждённые новые органы власти типа Съезда народных депутатов и т.п. То есть факты указывают на то, что одной из основных причин разгрома социализма и самого советского государства явилась не «нехватка демократии» в советской политической системе, а её вполне сознательное и преднамеренное уничтожение группой Горбачёва и их всевозможными

покровителями.

В дополнение к этому, любому шагу «перестройщиков» по разрушению жизненно важных структур советского социалистического общества и последующей реставрации капитализма, как правило, всегда сопутствовали исключительно интенсивные пропагандистские кампании, лицемерно превозносящие дела горбачёвцев как возвращение к «подлинному ленинизму» и прогресс на пути к некому «лучшему» социализму.

Всё это даёт основание сделать вывод, что пассивное отношение советских людей, рабочего класса и коммунистов к тому, что совершалось в их стране, являлось следствием действий той, неизменно присутствующей, крайне циничной и аморальной «дымовой завесы», состоящей из всевозможных идеологических, социально-психологических, а подчас и откровенно психиатрических манипуляций. Они не только всячески подтачивали доверие к ценностям и достижениям социализма, но и вполне целенаправленно представляли всякое действие по разрушению реально имеющегося уровня жизни, экономической надёжности и социальных приобретений как якобы «очередной шаг» к какому-то «гораздо лучшему» будущему и «более совершенному» общественно-экономическому строю. Об этом будущем строе, по крайней мере, на первых порах довольно долгое время говорилось, как о некоем «более передовом» варианте социализма. Вместе с тем у советских людей вполне целенаправленно и систематически отнимали все имевшиеся до тех пор возможности высказывать своё отношение к происходящему, не говоря уж о механизмах превращения этих высказываний в реальные действия.

* * *

6. Последней по очереди имеющихся в нашей классификации теорий объяснения причин разрушения СССР, хоть и далеко не последней по своей важности и реальному весу, является концепция о роли и вкладе в это дело самого Горбачёва.

Эта роль, без сомнения, велика. Читатели уже имели возможность неоднократно убедиться в том на основании множества конкретных фактов, данных и исследований, о которых уже шла речь. В этой заключительной части мы попробуем дать более концентрированную и обобщённую информацию о существующих на сей счёт взглядах и мнениях.

Как и в большинстве случаев до сих пор, если нам и придётся поспорить с авторами той или другой концепции о данном, столь важном факторе такой неожиданной и злополучной развязки судеб советского социализма, то это будет сделано не с целью полного отрицания их позиций, а, скорее, для того, чтобы ещё более расширить и обогатить предлагаемую ими информацию.

Итак, первая большая разновидность взглядов, касающихся роли

Горбачёва в деле разрушения Советского Союза, связана с анализом его мировоззренческих позиций и подлинных идеологических побуждений его действий. «Фактор Горбачёва», - подчёркивает британский историк Арчи Браун в своей книге, изданной в 1996 году под тем же заголовком в Оксфорде, - занимает ключевое место в процессе разрушения Советского Союза благодаря тому, что тогдашнему советскому руководителю определённо удалось отойти от позиции так называемого «ортодоксального коммунизма». По оценке Брауна, настолько крутой и неожиданный для всех поворот Горбачёва как в плане идейном, так и непосредственно лидерском, дал ему возможность совершенно непредсказуемым образом взорвать всю советскую систему. Причём Горбачёв, очевидно, старался играть роль некоего «нового» Петра Первого, якобы смело открывающего страну Западу, делая ставку на весьма популярную в России в плане историческом фигуру.

Другая группа авторов, в отличие от Брауна, склонна считать, что Горбачёв был гораздо многостороннее и расчётливее в своих действиях, чем обычно принято о нём думать. В этой связи Роберт Даниэль, например, приводит в своём исследовании о возможности реформирования коммунизма (опубликованном в январе 2000 г. в пользующемся большой популярностью журнале The Nation) слова Джерри Хью о том, что Горбачёв являлся откровенным последователем идеологии «свободного рынка».

В свою очередь, Евгений Новиков и Патрик Баскио в своей книге «Горбачёв и конец КПСС» (изданной в 1994 году) считают, что тогдашний генеральный секретарь был «еврокоммунистом», разделяющим некоторые из идей Грамши.

А по мнению Антони д'Агостино в книге «Революция Горбачёва» (1998), он просто являлся последователем Маккиавелли, для которого сами идеи всегда находились на втором плане после проблем, связанных с захватом и сохранением власти.

Нельзя не согласиться, что отклонения и ренегатство Горбачёва в идейной области сыграли важную роль в проводимой им политике. Однако думается, что чрезмерное превознесение его личности может только повредить дальнейшим научным исследованиям процессов разрушения СССР и социализма. Оно может отвлечь внимание аналитиков от ряда других, не менее важных и существенных факторов той конкретной обстановки, которая дала Горбачёву возможность развернуться и сыграть свою роль.

Он, очевидно, ничего не делал сам. Кроме того, его действия всегда находились в определённом как историческом, так и общественно-политическом контексте. В тот момент, когда он отошёл от курса Андропова, которому якобы первоначально намеревался следовать, он уже на деле встал на позиции идеологических «традиций и наследия» Бухарина и Хрущёва. А у них были свои сторонники и последователи в ряде секторов советского общества, в том числе, видимо, и в самой партии.

Кроме того, у сторонников ослабления и урезания полномочий центральной власти, узаконения частной собственности и расширения роли рынка, в 80-е годы сложилась довольно сильная собственная социальная база. её становление и укрепление было следствием распространения и развития очень динамичного, хоть и паразитарного, сектора незаконной частной экономической деятельности. Таким образом, феномен Горбачёва являлся как наследником давно уже сложившейся в истории политической и идейной традиции, так и продуктом времени и конкретных условий, в которых он зародился и действовал.

Многие из исследователей Горбачёва склонны рассматривать его действия как реализацию определённого, давно сложившегося плана, лишь ожидающего благоприятного времени для осуществления. Однако тщательный анализ его личности и политической биографии на основании доступных документов, на наш взгляд, скорее, представляет его как не слишком дальновидного лидера, склонного предпринимать не до конца обдуманные поспешные действия, решения о которых зачастую складывались под действием преобладающих в тот момент личных настроений и порывов. Мы склонны считать, что даже тогда, когда он шёл на многочисленные уступки интересам носителей либеральной и мелкобуржуазной идеологии и откровенно коррумпированных секторов и кругов внутри страны и силам империализма на международной арене, Горбачёв, вероятнее всего, следовал каким-то взявшим верх к тому времени оппортунистическим побуждениям, чем предписаниям заранее разработанного плана.

* * *

Подводя итоги нашей работы, нам хотелось бы ещё раз подтвердить свою позицию о том, что трагическое разрушение Советского Союза ни в коем случае не являлось следствием некоей, якобы свойственной самой природе социализма, «невозможности» его реализации и развития.

Также это разрушение не было результатом какого-либо широкого недовольства народа или вооружённой внешней агрессии.

Советский Союз не рухнул из-за «неспособности» осуществить на деле некий воображаемый «идеал» социализма, будто бы состоящий из «либеральной демократии» и «смешанной» экономики.

Невозможно также, чтобы СССР оказался опрокинутым и разрушенным вследствие преднамеренного предательства «одного-единственного» человека, пусть он даже был облачён самыми высокими полномочиями и располагал поистине огромными возможностями.

На наш взгляд, гораздо более оправданно и приемлемо будет рассматривать вышеупомянутые события как победу одной определённой общественно-политической тенденции, которая в силу ряда причин сопутствовала социалистической революции ещё задолго до времени её непосредственного осуществления. С меняющейся интенсивностью своих проявлений, она, очевидно, в разных формах продолжала существовать и

все последующие периоды исторического развития советского общества.

Первоначально, в продолжение длительного времени, социальной базой этой тенденции являлась преимущественно сельская структура страны и её населения. Определённо как Ленин, так и Сталин давали себе ясный отчёт всей сложности подобного положения. Из-за этого ими была разработана и применена на деле своеобразная теория о роли и месте «попутчика» и прочих общественных явлений и элементов, сопутствующих развитию социалистической революции.

Установки этой теории во многом способствовали успешному политическому решению сельского вопроса сначала в Советской России, а потом и в СССР. Коротко напомним, что непосредственными союзниками большевистской партии в борьбе за социализм являлись бедные слои крестьянства. Широкие массы середняков, огромные по своей численности, воспринимались как исключительно важные элементы, сопутствующие социалистической революции, по крайней мере, до тех пор, пока её развитие отвечало их интересам. И только группа самых крупных и зажиточных сельских собственников изначально считалась как потенциальным, так и непосредственным противником социализма. Благодаря такому реалистическому, довольно конкретному и выдержанному с идейной точки зрения расчёту, было обеспечено политическое превосходство сил социалистической революции, в том числе - и в отношении сопутствующих социальных слоёв и общественных тенденций.

Известно, что в плане историческом данные тенденции тогда проиграли и были вынуждены надолго занять пассивную общественную позицию. Однако очевидно и то, что при этом они вовсе не исчезли. Так, во время Хрущёва, они вдруг снова «проросли», в том числе и под формой открытой реабилитации личности и взглядов Бухарина. А во второй половине 80-х годов и затем, во время правления Горбачёва, Ельцина и «компании», они уже «буйно разрослись». Однако теперь их социальный базис строился преимущественно на разнообразных секторах и даже отраслях «второй экономики» и её незаконных структур.

К сожалению, в тот период не нашлось кадров и руководителей, которые бы оказались в состоянии сформулировать и выдвинуть варианты верных политических оценок и действий, с помощью которых был бы найден благоприятный для социализма выход из сложившейся ситуации.

Так, никем, по крайней мере, на уровне официальной политики, не был проделан соответствующий анализ по разграничению в конкретных политических условиях того времени потенциальных противников от возможных союзников и сопутствующих элементов. Что могло бы помочь своевременной и эффективной общественной изоляции самых откровенных и активных врагов существующего законного порядка, его норм, ценностей и социальных достижений.

Вместо этого, напротив, - исторически сопутствующей социализму частнособственнической тенденции удалось выработать и успешно

применить на деле свои формулы нейтрализации особо активных и перспективных сторонников и защитников социалистического общественно-экономического и политического строя. Их потенциальные союзники, как уже говорилось, тоже были поставлены в состояние фактической неспособности предпринять какие-либо реальные действия. В этой связи далеко не второстепенным является вопрос о том, в какой степени, от кого и откуда противникам социализма поступала как общеполитическая, так и информационно-экспертная, финансово-материальная, технологическая и прочая поддержка извне.

Таким образом, под воздействием целого ряда факторов и в силу определённого стечения многих обстоятельств, как в самой партии, так и в стране в целом стало брать верх довольно специфическое представление о социализме, как о «неуклонно процветающем» демократическом обществе, которое якобы можно построить без особого напряжения, усилий, труда или борьбы. Но самое главное - что такое общество возможно без наличия сильного государственного управления, системы общественной государственной собственности и централизованного единого хозяйственного планирования. Наряду с этим утвердилось также мнение, что путь к такому «безоблачному и безмятежному» существованию обязательно должен идти в направлении всевозможных безоговорочных односторонних уступок силам империализма, идеологии и практики «либерализма», частной собственности и ничем не ограниченного «свободного рынка».

Надо думать, среди последователей и сторонников данной тенденции были люди, которые искренне считали, что таким образом можно будет действительно добиться «гораздо лучшего» устройства социализма. Причём они, казалось, не замечали, что их «союзниками» являлись люди, вовсе не имеющие ничего общего с социализмом, подлинные интересы которых состояли лишь в том, чтобы всеми возможными и невозможными средствами «делать деньги», неограниченно наращивать личную частную собственность, добиваясь собственного благополучия.

Однако лишь при Горбачёве данной, иногда почти исчезающей, а потом вдруг вновь прорастающей, но неизменно сопутствующей всему историческому развитию советского общества тенденции удалось добиться своей логической законченности и добраться до главной позиции как в стране, так и в самой партии.

Лишь при Горбачёве блеснул в своём истинном «свете» весь обман этого политического курса, не только не приведшего к какому-то «новому социализму», но и положившего начало подлинному варварству и полной разрухе.

Как тут не вспомнить слова Зевса из «Одиссеи» Гомера, когда он с усмешкой говорит о том, до чего люди любят сваливать на богов вину за все постигающие их несчастия. «Хотя своими собственными неразумными действиями они сами делают так, чтобы сошедшие на них испытания выглядели гораздо тяжелее, чем они есть на самом деле», - добавляет при этом «старший среди богов».

Разумеется, такие события, как падение древней Трои и разрушение современного нам Советского Союза во многом отличаются друг от друга как по времени, так и по своим масштабам и последствиям. И всё же кажется, что теперь, как и тогда, немало людей одинаково склонны усматривать причины своих провалов и неуспехов, прежде всего и единственно, в силах и факторах, находящихся вне поля их непосредственного контроля.

Не случайно кубинский лидер Фидель Кастро, не будучи Зевсом, повторил, хоть и в несколько более прозаическом виде, примерно те же слова насмешки и презрения в адрес тех, кто без конца громко жалуется на постигшие их несчастья, не желая видеть и признавать за собой никакой вины в том, что произошло. В интервью никарагуанской «Новой газете», опубликованном 3 июня 1992 года под заголовком «О Сталине и крахе Советского Союза», он заявил буквально следующее:

«Социализм в Восточной Европе не был побеждённым. Он не упал под натиском каких-либо превосходящих его сил и факторов. Он просто покончил жизнь самоубийством».

Если у проделанной нами работы над этой книгой окажется всё-таки какой-нибудь смысл, значение или ценность, то, на наш взгляд, они состоят, прежде всего и исключительно в том, что таким образом мы надеемся положить начало последующей углублённой дискуссии. Дискуссии, по поводу всё ещё ожидающей своего настоящего объяснения проблемы: каким образом оказалось возможным, чтобы группа людей, находящихся у власти, своими безрассудными (или предательскими?) действиями могла помочь империализму праздновать сегодня факт разрушения первого за всю историю человечества государства победившего социализма.

Источники на английском языке

Aganbegyan Abel. The Economic Challenge of Perestroika (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988).

Aganbegyan Abel. The Economic Challenge of Perestroika (Bloomington: Indiana University Press, 1988; Inside Perestroika: the Future of the Soviet Economy (New York: Harper and Row, 1989).

Alexeev Michael V. «Expenditures on Privately Rented Housing and Imputed Rents in the USSR», (Berkeley - Duke Occasional Paper, November 1991).

Alexeev Michael V. «The Russian Underground Economy in Transitions in Michael Walker, ed. The Underground Economy: Global Evidence of its Size and Impact» (Vancouver, Canada: Fraser Institute, 1997).

Alexeev Michael V. «The Underground Market for Gasoline in the USSR», (Berkeley-Duke Occasional Paper, (April 1987).

Alexeev Michael V. and Pyle William. «A Note on Measuring the Unofficial Economy in the former Soviet Republics», William Davidson Institute Working

Papers, University of Michigan Business School, no. 436, table #6, (July 2001).

Ambartsumov E., Burlatsky F., Krasin Y. and Pletnyov E. Real Socialism… for a working class estimate (reprint from New Times) (New York: New Outlook Publishers, 1978)

Andreyeva Nina. «I Cannot Forgo My Principles», in Alexander Dallin and Gail W. Lapidus, eds., The Soviet System: From Crisis to Collapse (Boulder, San Francisco and Oxford: Westview Press, 1995).

Andropov Yuri., «In Celebration of the Sixtieth Anniversary of the Union of Soviet Socialist Republics», A Reader on Social Sciences (Moscow: Progress, 1985). 381: John and Margrit Pittman, Peaceful Coexistence: Its Theory and Practice in the Soviet Union (New York: International Publishers. 1964)

Aslund Anders. Gorbachev's Struggle for Economic Reform (Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989).

Azad Bahman. Heroic Struggle Bitter Defeat: Factors Contributing to the Dismantling of the Socialist State in the USSR (New York: International Publishers, 2000).

«Blueprint for the Year 1986: Statement by Mikhail Gorbachev General Secretary of the CPSU Central Committee», Pravda (January, 16, 1986) reprinted in Reprints from the Soviet Press (February 15,1986).

Boldin Valery. Ten Years That Shook the World: The Gorbachev Era as Witnessed By His Chief of Staff (New York: Basic Books, 1994).

Boorstein Edward. Aliende 's Chile (New York: International Publishers, 1977).

Breslauer George W. Gorbachev and Yeltsin as Leaders (Cambridge: Cambridge University Press, 2002)

Brezhnev quoted by David Pryce - Jones, The Strange Death of the Soviet Empire (New York: Henry Holt, 1995).

Brown Archie. The Gorbachev Factor (Oxford and New York: Oxford University Press, 1997).

Brudny Yitzhak. Reinventing Russia: Russian Nationalism, and the Soviet State, 1953-1991 (Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1998).

Bzezinski quoted by Pankaj Mishen, «The Making of Afghanistan» (The New York Review of Books, 2001).

Carr Edward Hallett. What Is History? (New York: Vintage Books, 1967).

Castells Manuel and Kiselova Emma. The Collapse of Soviet Communism: A View From the Information Society (Berkeley: University of California Press, 1995)

Castro Fidel quoted by Andrew Murray, Flashpoint: World War III (London: Pluto Press, 1996).

«1992 Castro Interviewed ON: Soviet Collapse, Stalin», El Nuevo Diario,

Managua (3 June 1992).

Chernyaev Anatoly. My Six Years with Gorbachev (University Park: Pennsylvania State University, 2000)

Cohen Stephen F. Bucharin and the Bolshevik Revolution (New York: Vintage, 1975)

Cohen Stephen F. Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia (New York and London: W. W. Norton, 2000)

Cohen Stephen F. Reinterpreting the Soviet Experience (New York: Oxford University Press 1985)

Cohen Stephen F., «Introduction», to Yegor Ligachev, Inside Gorbachev's Kremlin, (New York: Pantheon Books, 1993).

Cohen Stephen F. and Katrina van den Heuvel. Voices of Glasnost (New York: Norton, 1989).

Coleman Fred. The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years that Shook the World from Stalin to Yeltsin (New York: St. Martin's Press, 1996),

Congress, Joint Economic Committee, Soviet Economy in a Time of Change, report entitled «Notes on the Illegal Private Economy and Corruption» by Gregory Grossman, 96 Cong., 1 sess., 1979, Committee Print.

D'Agostino Anthony. Gorbachev's Revolution (New York: New York University Press, 1998).

Dallin Alexander. «The Causes of the Collapse of the Soviet Union». Post-Soviet Affairs, Vol. 8, No. 4 (1992).

Dallin Alexander and Lapidus Gail W.The Soviet System: From Crisis to Collapse Boulder, Colorado: Westview Press, 1995)

Daniels Robert V. «Soviet Society and American Soviet Studies: a Study in Success?» in Michael Cox, Rethinking The Soviet Collapse, (London and New York: Cassell, 1999).

Daniels Robert V. «Was Communism Reformable?» The Nation, 3 January 2000

Davidow Mike. Perestroika, (New York: International Publishers, 1993)

D'Encausse Helene Carrere.The End of the Soviet Empire (New York: Basic Books, 1994).

Dobb Maurice. Soviet Economic Development Since 1917 (New York: International Publishers, 1966).

Dobrynin Anatoly. In Confidence (New York: Times Books/Random House, 1995).

Dunlop John B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire (Princeton: Princeton University Press, 1993).

Ellman Michael and Kontorovich Vladimir. The Collapse of the Soviet Union and the Memoir Literature: Europe - Asia Studies, 49, no. 2 (March 1997).

Ellman Michael and Kontorovich Vladimir. The Destruction of the Soviet Economic System (Armonk, New York, and London: M. E. Sharpe, 1998).

Estimates developed by Gregory Grossman, in «The Second Economy: Boon or Bane for the Reform of the First Eсoпoтy?» in Economic Reforms in the Socialist World, Stanislaw Gomulka et al., eds., (London: Macmillan, 1989).

Fedosyev P., ed. What Is Democratic Socialism? (Moscow: Progress Publishers, 1980).

Fitzgerald Frances. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars, and the End of the Cold War (New York, et al.: Simon & Schuster, 2000).

For the Forthcoming XXII-th CPSU Congress.

For a good summary of studies of Soviet political institutions, see Albert Szymanski, «The Class Basis of Political Processes in the Soviet Union», Science & Society (Winter, 1978-79)

Frank Andre Gunder. «What Went Wrong in the 'Socialist' East?» Humboldt Journal of Social Relations 24, no. 1 and 2

Gaddy Clifford G. «The Size of the Prostitution Market in the USSR», (Berkeley - Duke Occasional Paperг», November 1989) and Kimberly C. Neuhauser, «The Market for Illegal Drugs in the Soviet Union in the Late 1980s», (Berkeley - Duke Occasional Paper, November 1990).

Garcia Delia Luisa Lopez, «Economic Crisis, Adjustment, and Democracy in Cuba», in Jose Bell Lara, ed., Cuba in the 1990s (Havana: Editorial Jose Marti, 1999).

Garrard John and Carol. Inside the Soviet Writers Union (New York: Free Press, 1990), 205.

Gervasi Sean, «A Full Court Press: The Destabilization of the Soviet Union», Covert Action, Fall? 1990.

Gibbs Joseph. Gorbachev's Glasnost (College Station: Texas A &M University Press, 1999).

Gill Graeme. The Collapse of a Single - party System (Cambridge: Cambridge; University Press, 1994; Oxford: Oxford University Press, 1994).

Gooding John. Socialism in Russia: Lenin and his Legacy, 1890-1991 (New York: Palgrave, 2002).

Goldman Marshall I. What Went Wrong With Perestroika? (New York: Norton, 1991).

Gorbachev M. For the Forthcoming XXVII CPSU Congress.

Gorbachev M. Memoirs. (New York: Doubleday, 1995).

Gorbachev Mikhail. October and Perestroika: the Revolution Continues (Moscow Novosti Press Agency, 1987).

Gorbachev Mikhail. Perestroika: New Thinking for Our Country and the World (New York et al.; Harper & Row, 1987).

Gorbachev Mikhail. Political Report of the CPSU Central Committee to the 27-th Party Congress (Moscow: Novosti, 1986).

Gorbachev Raissa. I Hope (New York: Harper Collins, 1991).

Grossman Gregory. «A Tonsorial View of the Soviet Second Eonoту», (Berkeley - Duke Occasional Paper, December 1985).

Grossman Gregory, inflationary, Political, and Social Implications of the Current Economic Slowdowns in Hans - Hermann Hoehmann, Alex Nove, and Heinrich Vogel, Economics and Politics in the USSR (Boulder and London: Westview Press, 1986).

Grossman Gregory. «The 'Second Economy'of the USSR», Problems of Communism (September - October, 1977).

Grossman Gregory, «The Second Economy: Boon or Bane for the Reform of the First Eonoту?» in Economic Reforms in the Socialist World (London: Macmillan, 1989).

Grossman Gregory. «The Second Economy in the USSR and Eastern Europe: A Bibliography», (Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy of the USSR, July 1990).

Grossman Gregory. «Sub-Rosa Privatization and Marketizatibn in the USSR», Annals, ASPSS (January, 1990).

Grossman Gregory. «Subverted Sovereignty: Historical Role of the Soviet Underground», in Stephen S. Cohen, et al., eds. The Tunnel at the End of the Light (Berkeley: University of California, 1998).

Hall Gus. The Power of Ideology (New York: New Outlook, 1989).

Halliday Fred. «A Singular Collapse: The Soviet Union, Market Pressure and Inter - State Competitions Contention Magazine (1992).

Handelman Stephen. Comrade Criminal: Russia's New Mafiya (New Haven: Yale University Press, 1995)

Harris Jonathan. The Public Politics of Aleksandr Nikolaevich Yakovlev, 1983-1989 (Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Russian and East European Studies, 1990).

Hobsbawm Eric. On History (New York: The New Press, 1997).

Hosking Geoffrey. The First Socialist Society (Cambridge: Harvard University Press, 1992)

Hough Jerry. Democratization and Revolution m the USSR, 1985-1991 (Washington DC: Brookings Institution, 1997).

Jones Anthony and Moskoff William. The Great Market Debate in Soviet Economics, An Anthology (Armonk, New York and London: M.E. Sharpe, 1991)

Jones Anthony and Moskoff William. Koops: The Rebirth of Entrepreneurship in the Soviet Union (Bloomington: Indiana University Press, 1991).

Kagarlitsky Boris. Restoration in Russia: Why Capitalism Failed (London:

Verso, 1995).

Kaiser Robert. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure (New York, London, et al.: Simon & Schuster, 1991).

Kalugin Oleg. The First Directorate New York: St. Martin's Press, 1994).

Kenez Peter. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

Kim Byung-Yeon. informal Economy Activities of Soviet Households: Size and Dynamics», (PERSA Working Paper No. 26, University of Warwick, 29 January 2003).

Knight Amy. Spies Without Cloaks (Princeton: Princeton University Press, 1996)

Koriagina Tatiana. «The Shadow Economy of the USSR», izd-vo Pravda (1990).

Kotkin Stephen. Armageddon Averted: the Soviet Collapse, 1970-2000 (Oxford: Oxford University Press, 2001).

Kotz David and Weir Fred. Revolution from Above; The Demise of the Soviet System (London and New York: Routledge 1997).

Kozlov G. A. Political Economy: Socialism (Moscow: Progress Publishers, 1977); L. Leontyev, Political Economy: A Condensed Course (New York: International, 1974); P. I. Nikitin, The Fundamentals of Political Economy (Moscow: Progress Publishers, 1983); G. S. Sarkisyants, ed. Soviet Economy: Results and Prospects (Moscow: Progress Publishers, 1977); and Yuri Popov, Essays in Political Economy (Moscow: Progress Publishers, 1985).

Kozlov quoted by John and Margrit Pittman, Peaceful Coexistence: Its Theory and Practice in the Soviet Union (New York: International Publishers, 1964).

Kurkchiyan Marina. «The Transformation of the Second Economy in the Informal Есопоту», in Alena V. Ledeneva and Marina Kurkchiyan, eds. Economic Crime in Russia (The Hague, London, and Boston: Kluwer Law International, 2000).

Lane David. The Rise and the Fall of Slate Socialism (Cambridge:, Polity Press; 19.9;6), 124.

Ledeneva Alena V. Russia's Economy of Favours (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).

Lenin V. I. Questions of National Policy and Proletarian internationalism (Moscow: Progress Publishers. 1970).

Lenin V. I. Selected Works, 1, (New York: International Publishers, 1967).

Lewin Moshe. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates, from Bukharin to the Modern Reformers (Princeton: Princeton University Press, 1975).

Ligachev Yegor. Inside Gorbachev's Kremlin, (New York: Pantheon Books, 1993).

Linden Carl A. Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev (Baltimore: Johns Hopkins, 1990)

«List of Berkeley - Duke Occasional Papers in the Second Economy in the USSR with Abstracts and Notes», @ Berkeley - Duke Home Page.

Macpherson C. B. The Real World of Democracy: (New York and Oxford: Oxford University Press, 1972)

Markowitz Norman. «On Holz's Defense of Leninism», Nature, Society and Thought 6, no.3.

Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 (Ithaca: Cornel University Press, 2001).

Marx Karl. «The Civil War in France» and Frederick Engels, «Introduction», in Karl Marx and Frederick Engels Selected Works in Two Volumes (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1962).

Marx Karl and Engels Frederick. «Manifesto of the Communist Party», in Selected Works (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1962), 53.

Matlock Jack. Autopsy on an Empire (New York: Random House, 1995).

McGirfert Ekedahl Carolyn and Goodman Melvin A. The Wars of Eduard Shevardnadze (University Park: Pennsylvania State University, 1997)

Medvedev Roy. Post-Soviet Russia (New York: Columbia University Press, 2000).

Medvedev Roy and Chiesa Giulietto. Time of Change; An Insider's View of Russia's Transformation (New York: Pantheon, 1989).

Mendelson Sarah. Changing Course: Ideas, Politics, & the Soviet Withdrawal from Afghanistan (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998).

Menshikov Stanislav. Catastrophe or Catharsis? The Soviet Economy Today (London: Inter-Verso, 1990), 41.

Milne Seamus. «Catastroika has not only been a disaster for Russia: a decade on, enthusiasm for the Soviet collapse looks misplaced». The Guardian (London), 16 August 2001.

Moskoff William. Hard Times: Impoverishment and Protest in the Perestroika Years. The Soviet Union 1985- 91 (Armonk, New York and London: M.E. Sharpe, 1993).

Murray Andrew. Flashpoint: World War III (London: Pluto Press, 1996).

Neuhauser Kimberly C «The Second Economy in Funeral Services», (Berkeley - Duke Occasional Paper, February 1992).

New York Times (February 26, 2001).

Noman Omar ed. Poverty in Transition (New York: United Nations Development Program, 1998).

Novikov Euvgeny and Bascio Patrick. Gorbachev and the Collapse, of the

Soviet Communist Party (New York: Peter Lang, 1994).

Odom William E. The Collapse of the Soviet Military (New Haven: Yale University Press, 1998).

Our Course Remains Unchanged: Peace and Progress (Moscow: Novosti Press, 1985), passim and Mikhail Gorbachev, «On the Convening of the 27 CPSU Congress», April 23,1985) in For the Forthcoming XXVIIth CPSU Congress (Moscow: Novosti, 1985).

Perlo Victor. How the Soviet Economy Works (New York: International, 1961).

Perlo Victor. «The Economic and Political Crisis in the USSR», Political Affairs, 70, (August 1991).

Perlo Victor and Ellen. Dynamic Stability: The Soviet Economy Today (Moscow: Progress Publishers, 1980), passim; USSR: 100 Questions and Answers (Moscow: Novosti, 1977; Moscow: Progress Publishers, 1980).

Political Report of the CPSU Central Committee to the 27-th Party Congress, 86.

Puddington Arch. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty (Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 2000),

Remnick David. Resurrection: the Struggle for a New Russia (New York: Vintage Books, 1997)

Resis Albert. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics, (Chicago: Ivan R. Dee, 1993).

Rigby T. H., The Changing Soviet System: Mono-organizational Socialism from Its Origins to Gorbachev's Restructuring (Aldershot, England and Brookfield, Vermont: Canberra University College).

Robinson Neil. Ideology and the Collapse of the Soviet System (Aldershot, England and Brookfield, Vermont: Edward Elgar Publishing Company, 1995).

Rutgaizer Valery M. «The Shadow Economy in the USSR», (Berkeley - Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR, No. 34, February 1992).

Schweizer Peter. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union (New York: Atlantic Monthly Press, 1994).

Schweizer Peter, Reagan's War [Bound galley copy] (New York: Doubleday, 2002)

See the summaries and critiques of Malia and Pipes in Walter Laqueur, The Dream That: Failed (New York and Oxford: Oxford University Press, 1994), passim and Alexander Dallin, «Causes of the Collapse of the USSR», Post-Soviet Affairs 8 (1992).

Selsam Howard. Socialism and Ethics, (New York: International Publishers, 1943).

Shakhnazarov Georgy.The Destiny of the World (Moscow: Progress, 1978).

Shubin Vladimir. ANC: A View from Moscow (Bellville, South Africa: Mayibuye Books, 1999).

Simis Konstantin. USSR: The Corrupt Society: The Secret World of Soviet Capitalism (New York: Simon and Schuster, 1982).

Solnick Steven L Stealing the Stale, Control and Collapse in Soviet Institutions (Cambridge: Harvard University Press, 1998)

Sosin Gene. Sparks of Liberty: An Insider's Memoir of Radio Liberty (University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999).

Stalin Joseph. «Economic Problems of Socialism in the USSR», in Bruce Franklin, The Essential Stalin (New York: Anchor Books, 1972).

Starr S. Frederic. «A Usable Past», in Alexander Dallin and Gail W. Lapidus, eds., The Soviet System from Crisis to Collapse (Boulder: Westview Press, 1995).

Suny Ronald Grigor. The Soviet Experiment (New York, Oxford University Press, 1998).

Sutela Pekka. Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union (Cambridge: Cambridge University Press. 1991).

Szymanski Albert. Class Structure: A Critical Perspective (New York: Praeger, 1983).

Taubman William. Khrushchev: the Man and His Era (New York: W. W. Norton & Co., 2003).

Teague Elizabeth. «The Fate of the Working Class», in Robert Daniels, ed. Soviet Communism from Reform to Collapse (Lexington, Mass.: Heath and Company, 1995).

Treml Vladimir G. «Alcohol in the Soviet Underground Economy», (Berkeley - Duke Occasional Paper, December 1985).

Treml Vladimir G. «Purchase of Food from Private Sources in Soviet Urban Areas», Berkeley - Duke Occasional Paper, September 1985).

Treml Vladimir G. and Alexeev Michael. «The Growth of the Second Economy in the Soviet Union and Is Impact on the System». in Robert W. Campbell, ed.,The Postcommunist Economic Transformation (Boulder, San Francisco and Oxford: Westview Press, 1994).

Trotsky Leon. The Revolution Betrayed (New York: Merit Publishers, 1965).

Trushkov Victor. «The Place of the Restoration of Capitalism in the Historic Process», International Correspondence (English language edition), 2 (2000).

The Truth About Afghanistan: Documents, Facts, Eyewitness Reports (Moscow: Novosti, 1981); Phillip Bonosky, Afghanistan - Washington's Secret War (New York: International Publishers, 2001).

The un-translated memoirs of Vladimir Kryuchov, head of Soviet foreign

intelligence, referred to by Jerry Hough, Democratization and Revolution, in the USSR, 1985-91 (Washington, D.C.: Brookings, 1997).

Volkogonov Dmitri. Autopsy for an Empire (New York, London, Toronto, Sydney, and Singapore: The Free Press, 1998).

Volkov Vadim. Violent Entrepreneurs: the Use of Force in the Making of Russian Capitalism (Ithaca: Cornell University Press, 2002).

Vorotnikov Vitali I. Mi Verdad: Notas y Reflexiones del Diario de Trabajo de un Miembro del Buro Politico del PCUS (Havana: Casa Editorial Abril, 1995).

We have adapted and supplemented the explanations identified by Kotz and Weir, David Kotz and Fred Weir, Revolution from Above: The Demise of the Soviet System (New York and London: Routledge, 1997).

White Anne. Democralization in Russia under Gorbachev 1985-1991: The Birth of a Voluntary Sector (New York: St. Martin's Press, 1999).

White Stephen. «The Minorities Struggle for Sovereignty», in Daniels; Yitzhac Brudny, Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991 (Cambridge, Mass., and London, England: Harvard University Press, 1998) and Helene d'Encausse, The End of the Soviet Empire: The Triumph of Nations (New York: A New Republic Books, Basic Books, A Division of Harper Collins, 1994).

Yakovlev Alexander. The Fate of Marxism (New Haven and London: Yale University Press, 1993).

Yegorov Vladimir. Out of a Dead End Into the Unknown: Notes on Gorbachev's Perestroika (Chicago, Berlin, London, Tokyo, and Moscow: Edition, inc., 1993)

Zyuganov Gennady. My Russia (Armonk, New York, and London: M. E. Sharpe, 1997).